

Вестник

Российского
гуманитарного
научного
фонда

2015
1 (78)

Вестник

Российского
гуманитарного
научного
фонда

БЮЛЛЕТЕНЬ

Издаётся с 1995 года
Выходит 4 раза в год

2015
1 (78)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российский гуманитарный научный фонд

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.Н.Фридлянов (главный редактор),
Ю.Л.Воротников (зам. главного редактора),
Р.А.Казакова (зам. главного редактора),
И.Ю.Алексеева, Л.А.Беляева,
В.С.Бойченко, И.А.Виноградов,
Н.А.Высочил, В.П.Гребенюк,
М.Н.Громов, В.Э.Демьянков,
В.И.Денисов, Н.Г.Денисов,
В.Н.Захаров, М.В.Иванова,
Л.П.Киященко, А.А.Мальшев,
А.В.Назаренко, Н.И.Пикуров,
А.Н.Поддьяков, Н.Л.Селиванова,
Е.Ф.Тихомиров, Ю.П.Соловьёв,
В.А.Хащенко, Е.Н.Швейковская,
В.В.Шелобаев, А.Ф.Щербак

Рукописи объемом более 0,5 авт. л. к рассмотрению не принимаются.

Статьи принимаются только в электронном виде с приложением распечатки, заверенной автором.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в бюллетене материалов обращаться в редакцию.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

<i>Сорокин А.К.</i> В штабах Победы. К вопросу об институтах власти в СССР в годы Великой Отечественной войны	7
<i>Сенявская Е.С., Сенявский А.С.</i> Освободительная миссия Красной Армии в Европе в 1944–1945 годах: актуальные и малоисследованные проблемы	25
<i>Буранок С.О., Левин Я.А.</i> Образ победы над Германией в англоязычной прессе	37
<i>Колодникова Л.П.</i> Исторические уроки советско-финляндского вооружённого противоборства в 1930-е — 1940-е годы	50
<i>Емельянова Т.П.</i> Представления о Великой Отечественной войне в коллективной памяти	61

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РГНФ

Исторические науки

<i>Канторович А.Р., Маслов В.Е., Эрлих В.Р.</i> Спорные вопросы хронологии Архаической Скифии	73
<i>Энеева Н.Т.</i> Роль русского православного зарубежья 1917–1939 годов в истории Русской Православной Церкви и России	83

Экономика

<i>Соловьёва С.В.</i> Антиинфляционная направленность денежно-кредитной политики и способы преодоления стагфляции	95
<i>Маликова О.И., Ховавко И.Ю.</i> Изменения цен на нефть на мировом рынке: риски и возможности для российской экономики	106

Философия. Социология. Политология. Правоведение

<i>Маслин М.А.</i> Философское россиеведение за рубежом	119
---	-----

Филология. Искусствоведение

<i>Генералова Н.П., Лукина В.А.</i> Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1859–1866)	132
<i>Кустова Г.И.</i> Семантические механизмы грамматических изменений: теория и словарь	144

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

- Куфтяк Е.В.* Совладающее поведение супругов в контексте устойчивости семьи 154
- Поляков С.Д., Семикашева И.А., Стрюкова Г.А.* Повседневная деятельность современного учителя: опыт междисциплинарного исследования 165

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Седов Вл.В.* Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря 175
- Кощиенко И.В.* Научная реставрация уникальных рукописных памятников русской литературы и фондов РО ИРЛИ РАН 186
- Брежнева И.В.* Научная реставрация фонда редких изданий и рукописей Научной музыкальной библиотеки им. С.И.Танеева Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского 197

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

- Швейковская Е.Н.* XXXIV сессия международного Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X—XXI вв.» (Самара, 22—26 сентября 2014 г.) 204
- Андреевков С.Н., Дашинамжилов О.Б.* Всероссийская научная конференция «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX — начале XXI в.» (Новосибирск, 20—22 октября 2014 г.) 213
- Аронов Д.В.* Всероссийская научная конференция «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии» (Орёл, 25—26 сентября 2014 г.) 218
- Ситдииков А.Г., Абдуллин Х.М., Дэвлет Е.Г.* IV (XX) Всероссийский археологический съезд (Казань, 21—25 октября 2014 г.) 223
- Дохолян С.В., Петросяну В.Э.* V Всероссийская научно-практическая конференция «Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и реализации социально-экономической политики устойчивого развития» (Махачкала, 14—15 октября 2014 г.) 229
- Анфиногентова А.А., Яковенко Н.А.* Международная научная конференция «Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности в условиях членства России во Всемирной торговой организации» (Саратов, 28—30 октября 2014 г.) 234

- Шубникова-Гусева Н.И.* Международная научная конференция «Летопись жизни и творчества С.А.Есенина как источник персональной энциклопедии» (Москва, Рязань, Константиново, 25–27 сентября 2014 г.) 241
- Лобкова Г.В.* Всероссийская научная конференция «Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей» в рамках Года культуры в Российской Федерации (Санкт-Петербург, 27–30 сентября 2014 г.) 248
- Денисенко В.Н., Красина Е.А., Новикова М.Л.* Международная научная конференция «IV Новиковские чтения: функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (Москва, 28–30 октября 2014 г.) 254
- Салаев Б.К.* Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященная 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И.Рассадина (Элиста, 10–13 ноября 2014 г.) 258
- Науменко Т.И.* Международная научная конференция «Музыкальная наука в XXI веке: пути и поиски» (Москва, 14–17 октября 2014 г.) 261
- Мельников И.В.* Международная конференция «Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле» (Петрозаводск, 3–5 сентября 2014 г.) 267

МИР КНИГИ РГНФ

- Флоринский М.Ф.* — На изломе эпох: вклад С.Ю.Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации: В 2 т. Т. 2: С.Ю.Витте и его современники. СПб.: Лики России, 2014. — 560 с.: ил. 270
- Чеканцева Э.А.* — Идеи и люди. Интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П.Репиной. М.: Аквилон, 2014. — 848 с. (Образы истории) 275
- Хачатурьян М.Л.* — Бабаев К.В. Нигеро-конголезский праязык. Личные местоимения. М.: Языки славянских культур, 2013. — 608 с. 281
- Андреева А.Ю.* — Кузнецов И.Н., Новохатко О.В., Шахова А.Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля Залесского в XVII веке. М.: Памятники исторической мысли, 2014. — 594 с.: ил. 287

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

- Объявление о международном конкурсе РГНФ — Швейцарский национальный научный фонд 292

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

РГНФ — DFG: сотрудничество укрепляется	294
<i>Смирнова Я.В.</i> Российско-Тайваньский симпозиум по гуманитарным и общественным наукам	298
Contents	301

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А.К.Сорокин*

В штабах Победы. К вопросу об институтах власти в СССР в годы Великой Отечественной войны

Недостаточная проработка целого ряда вопросов истории войны во многом связана с тем, что огромные массивы ретроспективной информации, рассекреченные в ходе так называемой архивной революции в 1990—2000-е гг., остаются не востребованными профессиональными историками. К этим массивам относятся личный архив Сталина периода войны, документы Государственного комитета обороны, Центрального штаба партизанского движения, Политбюро и аппарата ЦК ВКП(б). В статье на ряде конкретных примеров показана продуктивность вовлечения в научный оборот этих и других комплексов архивных документов.

Победа в Великой Отечественной войне справедливо является для нас предметом национальной гордости. Возьмёмся утверждать, однако, что, несмотря на основательные достижения современной российской историографии, её полномасштабное исследование нам ещё только предстоит.

«Кто победил в войне — народ или Сталин?», этот многолетней давности спор не перестаёт будоражить сознание наших сограждан. Едва ли не ключевое место в этом споре занимает вопрос «А что делал Сталин в первые дни войны — находился в состоянии прострации или руководил обороной?» Вопросы эти возникли не сегодня, и сумятица в умах большинства наших сограждан как нельзя лучше (или, в данном случае, — хуже) характеризует кризисный характер состояния, в котором пребывает историческое сознание общества, и обозначает историографические лакуны.

В результате недостаточно исследованной и продвинутой в массовое сознание остаётся история создания и функционирования институтов высшей власти, механизмов принятия решений, практик руководства страной

* **Сорокин Андрей Константинович** — кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, директор Российского государственного архива социально-политической истории, исполнитель проекта «Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты (Исторические реалии, отражение в источниках, историографии, исторической памяти, современные интерпретации в политике и СМИ)» (14-31-12081а(ц)).

в целом и отдельными сегментами управления: государственного, военно-политического, административно-хозяйственного. До середины 1990-х гг. основным источником сведений о деятельности высших органов государственного управления страной оставались мемуары советских военачальников. Несмотря на кардинальное изменение источниковой базы, эта сторона истории войны по-прежнему в основном базируется на источниках личного происхождения.

Недостаточная проработка целого ряда вопросов истории войны связана — не в последнюю очередь — с тем, что огромные массивы ретроспективной информации, рассекреченные в ходе так называемой архивной революции в 1990—2000-е гг., остаются невостребованными, в том числе профессиональными историками. К этим массивам относятся и личный архив Сталина периода войны, и документы Государственного комитета обороны, Центрального штаба партизанского движения, и документы архива Политбюро. Эти комплексы включают документы четырёх основных видов. Во-первых, директивные материалы по вопросам организации различных органов власти и их структурных подразделений, о распределении функций между ними. Во-вторых, инициативные документы о выдвижении и согласовании тех или иных решений, включающие проекты постановлений, результаты экспертизы и проч. Третья группа документов — окончательные решения той или иной инстанции. К четвёртой группе следует, видимо, отнести документы, отражающие процесс реализации решений. Все эти комплексы в настоящее время хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории и, будучи рассекречены, являются общедоступными. Наименее изученными остаются документы Государственного комитета обороны и Центрального штаба партизанского движения.

Совокупность доступных сегодня документов позволяет полно осветить многие вопросы, остающиеся тайной за семью печатями для массового исторического сознания, в том числе, касающиеся первых дней войны. Рассекречен и уже дважды опубликован в постсоветской России и Дневник дежурных секретарей Сталина. Содержащиеся в дневнике записи приёма посетителей в течение всех первых дней войны демонстрируют высокую интенсивность его работы. В ночь на 22 июня Сталин заканчивает приём поздно вечером. В 23.00 его кабинет покидает Берия. Сталин ещё два часа занимается разными делами, около часа ночи он уезжает на дачу в Кунцево (так называемая Ближняя дача) и ложится спать. О вторжении Сталин узнает в 3.15 утра от Жукова (занимавшего пост начальника Генерального штаба в этот период), позвонившего на Ближнюю по приказу наркома обороны Тимошенко, в 5.45 в кремлёвский кабинет Сталина вхо-

дят первые посетители — Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков. Целые сутки продолжается мозговой штурм. Последними под утро 23 июня в 5.20—6.25 выходят от Сталина Тимошенко, Ватутин, Кузнецов, Каганович, Жигарев (начальник ВВС). Сталин уезжает отдыхать на Ближнюю. Перерыв продолжается до вечера. Через 12 часов — в 18.45 — в кремлёвский кабинет к Сталину заходит Жигарев. С высокой интенсивностью Сталин работает всю первую неделю войны.

Дальнейшие события нам известны по мемуарам — их нам оставили Жуков, Микоян, Молотов, Каганович, Хрущёв. Последние двое, впрочем, позволили себе говорить о том, чему свидетелями не являлись. Особенно в этом смысле отличился Хрущёв, отсутствовавший в Москве в те дни, но заявивший с трибуны XX съезда о «полной деморализации» Сталина, который «струсил, испугался» в первые дни войны, свидетелем чего он быть не мог. С Хрущёва начинается и этот не слишком содержательный пока по характеру разговор о роли Сталина в войне. Именно Хрущёв в том же докладе заявил, что «и если разгромлен враг, то это не в результате гениального руководства», «...враг разгромлен был в результате сплочения партии и невероятного количества жертв».

По воспоминаниям Микояна, кризис наступил как раз через неделю после вторжения вермахта на территорию СССР. 28 июня (Микоян, ошибаясь, пишет о 29-м) на очередное совещание у Сталина собрались Молотов, Маленков, Микоян, Берия. Встревоженный потерей Минска и окружением группы соединений Западного фронта, Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот, по выражению Микояна, «ничего путного» сообщить не смог. По предложению Хозяина, все собравшиеся поехали в Наркомат, где застали Тимошенко, Жукова, Ватутина. Около получаса, по воспоминаниям Микояна, проговорили спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?» Жуков «буквально разрыдался и выбежал в другую комнату». Сталин был очень удручён, — пишет Микоян. Когда вышли из наркомата, он сказал такую фразу: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это прос..ли...». Сталин уезжает на дачу в Кунцево и в течение двух дней, 29 и 30 июня, никого не принимает (об этом свидетельствуют упомянутые записи дежурных секретарей) и не общается по телефону. Это подтвердил и безусловный адепт Сталина — Молотов — в своих воспоминаниях, надиктованных Феликсу Чуеву: «Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен». Микоян, правда, именно Молотову приписывает описание состояния Хозяина как «прострации».

Ровно то же самое произнес Хрущёв на XX съезде: «Если говорить правду о Сталине, то в первые дни войны он сам заявил о том, что всё потеряно, всё разгромлено и что “Ленин создал государство, а мы его...” (в черновике: “безвозвратно растеряли”). И ушёл. Он не руководил войной, а вернулся только тогда, когда на него нажали...». Сейчас уже не восстановить, кто источник приведённых описаний состояния вождя — Хрущёв ли, отсутствовавший, как уже упоминалось, в эти дни в Москве, включил в свой знаменитый доклад услышанное им от Микояна, Молотова или кого-то ещё, или Микоян, примкнувший к десталинизации по хрущёвски, под конец жизни продолжал следовать установкам Никиты Сергеевича.

Разумеется, кремлёвский ареопаг в критические дни, переживаемые страной, не мог не чувствовать крайней степени беспокойства. Второе лицо в государстве — Молотов, в середине дня 30-го числа собирает у себя в кремлёвском кабинете Маленкова, Берия и Ворошилова, затем приглашает Микояна и Вознесенского.

В письме Берии в адрес ЦК, написанном в июне 1953 г., когда тот уже находился под арестом (хранится в РГАСПИ), он, обращаясь к Молотову, пишет: «Вы поставили вопрос ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведёт оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал... После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его в немедленном (*так!*) организации Комитета Обороны Страны со всеми правами». Таким образом, становится ясным, что инициатива создания ГКО принадлежит Молотову и Берии. В публицистике чаще всего эта заслуга приписывается исключительно Берии и можно допустить, что в этом письме он принижает свою роль, стараясь выставить себя верным другом Молотова, рассчитывая на его поддержку в критической ситуации, но это всего лишь допущение.

Равным образом не приходится преувеличивать личный вклад упомянутых «соратников» в это решение. По большому счёту, ничего оригинального придумано не было. В годы Гражданской войны в советской России действовал Совет труда и обороны, целью создания которого также была максимальная централизация управления страной. Поражает то, что этот опыт основательно был подзабыт, судя по тому, каким образом — спонтанно — было подготовлено и написано постановление о создании аналогичного органа — ГКО. Так что говорить имеет смысл не о прострации Сталина, а о коллапсе системы управления. Эта система в организационном отношении оказалась не подготовлена к началу войны, на этот случай не была разработана соответствующая модель

управления, система оказалась не в состоянии воспроизвести даже имевшийся опыт.

Сталин встретил приехавших, сидя в кресле в так называемой малой столовой, вопросом: «Зачем пришли?» «Вид у него был настороженный, какой-то странный, — вспоминает Микоян, — не менее странным был и заданный им вопрос... У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать». Молотов предложил создать Государственный комитет обороны. «Кто во главе?» — спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе — он, Сталин, тот после паузы ответил: «Хорошо». Маленков, присев к столу, красным карандашом написал проект, оформленный затем как совместное постановление Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б), Совета народных комиссаров. Проект поправлен Сталиным простым карандашом. Сталинские поправки сами по себе выразительны. Он — единственный, кто очень точно достраивает вертикаль управления снизу доверху, вспомнив о базе, на которой эта вертикаль создаётся, и вписав в п. 3 «всех граждан», с одной стороны, и вставив Президиум Верховного совета СССР в преамбулу документа (напомним, что формально именно Верховный Совет — высший орган управления в СССР, показательно забытый в переломные для страны минуты партийным ареопагом). Единственным из присутствовавших, кто ещё «отметился» в этой работе, стал Молотов, вписавший слово «родины» поверх слова «страны» синим карандашом (рис.1).

Так ли всё было на самом деле, не сублимирует ли Микоян свои собственные и общие страхи перед Хозяином в этом ожидании увидеть наконец страх и в его глазах, этого мы никогда не узнаем. Допускаю, что Микоян оказался прав в своём восприятии происходящего и Сталин был не просто растерян, как вспоминает Молотов, но испуган, как пишет Микоян. В литературе многое сказано о подозрительности Сталина. Если принять эту констатацию, то вполне логично предположить, что именно ареста ожидал Сталин, запершись на Ближней даче. Особенно, если поверить в то, что Жуков не расплакался, как вспоминает Микоян, а послал Хозяина куда подальше, как сообщают другие источники, а тот продемонстрировал слабость — оскорбление проглотил, Жукова не арестовал, признав тем самым собственную ответственность за происходящее. Тогда становится более понятной и объёмной мотивация Хозяина в послевоенной истории со слухами и действиями по замене им своего ближайшего окружения. Если эти люди действительно видели его слабость и страх — они, скорее всего, были обречены. Не многие диктаторы склонны прощать своим приближённым такие минуты.

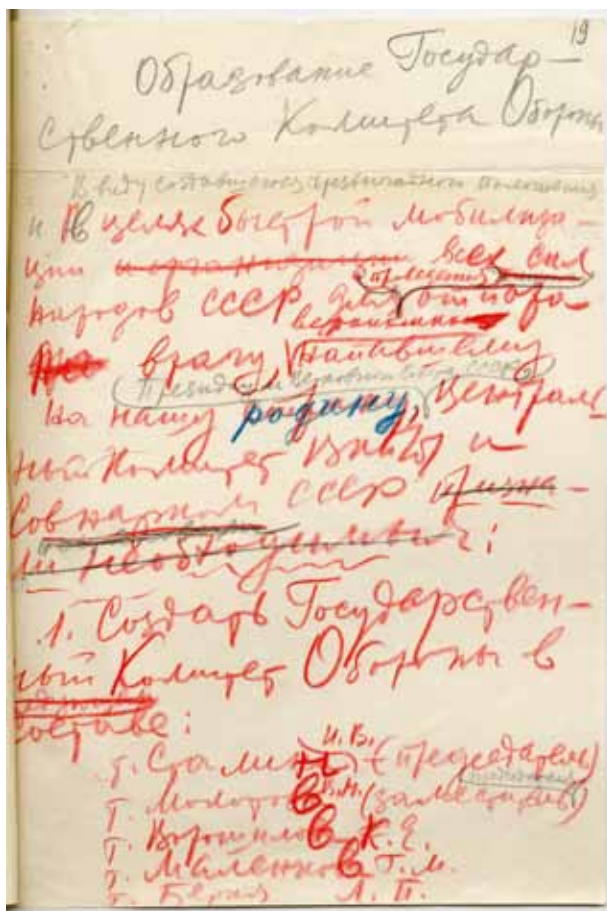

Рис. 1. Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об образовании Государственного комитета обороны СССР — автограф Г.М.Маленкова. Утверждён на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 30 июня 1941 г.
Подлинник

Испытал ли Сталин личный страх в те минуты, — повторюсь, — мы не узнаем. Размышляя над этим эпизодом, не забудем, однако, характеристику, данную Сталину его личным и непримиримым врагом — Львом Троцким, который, находясь в эмиграции, написал политическую биографию Сталина, где специально отметил, что тот «умел смотреть опасности в глаза».

Так или иначе, ночью с 30 июня на 1 июля был написан текст постановления о создании ГКО. Вот он:

«В целях быстрой мобилизации и организации всех сил народов СССР для отпора врагу, напавшему на нашу страну родину Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП (б) и Совнарком СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе: т. Сталина — (председатель)
т. Молотова (заместитель)
т. Ворошилов К.Е.
т. Маленков Г.М.
т. Берия Л.П.
2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, хозяйственные комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны». За пределами всемогущего ГКО, таким образом, остались приехавшие вместе со всеми к Хозяину Микоян и Вознесенский, назначенные уполномоченными ГКО. Вознесенский — по вопросам вооружения и боеприпасов, Микоян — по снабжению ободно-вещевым имуществом, Каганович — по воинским перевозкам. Только в феврале 1942-го все трое стали полноправными членами ГКО. В ноябре 1944-го из ГКО был выведен Ворошилов, а вместо него введён Булганин.

Уже на следующее утро — 1 июля — Постановление было опубликовано в газетах как совместное постановление Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР. Наверное, именно 30 июня следует считать некоторым переломным моментом в организации власти в первый период войны.

* * *

ГКО СССР становится чрезвычайным высшим государственным органом, обладавшим в период Великой Отечественной войны всей полнотой власти в стране. Председателем ГКО был И.В.Сталин, заместителями — В.М.Молотов (первым), К.Е.Ворошилов, Г.М.Маленков, Л.П.Берия, позднее в состав были введены А.И.Микоян, Н.А.Вознесенский, Л.М.Каганович, Н.А.Булганин.

Структура ГКО на протяжении его существования (1941—1945) неоднократно менялась. Основной аппарат ГКО включал группу постоянных уполномоченных ГКО на оборонных предприятиях, транспорте, по эвакуации и др. (1941 г. и позднее), Оперативное бюро (с декабря 1942 г.), Комитет по эвакуации (июль 1941 — декабрь 1945), Комитет по разгрузке железных дорог (декабрь 1941 — октябрь 1942), Транспортный комитет (октябрь 1942 — май 1944), Трофейную комиссию, затем комитет (декабрь 1941—1945), Совет по радиолокации (с июля 1943 г.), Специаль-

ный комитет (с августа 1945 г., вопросы создания атомной промышленности и ядерного оружия), Особый комитет (с февраля 1945 г., занимался вопросами репараций).

Подготовительная работа по проектам постановлений и распоряжений ГКО велась в аппаратах учреждений, в которых работали члены ГКО (СНК СССР, Госплан СССР и ЦК ВКП(б)), где, соответственно, и отложились на хранение первоначальные материалы.

В фонде Государственного Комитета Обороны собраны документы за период с 30 июня 1941 г. по 7 октября 1945 г. в количестве 1025 единиц хранения. Упразднён ГКО был Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 г. (рис. 2).

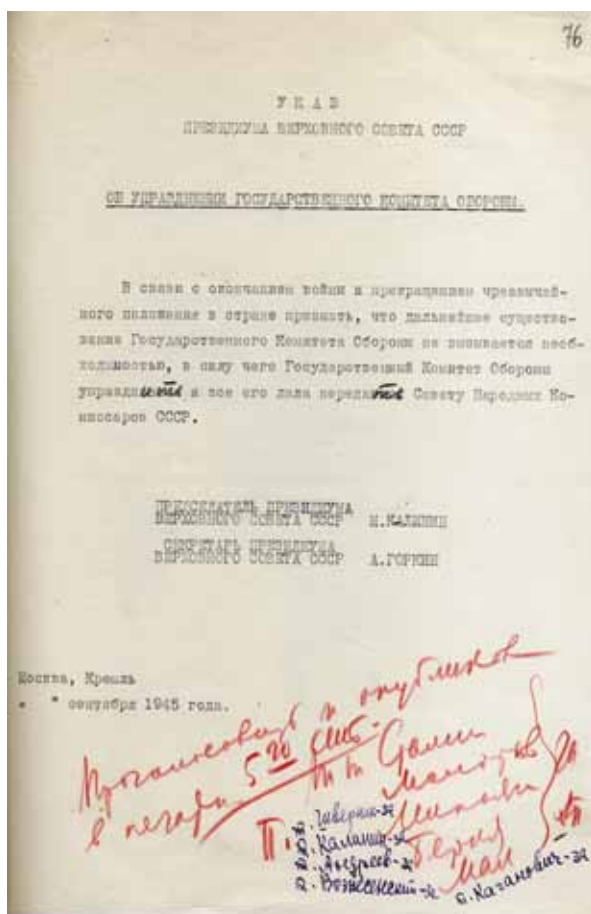

Рис. 2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 г.
«Об упразднении Государственного Комитета Обороны»

Документы ГКО были переданы в архив ЦК ВКП(б) в связи с тем, что ГКО не имел своего секретариата и вопросы делопроизводства исполнялись Особым сектором ЦК ВКП(б). В 1995 г. (в соответствии с распоряжением и поручением Президента РФ от 22.09.1994 г. и 21.11.1994 г.) документы были переданы в РГАСПИ.

В РГАСПИ фонд ГКО СССР значится за № 644, имеет 4 описи. Основной и главный вид документов, отложившихся в нём, — это образовавшиеся в результате деятельности ГКО постановления и распоряжения (9971). Фонд представлен двумя основными группами документов: Опись 1 — комплект оформленных постановлений и распоряжений ГКО № 1-9971 за 1941—1945 гг. (на бланках ГКО СССР с печатью ГКО № 1 протокольной части) — 463 ед. хр. Опись 2 — подлинники постановлений и распоряжений ГКО № 1-9971 за 1941—1945 гг. — 536 ед. хр. Документы фонда рассекречены (за исключением 102 документов).

Целесообразным представляется поэтапное введение в научный и общественный оборот документов фонда ГКО. В настоящее время завершается подготовка к изданию аннотированного каталога постановлений и распоряжений ГКО в трёх томах. В результате этой работы будут получены полный массив описаний документов фонда и путеводитель по фонду. Сборник решит задачи введения в научный оборот и для широкого круга пользователей информации обо всех постановлениях ГКО СССР за годы Великой Отечественной войны, их характеристиках, имеющихся к ним приложениях, о наличии на них авторской правки И.В.Сталина, В.М.Молотова и др. Таким образом, каталог будет включать информацию, содержащуюся в описях 1—4 фонда № 644 (Государственный комитет обороны СССР (1941—1945 гг.)). В каталог войдет предисловие и научно-справочный аппарат (именной, географический, предметный указатели).

В настоящее время осуществляется оцифровка документов ГКО с целью создания общедоступной электронной базы данных. Крайне желательным представляется подготовка в будущем комментированного (академического) издания документов ГКО в 100 томах. Параметры проекта могут уточняться по итогам реализации первого этапа.

* * *

Результатом импровизации, подобной вышеописанной, специалисты называют и создание Ставки Главного Командования, состоявшееся 22 июня и оформленное решением Совнаркома от 23 июня (или, как сказано в его тексте: «Правительство СССР постановило...») (рис. 3). При-

чём Сталин уклонился от руководства Ставкой, и её председателем был назначен нарком обороны Тимошенко, не принимавший в сложившейся властной системе окончательных решений. Более того, по воспоминаниям адмирала Кузнецова, члены Политбюро, вошедшие в состав Ставки, и не собирались подчиняться Тимошенко. Было ясно, что реальным руководителем остаётся Сталин, он — источник власти, и никто другой.

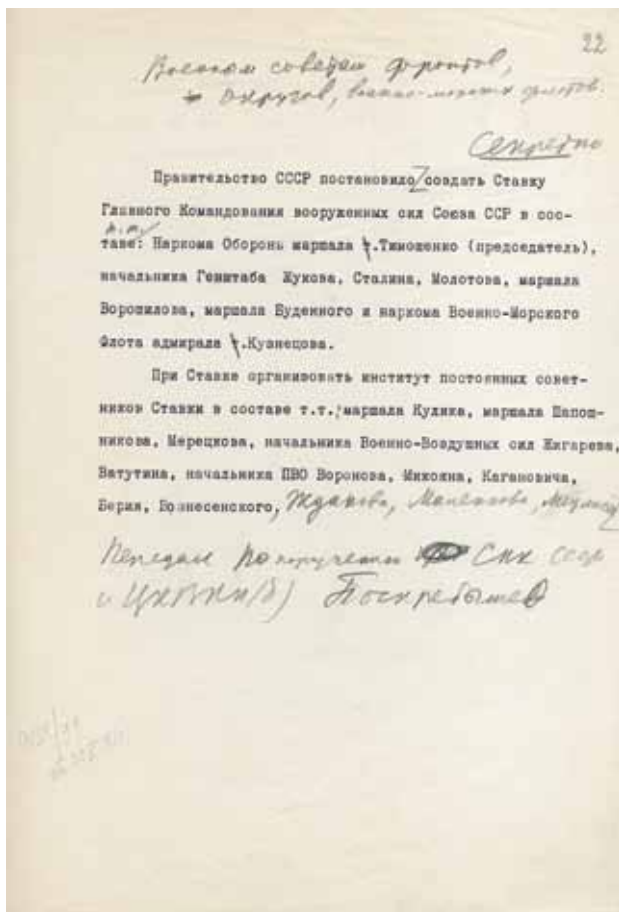

Рис. 3. Постановление Правительства СССР о создании Ставки Главного Командования Вооружённых Сил Союза ССР

Ставка (в которую вошли 20 человек), как и ГКО, в полном составе не собиралась ни разу. В первый состав Ставки вошли, кроме Тимошенко, — Жуков, Сталин, Молотов, Ворошилов, Будённый, Кузнецов, а также постоянные советники Кулик, Шапошников, Жигарев, Ватутин, Воронов, Микоян, Каганович, Берия, Вознесенский, Жданов, Маленков, Мехлис.

Документов, регламентирующих деятельность обоих органов управления, не было. Страна и армия управлялись в ручном режиме. Ситуацию со Ставкой подправило решение от 10 июля, когда была создана Ставка Верховного Командования под председательством теперь уже Сталина, который с 8 августа начинает именоваться Верховным главнокомандующим всех войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота (Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б)). 10 июля, таким образом, ознаменовало завершение кризиса управления и создания органов властвования, действовавших на протяжении всего периода войны.

Для характеристики атмосферы, царившей в Кремле, нелишним будет отметить, что будущий маршал Мерецков, включённый 23 июня в первый состав Ставки в качестве постоянного советника, был уже на следующий день арестован по обвинению в шпионаже.

Сосредоточить полноту власти ГКО, однако, удалось далеко не сразу.

Первое постановление «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово»» было принято в день опубликования Постановления о создании ГКО — 1 июля. Два другие, принятые в тот же день, — о расширении производства противопожарного оборудования и «О производстве танков КВ-1 на Челябинском тракторном заводе».

Если посмотреть на повестки дня заседаний Политбюро за эти же даты, то мы увидим, что там решалось куда большее число вопросов, причём не политических, а военных и военно-технических, позднее находившихся в безусловном ведении ГКО. 22 июня именно Политбюро утверждает проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных...», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», «О военном положении», «Об утверждении Положения о военных трибуналах...». Именно Политбюро утверждает 23 июня Постановление СНК и ЦК «О ставке Главного командования вооружённых сил Союза ССР», утверждает назначения командиров не только высшего, но и среднего звена, включая командиров дивизий, об увеличении выпуска вездеходов, утверждает постановление СНК о борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», о производстве брони и танков «КВ» и т.д. Другими словами, именно Политбюро в начальный период войны играет ту роль центра, которая затем переоформляется на ГКО.

О дезорганизации и дезориентации руководства страны свидетельствуют некоторые из документов. Так, 24 июня Политбюро принимает постановление о выделении Украинской ССР в июне 1941 г. дополнительно к рыночному фонду муки и кукурузы для продажи населению горных рай-

онов западных областей УССР, уже захваченных вермахтом. В первых постановлениях и распоряжениях ГКО ещё можно встретить немислимые стилистические конструкции, вроде «Государственный Комитет Обороны предлагает...» Уже через неделю, 8 июля, ГКО рассматривает 20 вопросов и принимает решения по ним.

С течением времени ГКО концентрирует всю власть в стране и не делит её ни с каким другим государственным или политическим органом управления. Такая трактовка, закрепившаяся в литературе, близка к реальности, но всё-таки представляется упрощённой. Она основана на институциональном подходе к анализу системы управления. А все институты управления, между тем, были собраны в один мешок, и бочонки этого своеобразного «русского лото» вместе с их кадровым содержимым вынимала рука Хозяина. ГКО — это точно найденный в чрезвычайных обстоятельствах не только институт управления, а скорее (особенно на первом этапе) легитимная форма репрезентации государственным органам и обществу решений всё той же самой группы высших управляющих и до этого момента сосредоточивших в своих руках все нити управления. Ведь ещё до войны вместо Политбюро уже действовала так называемая пятёрка в составе Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича, а роль правительства (Совета народных комиссаров) взяла на себя другая группа, составившая Бюро СНК и действовавшая по мандату Сталина.

ГКО собирался нерегулярно, в неполном составе. Большинство вопросов решалось единолично Сталиным или его заместителями — Молотовым и Берией (с мая 1944-го) либо опросом. Специального аппарата ГКО не существовало, каждый из его членов пользовался тем аппаратом управления, который находился в его распоряжении по факту занимаемой должности. ГКО, таким образом, использовал аппараты ЦК, Совнаркома, Госплана, НКВД, Наркомата обороны. По воспоминаниям Жукова, смешение функций органов управления было нормой, и ему не всегда бывало понятно, на заседание какого органа он прибыл и в каком качестве выступают те или иные руководители. В зависимости от обсуждаемого вопроса Сталин распоряжался оформить то или иное решение как директиву ГКО, Ставки, или СНК или Политбюро. Как вспоминает начальник тыла Красной Армии генерал Хрулёв, «некоторые думают, что Сталин никогда ничего не забывал... На самом деле это не так. Ежедневно решая сотни... дел, Сталин давал подчас самые противоречивые указания, взаимно исключавшие друг друга. Поскольку никаких стенограмм и протоколов при этом не велось, то некоторые его распоряжения оставались невыполненными... Заседаний ГКО в обычном

понимании, т.е. с определённой повесткой дня, секретарями и протоколами, не было».

Хотя ГКО не имел собственного аппарата, но с первых дней своего существования ГКО стал назначать уполномоченных — не только в центре, курировавших, как Микоян или Каганович, целые направления деятельности, но и на оборонные заводы и на территории. Своим специальным решением ГКО образовал местные чрезвычайные органы — городские и аналогичные комитеты обороны (насчитывалось более 60), концентрировавшие всю гражданскую и военную власть.

Рис. 4. И.В.Сталин на выставке трофейного вооружения, захваченного у немцев в 1941—1943 гг. Июнь 1943 г. репродукция фотографии

Причём в его компетенции оказались все сферы жизнедеятельности страны: эвакуация населения и промышленности (притом, что существовал специальный Совет по эвакуации), мобилизация промышленности, выпуск вооружений и боеприпасов, вывоз в СССР захваченных образцов техники (рис. 4) и промышленного оборудования, организация боевых действий, начало «работ по урану» и многое другое. Направления деятельности были структурированы, но сама структура ГКО менялась на протяжении его существования. Прежде всего, необходимо упомянуть группу постоянных уполномоченных ГКО, Оперативное бюро (с декабря 1942 г.), Комитет по эвакуации (июль 1941 — декабрь 1945), Комитет по разгрузке железных дорог (декабрь 1941 — октябрь 1942), сменивший его Транс-

портный комитет (октябрь 1942 — май 1944), Трофейная комиссия, затем комитет (декабрь 1941—1945), Совет по радиолокации (с июля 1943 г.), так называемый Специальный комитет (август — сентябрь 1945 г.), занимавшийся вопросами создания атомной промышленности и ядерного оружия, Особый комитет (февраль-сентябрь 1945 г.) по вопросам репараций.

Этот же орган принимал и репрессивные решения, например, о депортации ряда народов СССР в 1943—1944 гг.

* * *

К фонду ГКО тесно примыкает фонд Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), который также хранится в РГАСПИ. ЦШПД занимал положение, подчинённое по отношению к основным органам властвования в стране, однако он сыграл важнейшую роль в годы войны. Возникшее с начала войны на оккупированной территории СССР партизанское движение к лету 1942 г. приняло большой размах. Партизанские формирования подчинялись Центральным Комитетам компартий республик, обкомам партии, военным советам фронтов и армий. Отсутствие централизованного руководства движением препятствовало всестороннему использованию его возможностей. Поэтому 30 мая 1942 г. ГКО принял постановление о создании Центрального штаба партизанского движения (рис. 5), основной задачей которого было объединение руководства и дальнейшее развитие партизанского движения. Свои задачи ЦШПД должен был осуществлять через местные штабы партизанского движения при военных советах фронтов.

Командующим ЦШПД был назначен К.Е.Ворошилов, начальником штаба — первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К.Пономаренко. Но документы свидетельствуют, что реальным руководителем ЦШПД с самого начала его создания был П.К.Пономаренко, и вскоре в документах исчезает упоминание имени Ворошилова в качестве командующего ЦШПД. Первоначально было создано шесть местных штабов: Брянский, Западный, Калининский, Карело-Финский, Ленинградский, Украинский. Постепенно их число увеличивалось. В фонде ЦШПД отложились документы о деятельности 18 местных штабов, 5 спецшкол и Пункта сбора резерва при Центральном штабе партизанского движения.

К началу 1944 г. большинство территорий, на которых действовали партизаны, были освобождены от немецких войск и их союзников. Партизанские отряды, продолжавшие борьбу на оккупированной территории Белоруссии и Украины, имели свои республиканские штабы. Поэтому

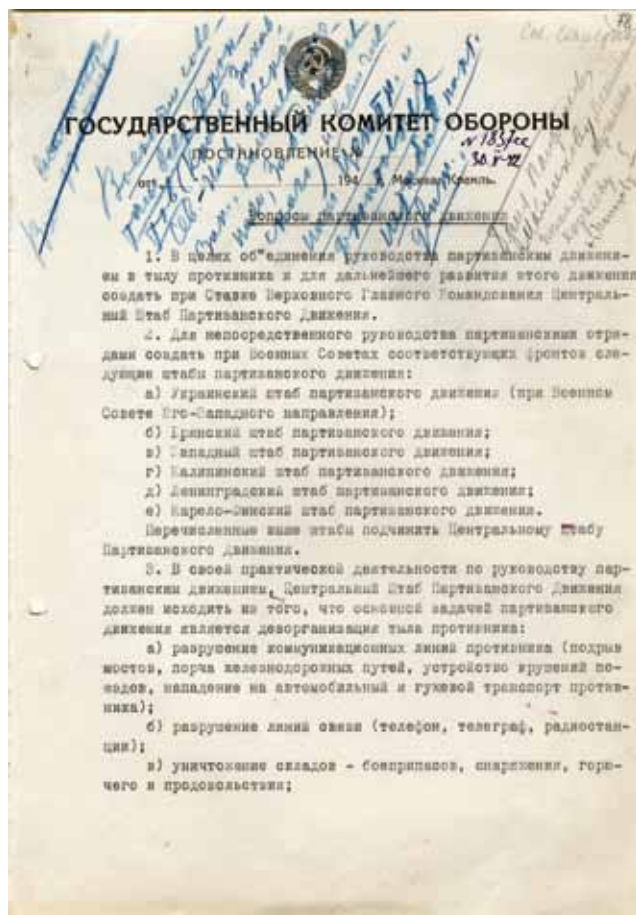

Рис. 5. Из проекта постановления ГКО СССР об образовании при Ставке Верховного Главнокомандования Центрального штаба партизанского движения, а при Военных советах фронтов — местных штабов партизанского движения. На документе указаны адресаты рассылки проекта постановления. Постановление утверждено на заседании ГКО СССР 30 мая 1942 г. Подлинник

13 января 1944 г. ГКО принял постановление о расформировании ЦШПД. Руководство партизанским движением на этих территориях возлагалось на местные штабы, на ЦК и обкомы компартий этих республик. Приказом ЦШПД от 14 января 1944 г. Центральный штаб партизанского движения был расформирован, работники аппарата ЦШПД перешли в распоряжение Главного Управления формирования Красной Армии (Главупраформ). Ценности и иностранная валюта, рассчитанные до рубля, передавались Наркомату финансов СССР. Специальным пунктом оговаривалось, что все материалы и документы ЦШПД подлежат пере-

даче в архив ЦК ВКП(б) (оттуда они были переданы в Центральный партийный архив).

Этим же приказом назначалась ликвидационная комиссия, в которую вошли начальники всех отделов ЦШПД. Завершить работу комиссии предписывалось к 1 марта 1944 г., что и было исполнено. Постановлением ГКО от 13 января 1944 г. архив ЦШПД был передан на хранение в архив ЦК ВКП(б) и по акту от 15 февраля 1946 г. принят в Центральном партийном архиве.

Изучение физического состояния документов и их содержания привело к заключению, что для введения фонда в научный оборот следовало провести его тщательную научно-техническую обработку, так как многие документы создавались в условиях фронтовой обстановки непосредственно в партизанских формированиях, причём значительная часть документов написана карандашом на низкокачественной бумаге.

По характеру и содержанию документы фонда ЦШПД представляют собой постановления и директивы НКО СССР, ЦШПД, местных штабов партизанского движения по формированию, реорганизации и расформированию органов партизанского движения, о территориальных границах деятельности штабов партизанского движения, личном составе ЦШПД и его органов. Это также постановления и директивы ЦК республик, обкомов ВКП(б), ГРУ, Штаба истребительных батальонов НКВД СССР, 4-го Управления НКВД, НКГБ, управлений УНКВД Москвы и Московской области. Мы находим здесь информационные бюллетени ЦШПД; оперативные, разведывательные, агентурные сводки и справки ЦШПД по фронтам и областям; оперативные планы штабов (операции по уничтожению в тылу противника железных дорог — «Лампа», «Рельсовая война», «Концерт», «Зимний концерт»; железнодорожных мостов — «Дуб»; разрушению водоснабжения — «Пустыня»; по боевому использованию новых средств борьбы — операция «Техника» и др.); материалы о формировании партизанских отрядов и личном составе отрядов, боевых действиях партизан, спецшколах и курсах, материально-техническом обеспечении, радиосвязи.

Большую группу документов составляет переписка ЦШПД с высшими государственными, советскими, партийными органами, штабами, Главным управлением Красной Армии, с органами СМЕРШ, НКГБ, ГРУ, государственными учреждениями о взаимодействии партизан с частями Красной Армии и с подпольными партийными организациями, о финансировании движения (в том числе и валютой) и обеспечении его продовольствием, вооружением, средствами связи, типографским имуществом, о помещениях для спецшкол, госпиталей и т.д. Сюда же входят документы

за период, предшествовавший созданию ЦШПД, — это документы группы П.К.Пономаренко, ведавшей в ЦК ВКП(б) вопросами партизанского движения.

Слабо изученными остаются важнейшие комплексы документов, отложившиеся в отделах кадров и спецшкол, финансовом и шифровальном отделах, так как доступ к ним был либо закрыт, либо сильно ограничен. В феврале 1948 г. на справке «О содержании документальных материалов фонда ЦШПД», подготовленной заведующим партархивом в адрес ЦК, была сделана запись: «Есть указание Управления пропаганды т.т. Шепилова через т. Кружков о том, что пользование материалами ЦШПД ограничить и по особым разрешениям допускать только военных исследователей с ходатайством Политуправления Советской Армии». Фактически такое положение сохранялось более 40 лет. Большую группу документов (несколько тысяч единиц хранения) составляют личные дела руководителей и участников партизанского движения с биографическими сведениями о них.

* * *

Концентрация полномочий завершалась на вершине властной пирамиды. Сталин в короткий срок занял все высшие (из наиболее значимых) посты в стране: он являлся не только председателем ГКО и Ставки, но и Председателем Совнаркома, Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Наркомом обороны. Лишь номинальный высший пост в стране — председателя Президиума Верховного Совета СССР — занимал другой человек — М.И.Калинин. Роль и место этого органа власти лучше всего характеризует «забывчивость» членов Политбюро, лишь в последний момент упомянувших о нём в проекте постановления о создании ГКО. Вообще практика утверждения «в советском порядке» решений, принятых Политбюро, укоренилась в СССР со времён Гражданской войны и оставалась практически неизменной вплоть до 1991 г.

Сверхцентрализация, жёсткость и жестокость управления после относительно короткого периода дезорганизации обеспечили восстановление оперативности управления, мобилизацию всех ресурсов страны. Победить в этой войне без жесточайшей мобилизации было невозможно. И эту мобилизацию обеспечил тот политический режим, который создал персонально Сталин и который без Сталина как легитимного суверена существовать просто не мог (рис. 6). Сталинский аппарат управления и он сам в качестве его персонифицирующего элемента доказали свою эффективность. И это следует признать.

Рис. 6. У.Черчилль, Ф.Рузвельт, И.В.Сталин на Крымской конференции. Февраль 1945 г.
Репродукция фотографии; фотограф — С.Гурарий

Важно, однако, понимать и другое. Кратковременная потеря управляемости, связанная с организационной неготовностью к войне, была одной из причин разгрома Красной Армии летом-осенью 1941 г., поставившего страну на грань военной катастрофы. Следует помнить и о том, что структурообразующим элементом этого аппарата управления были внеэкономическое принуждение, прямое насилие, отсутствие порога, да и самого понятия приемлемости потерь. Не в последнюю очередь именно этим следует объяснить высокую цену, которую пришлось заплатить за Победу всем советским народам, воевавшим с нацизмом на фронтах Второй мировой.

Е.С.Сенявская, А.С.Сенявский*

**Освободительная миссия
Красной Армии в Европе
в 1944–1945 годах:
актуальные
и малоисследованные
проблемы**

В статье рассматриваются актуальные, но наименее исследованные проблемы Великой Отечественной войны: формирование и эволюция официального политического дискурса Освободительной миссии Красной Армии в Европе, проявление её гуманитарного и социально-психологического аспектов. Характеризуются причины целенаправленного искажения решающей и гуманистической роли СССР в освобождении от нацистского порабощения. Показаны механизмы интерпретации прошлого и их использование как инструментов информационной войны в условиях современной геополитики.

Борьба за интерпретацию истории Второй мировой войны началась вскоре после её завершения в контексте противостояния двух общественных систем, но приобрела крайнюю остроту в процессе и после распада СССР и всего «соцлагеря». Причина в том, что ход и итоги Второй мировой войны на полвека явились основой для Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства с её двухполюсной конструкцией, а развал одного из полюсов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. вызвал геополитическую катастрофу. Произошли трансформация социально-экономических моделей стран, ранее входивших в советский блок или в состав СССР, встраивание их в западную цивилизацию с англосаксонским доминированием, стремлением новых элит этих стран продемонстрировать лояльность новым «сюзеренам», прежде всего, США через «отгалкивание» от России, хотя бы и постсоветской, а самого Запада — максимально «освоить» (по возможности — присвоить) «советское наследство». Для этого и ранее принижавшаяся и искажавшаяся роль СССР в мировой войне подверглась ещё более изощрённому искажению и очернению.

* **Сенявская Елена Спартаковна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, руководитель проекта «Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты (Исторические реалии, отражение в источниках, историографии, исторической памяти, современные интерпретации в политике и СМИ)» (14-31-12081a(ц)).

Сенявский Александр Спартакович — доктор исторических наук, руководитель Центра «Россия, СССР в истории XX века», главный научный сотрудник Института российской истории РАН, исполнитель того же проекта.

Выхолащиваются суть, справедливый характер Великой Отечественной войны, всенародный подвиг; на первый план выдвигаются действительные, а чаще мнимые негативные аспекты. Особенно яростным нападкам подверглась заключительная стадия Великой Отечественной войны, а именно освобождение Красной Армией ряда стран Восточной и Центральной Европы, включая главного противника антигитлеровской коалиции — Германию [1]. В СССР этот поход в Европу (после освобождения собственных временно оккупированных территорий) получил осмысление сначала в политической (сформированной в ходе самой войны) [2], а затем и в исторической концепции «Освободительной миссии». То, что решающая роль СССР в освобождении Европы вызывает особо яростную неприязнь у современной политической и околонучной элиты Запада, не случайно: Европа под предводительством нацистской Германии несла России порабощение, разрушения и смерть, а Красная Армия народам Европы — освобождение и спасение от нацистского рабства. Можно ли такое простить и оставить эту миссию незапачканной и неискажённой? Ведь большинство европейских стран было замарано либо прямым союзом с Гитлером, либо — из покорённых стран — массовым коллаборационизмом, особенно среди их элиты.

Но и в странах, союзных в то время СССР, ещё со времен «холодной войны» вплоть до сегодняшних дней предпочитают переставлять акценты, проводить инверсию с позитивного образа советского воина-освободителя на негативный. Желание окончательно переписать историю Второй мировой «под себя» исходит и от государств бывшего «социалистического лагеря», оказавшихся сегодня членами НАТО, и от бывших союзных республик СССР, тяготеющих к Западу, и от стран — бывших противников СССР во Второй мировой войне. Общий лейтмотив этих нападок — попытка подмены «освобождения» «оккупацией», «новым порабощением» стран, оказавшихся в сфере советского влияния, обвинения не только в адрес СССР, но и России как его правопреемницы в «насаждении тоталитарных режимов в Европе», в преступлениях против гражданского населения, требования «покаяться» и «возместить ущерб».

Вот почему крайне важно противопоставить пропаганде, искажающей историческую реальность, научные исследования, отражающие действительную роль Красной Армии в освобождении Европы.

Главным в Освободительной миссии были осуществление разгрома армий нацистской Германии и её сателлитов, сокрушение военно-политической и экономической машины III Рейха, освобождение от оккупации стран — жертв гитлеровской агрессии, германского народа — от кровавой фашистской диктатуры, а стран — союзниц Германии — от фашистских

и диктаторских режимов. Но даже там, где не ступала нога советского солдата, роль СССР в освобождении от оккупантов была решающей. Так, генерал Ш. де Голль, возглавлявший в годы войны Французский комитет национального освобождения, заявлял, что именно Россия сыграла главную роль в освобождении Франции.

Освободительной миссии посвящена достаточно обширная историография, где подробно раскрыты военный, меньше — дипломатический и политический ракурсы. При этом наименее изученными, наиболее дискуссионными в мировой научной литературе и особенно в политическом дискурсе являются гуманитарный и социально-психологический аспекты роли Красной Армии в освобождении Европы. Это обстоятельство привело к заполнению «белых пятен» принесёнными из западной политизированной публицистики заказными «чёрными мифами» о массовых «зверствах» красноармейцев в Европе, мародёрстве, вымещении чувства мести на гражданском населении, «изнасилованной Германии», «красных варварах с Востока, разрушающих европейскую культуру», и т.п. То есть, они оказались наиболее подверженными преднамеренной фальсификации. В результате в западном сознании последовательно формировался и до сих пор внедряется образ «русского дикаря, оккупировавшего, поправшего, разорившего и осквернившего культурную Европу». Термины «оккупация», «вторжение» активно используются сегодня в странах Прибалтики для разжигания русофобии, а на Украине — для присоединения этой страны к Евросоюзу и НАТО. Подобные мотивы через ангажированные СМИ, Интернет, публицистику и часть историографии исподволь внедряются и в современное российское массовое сознание.

В канун 70-летия Великой Победы (а это мощный информационный повод) и в условиях обострившейся внешнеполитической обстановки, когда уже современную Россию пытаются выставить перед международным сообществом в виде агрессора, аннекциониста и «душителя демократических свобод», тема Освободительной миссии советских Вооружённых Сил во Второй мировой войне приобретает особую значимость.

Какие же проблемы в контексте освобождения Европы Красной Армией являются наиболее актуальными? В общем, те же самые, которые остаются наименее исследованными. Во-первых, это формирование и эволюция официального дискурса Освободительной миссии, то, как сама власть понимала её и доводила до сознания своего народа и зарубежных стран. Во-вторых, гуманистический смысл и гуманитарные аспекты Освободительной миссии, которые нуждаются не только в фактологическом освещении, но и в теоретическом осмыслении. В третьих, это социально-психологические аспекты Освободительной миссии.

Здесь можно лишь кратко обозначить результаты проводимого исследования.

Прежде всего, то, что касается официального дискурса Освободительной миссии, отражённого в речах руководителей СССР, и прежде всего И.В.Сталина, в документах высших органов власти. Откуда же появился сам термин «Освободительная миссия», и почему столь высокий слог — именно «миссия», а не просто «освобождение»?

Уже в речи И.В.Сталина 3 июля 1941 г. говорится о смертельной схватке народов СССР «против фашистских угнетателей», целью которой объявлена «...не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы... Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера». В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы 6 ноября 1941 г. И.В.Сталин указал на принципиальное отличие войны, которую ведёт фашистская Германия, от войны, которую ведёт Советский Союз, как войны справедливой, рассчитанной «...на освобождение порабощённых народов Европы и СССР от гитлеровской тирании». Причём в докладе подчёркивалось, что «...Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят». 7 ноября 1941 г. в ходе военного парада на Красной площади И.В.Сталин, обращаясь к красноармейцам, закончил свою речь словами: «На вас смотрят порабощённые народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!» [3, с. 16, 34, 39–40].

Ещё одна принципиально важная мысль была озвучена в Приказе Народного Комиссара Обороны от 23 февраля 1942 г. № 55. И.В.Сталин (и это в условиях оккупации огромной части страны, когда доминирующим чувством народа была ненависть к врагу) обозначил два разных подхода к фашистскому государству и к немецкому народу, призвал не «...отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством» [3, с. 45–46]. Таким образом, задача справедливого возмездия агрессору была отделена от немецкого народа, на него была распространена задача освобождения — от фашистской диктатуры.

Тема освобождения Европы перешла в практическую плоскость лишь в середине 1944 г., когда советские войска приблизились к государственной границе СССР. Собственно понятие «освободительная миссия» вто-

рой раз в приказах Верховного Главнокомандующего используется 23 февраля 1945 г. (приказ № 5).

Анализ официального дискурса Освободительной миссии Красной Армии в Европе (на уровне высшего государственного и военного руководства страны) показывает, что он сформировался в самом начале войны и далее прошёл эволюцию, наполняясь конкретным содержанием. Ещё на начальном этапе, когда советские войска отступали с тяжёлыми оборонительными боями, а враг и западные союзники считали, сколько недель ещё сможет продержаться Советское государство, верховная власть сформулировала основные идеи Освободительной миссии: от констатации порабощения фашистской Германией целого ряда стран и народов, через постановку цели всенародной Отечественной войны — не только ликвидации опасности для СССР, но и помощи народам Европы, оказавшимся «под игом германского фашизма», к миссии освободителей Европы, а сам смысл войны — справедливый, освободительный. Отечественная война оказывается великой, имеющей всемирное значение. Позиционирование целей и характера деятельности, определённой не просто как освобождение, а как Освободительная миссия, не было «голой пропагандой», но воплощалось в приказах Верховного главнокомандования, Ставки ВГК, командования фронтов и армий, в государственных законах, в политико-дипломатических мероприятиях, в разработке правовых основ вступления советских войск на чужую территорию, регламентации поведения военнослужащих, в специальной разъяснительной и пропагандистской работе среди личного состава войск, наконец, в дисциплинарных и карательных мерах по отношению к нарушителям установленных норм поведения в Красной Армии, которые жёстко и даже жестоко пресекали отклонения от предписанного поведения. При этом политика советского руководства и командования была весьма дифференцированной применительно к разным странам и народам, участвовавшим в войне на стороне Гитлера или, напротив, являвшимся жертвой агрессора (да и среди германских сателлитов — в зависимости от степени активности и характера сопротивления на заключительном этапе войны).

Конечно, все эти публичные презентации целей и смыслов, прежде всего — самим И.В.Сталиным, имели многоуровневую направленность — политическую, идеологическую, дипломатическую, пропагандистскую, психологическую и т.д., как разнообразными были объекты информационных посланий власти — от широких слоёв советского народа и Красной Армии (включая соответствующие государственные и военные структуры) до зарубежных адресатов, и противников, и союзников, также в широком диапазоне: от простых людей до руководителей государств. Верховная власть СССР осуществляла, таким образом, сложную коммуникацию,

имеющую целью мобилизацию собственных сил, привлечение союзников и уверение их в своей надёжности, позитивности и конструктивности своих целей, устрашение врага и т.д. Далекое не всё оказалось так благостно, как это обозначалось в ряде посланий (например, в заявлении о невмешательстве во внутренние дела других народов). Но на то она и реальная политика: наши западные союзники ещё в ходе войны вынашивали далеко не дружественные по отношению к СССР планы, в том числе и геополитического свойства.

В целом официальный дискурс «освободительной миссии Красной Армии» не только выполнил свои прагматические задачи, но в главном соответствовал постулируемому высоким смыслом, которыми наполняла их власть: народы Европы были спасены от порабощения, а во многом и от уничтожения нацистским (и расистским!) режимом III Рейха.

К числу тем, которым исследователи в рамках исторической науки до сих пор не уделили должного внимания, принадлежат и проблемы гуманистической сути и гуманитарного ракурса Освободительной миссии Красной Армии, причём как в советской, так и в постсоветской историографии.

Гуманитарные аспекты Освободительной миссии Красной Армии включают целый комплекс явлений разного уровня и порядка. Главным, решающим из них являлось создание условий для обеспечения права на жизнь десятков миллионов жителей стран Европы, т.е. прекращение войны, а оно достигалось лишь путём победы, разгромом фашистской Германии и её сателлитов, или, используя современную терминологию, «принуждением к миру». Таким образом, вся Освободительная миссия имела глубоко гуманистический смысл, ведь в правах человека на первом месте всегда стоит право на жизнь как важнейшее (без его обеспечения все остальные теряют смысл).

Другой гуманитарный пласт Освободительной миссии имел существенную политическую составляющую. Его можно разделить на 3 части: 1) освобождение народов и стран от оккупации, от оккупационного режима и террора, установленного нацистами в покорённых странах; 2) освобождение стран-сателлитов нацистской Германии и их народов от диктаторских профашистских режимов и подчинения воли правителей III Рейха; 3) наконец, освобождение самой Германии от нацистского режима гитлеровской диктатуры и денацификация Германии.

Собственно гуманитарный уровень Освободительной миссии охватывает действия относительно различных категорий людей в условиях войны: 1) гражданского населения (обеспечение условий жизнедеятельности, организация снабжения населения продовольствием и медицинского обслуживания, содействие восстановлению разрушенной войной экономики,

нормализации общественной жизни и т.д.); 2) различных категорий жертв войны (насильственно угнанные на работы, заключённые концлагерей и др.); 3) военных, выведенных из строя (раненых, больных); 4) военнопленных и др.

Наконец, ещё одной категорией наименее исследованных проблем являются социально-психологические аспекты Освободительной миссии, включая то, как понимал свою роль советский солдат, какие чувства испытывал, идя в кровавых боях по Европе, какими мотивами (помимо приказов) руководствовался в своём поведении.

На завершающем этапе войны, освободив советскую территорию, Красная армия перешла государственную границу СССР. С этого момента начался её победоносный путь по странам Европы — и тем, которые шесть лет томились под фашистской оккупацией, и тем, кто выступал в этой войне союзником III Рейха, и по территории самой гитлеровской Германии. Свыше года около семи миллионов советских воинов сражались за пределами Родины (фото 1). Больше миллиона из них погибли за освобождение народов Европы от фашизма [4].

Сам факт перехода государственной границы и процесс освобождения зарубежных стран весьма существенно повлияли и на психологию, и на поведение личного состава действующей армии. И воздействие это было весьма разносторонним. Именно с этого момента во всей полноте утверждается психология советского воина-победителя, который ранее лишь защищал и освобождал собственную землю. Теперь он становился освободителем других народов, что обуславливало его новое самовосприятие, накладывало особую ответственность на каждого как на представителя своей страны и армии. Но это же ставило перед каждым вопрос о готовности жертвовать собой, своей жизнью не за родную землю, а в интересах других народов. Наш солдат вступал на чужие земли, где люди говорили на других языках, где были иные обычаи, традиции, культура, нормы поведения и т.д. Почти никто из советских людей не бывал ранее за границей, и прямое соприкосновение с иной социокультурной средой для многих стало «культурным шоком», к которому примешивались разного рода психологические и политические нюансы, которые в разных странах были специфическими.

Прежде всего, неизбежными были различия в тех чувствах, что питал советский воин к поработённым гитлеровцами народам, к сателлитам Германии и к самим немцам. И если к первым преобладающее отношение было явно позитивным (хотя везде встречались коллаборационисты, а кое-где были распространены антисоветские настроения), то отношение к союзникам Рейха, особенно участвовавшим в оккупации советских территорий,

Фото 1. Плакат «Освободим Европу от цепей фашистского рабства»

было намного более сложным и дифференцированным. Так, в массовом сознании советских людей преобладало недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией — недавним противником, который в конце войны оказался среди союзников по антигитлеровской коалиции. В ходе войны в массовом сознании как советского общества, так и армии сложился образ «жесточких мадьяр», особенно укрепившийся во время боевых действий на собственно венгерской территории, где ожесточённое сопротивление врага усугублялось его коварством, нападениями изподтишка [5]. В Австрии политработникам приходилось разъяснять советским военнослужащим разницу между «немцем» и «австрийцем», говорящими на одном языке, и доказывать, что Австрия одной из первых пострадала от фашистской агрессии.

17 июля 1944 г. советские войска вступили на территорию Польши. Восприятие этой страны военнослужащими Красной Армии оказалось не-

однозначным. Существенная часть населения находилась под влиянием польского эмигрантского правительства в Лондоне и Армии Крайовой, которая вела подрывную и диверсионную деятельность против советских войск. В Болгарии (фото 2) и Югославии, куда советские войска вошли в сентябре 1944 г., несмотря на сложность внутривосточных проблем, отношение славянских народов к Красной Армии было дружеским, вызывая ответную симпатию. В Югославии население оказывало советским войскам всяческую помощь и поддержку. Радостно встречали советских солдат-освободителей жители Чехословакии (фото 3).

Фото 2. Болгарское население встречает советские войска

Фото 3. Солдат с гармонью и ликующие жители Праги

В ходе Освободительной миссии Красной Армии проявились такие грани сознания и психологии советского воина, как интернационализм, гуманизм, солидарность с пострадавшими народами. Это выражалось в оказании не только военной (главной), но также продовольственной и медицинской помощи, восстановлении мостов и дорог, разрушенных предприятий, школ и др.

В целом, несмотря на все политические и психологические сложности, на земле захваченных гитлеровцами стран советский воин, оказывая дружескую помощь чужим народам, воспринимал свои действия как естественное проявление солидарности. При вступлении же на территорию фашистской Германии эта ясность уступила место целому комплексу весьма сложных, противоречивых, далеко не однозначных мыслей и чувств.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в пропаганде, в мыслях и чувствах советских людей, многие из которых потеряли своих близких. Советские войска вступили в Германию, чтобы «добить фашистского зверя в его логове» (фото 4). Акты мести были неизбежны. Но они не превратились в систему. Руководство Советской Армии принимало суровые меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению.

В дошедших до нас документах ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним советского руководства, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 г. Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерными стали преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более — к гражданскому населению. Преобладание ненависти, «ярости благородной», справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после её окончания (фото 5). «Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата» [6].

Сегодня монумент Воину-Освободителю с немецкой девочкой на руках в берлинском Трептов-парке либеральные блогеры цинично именуют «Памятник “Неизвестному насильнику”» и тиражируют миф о миллионах изнасилованных немок. Война с памятниками и война с памятью — грязные приметы нашего времени.

Фото 4. Плакат «Не унесут фашистов ноги»

Фото 5. Советские солдаты кормят немецких граждан

Освобождение Красной Армией целого ряда европейских стран — апогей всей Великой Отечественной войны, вершина её триумфа, та великая ценность принесения народам Европы свободы, за которую была заплачена огромная цена. И когда массовый подвиг народа и его армии пытаются подменить образом варваров и преступников, удар наносится в ценностное ядро самосознания народа, а травмированное национальное сознание фактически оставляет страну без будущего, ибо лишает народ самоуважения и выбивает морально-психологическую опору для развития. Именно поэтому сегодня главная задача историков — бороться с «чёрными мифами», разоблачать их на основе научной аргументации, неопровержимых доказательств и документов.

Литература

1. См.: «Зверства» Красной армии, или Кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6–19 апреля 2005 г. С. 9; Сенявская Е.С. Красная Армия в Европе в 1945 г.: старые и новые стереотипы восприятия в России и на Западе // Обозреватель—Observer. Научно-аналитический журнал. 2012. № 2. С. 111–127; № 3. С. 85–101.
2. См.: Сенявский А.С. Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: формирование и эволюция официального дискурса // Преподавание отечественной истории: исторические факты и их интерпретации: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. М.: Экон-информ, 2014. С. 284–292
3. Сталин И. О Великой Отечественной Войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1947.
4. См.: Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 325–326.
5. См.: Проблемы российской истории. Вып. V: К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 109–110, 351.
6. Самойлов Д. Люди одного варианта (Из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С. 93.

С.О.Буранок, Я.А.Левин*

Образ победы над Германией в англоязычной прессе

На основании новых материалов из американской прессы в статье рассматривается формирование образа Дня Победы. Анализируются такие аспекты, как генезис образа нового

врага Запада, пути его трансформации и результаты общественных дискуссий, а также проблемы восприятия войны современниками этих событий. Рассматривается проблема происхождения и формирования общественного мнения в период глобального кризиса, каким была Вторая мировая война.

Анализ реакции газет и журналов США на победу над Германией необходим не только для понимания образа СССР на завершающем этапе Второй мировой войны, но и для изучения истоков холодной войны [1]. В этом плане требуется учитывать как мнение общественно-политических лидеров США, настроенных на продолжение сотрудничества с СССР или на эскалацию нового противостояния, так и образ Советского Союза, который сложился у крупных и малых газет, наконец, у простых граждан США.

В исторической литературе детально исследованы дипломатический [2], социокультурный [3], военный аспекты данной темы. Но слабо изучена другая проблема: как образ Дня Победы был вписан прессой США в разворачивавшуюся информационную войну против СССР, как формировались новые элементы образа СССР как врага Запада. Без поиска ответов на эти и другие вопросы невозможно правильно понять уроки информационной войны на начальном этапе холодной войны.

8 мая 1945 г., когда стало известно, что Германия капитулировала, практически каждая газета США отвела под эту долгожданную новость не только первую полосу, но и все остальные. Каждая ведущая газета США в номере за 8 мая представила по 50 и более статей и обзоров, посвящённых победе. Типичными заголовками были такие, как в «New York Times»: «Война в Европе окончена! Безоговорочная капитуляция. Сегодня

* **Буранок Сергей Олегович** — кандидат исторических наук, доцент Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, руководитель проекта «Мы» и «они»: Великая Отечественная война в оценках англо-американской общественности и современной историографии 2014–2015» (14-31-12084).

Левин Ярослав Александрович — аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, исполнитель того же проекта.

будет объявлена победа. Наши войска на Окинаве наступают» [4]. Видно, что при создании образа победы СМИ Соединённых Штатов сразу включаются в информационную борьбу за вклад в данную победу: в «New York Times» подчёркивается на всей первой полосе, что День Победы — это исключительная заслуга Великобритании и США. Похожим образом поступают и в «Washington Post» (издаваемая известным республиканцем и финансистом Юджином Мейером): в номере за 8 мая «японскому вопросу» и роли США в победе посвящено основное содержание газеты [5].

Ещё более активно в новую информационную кампанию по «забыванию» вклада СССР включилась «Los Angeles Times»: статья «Полная победа в Европе» повествует о генерале Д.Эйзенхауэре как единственном победителе в Европе [6, р. 1, 6]. Так же поступает и «Chicago Daily Tribune» от 8 мая, сообщая на первой полосе: «Сегодня День Победы», «Генерал, спланировавший День Д, принёс День Победы» [7]. Видно, что крупные периодические издания стараются представить падение фашизма как заслугу западных союзников, доказывая общественности либо ограниченный характер роли СССР, либо её полное отсутствие (рис. 1).

Рис. 1

Не обходит тему победы и провинциальная пресса. Так, флоридская «The Evening Independent», подобно крупным изданиям, отдаёт этой теме почти весь выпуск. Статьи первой полосы расположены под огромным заголовком: «Мир приветствует Победу!» [8, р. 1]. Другая крупная статья первой полосы вышла под заголовком: «Трумэн и Черчилль провозглашают полный триумф». В аннотации к самой статье, помимо общих сведений о победе, говорится: «Оба лидера теперь готовят свои нации к финальной битве с Японией». В аннотации имеются и прямые цитаты президента и премьер-министра. Так, Черчилль заявляет, что «Япония со всеми своими богатствами и алчностью всё ещё остаётся непокорной». Ему вторит Трумэн: «Когда последний японский отряд безоговорочно сдастся, только тогда наша работа будет окончена». Эти и другие публикации свидетельствуют о том, что уже 8 мая победа в Европе воспринималась лишь как звено (пусть и очень важное) в цепи борьбы с агрессорами, и даже менее крупная провинциальная пресса делает акценты на японской теме.

Интересен и такой факт: в аннотации к статье упоминается, что от маршала Сталина никакой реакции на победу ещё не последовало. Текст статьи сосредоточен на самом подписании акта о капитуляции. Также в статье говорится о том, что Сталин, Трумэн и Черчилль объявили о победе одновременно, но затем более подробно говорится о реакции на победу в Британии как в «стране, переносившей наибольшие тяготы во время этого противостояния». Это значит, что уже в День Победы вклад Советского Союза начинает постепенно нивелироваться (рис. 2).

Рис. 2

Одна из интересных особенностей газетных публикаций 8 мая 1945 г. — постепенное смещение акцентов. Так, если на первых полосах победе и дальнейшим действиям против Японии отводится примерно одинаковое место, то далее тема окончания кровопролития в Европе уходит, и всё внимание концентрируется на борьбе с японцами [9].

Даже художники-карикатуристы переориентируются на японскую тему. Так, в газетах встречается любопытная карикатура, изображающая огромный мускулистый кулак с американским флагом и подписью G.I. Joe (ставшее традиционным во время войны полусхематичное общепринятое наименование американских солдат; рядовой Джо — образ простого американского солдата; со временем этот образ превратился в серию игрушек и укоренился в медиапространстве благодаря многочисленным мультфильмам и кинолентам); кулак грозит японскому солдату, представленному в виде обезьяны с саблей. Рядом с кулаком расположены могильные плиты с изображением Муссолини и Гитлера [10, р. 12].

Другая яркая карикатура, появившаяся в газетах 8 мая, изображает американского солдата (подписанного G.I. Joe), высаживающегося на Окинаву с авианосца «Победа в Европе» (в виде принятого в США сокращения V-E Day). Японские солдаты, нарисованные очень маленькими, разбегаются от него в ужасе [11, р. 4].

Не менее ярко выглядит и другая карикатура: знаменитый «дядя Сэм» склонился на Арлингтонском кладбище над могилой. На могиле надпись: «Те, кто погиб за Мир». Над кладбищем восходит солнце с надписью: «Победа в Европе» (снова сокращение V-E Day). По лицу «дяди Сэма» текут слёзы, он со злостью сжимает кулак, на котором написано: «Японцы» [12, р. 1].

Мы видим, что и карикатурный материал подчёркивает, что европейская победа — это лишь плацдарм для основной победы: победы над Японией.

Более того, Япония подаётся как худшее зло, чем павший Третий Рейх. Так, в «Prescott Evening Courier» размещена карикатура под названием «Знакомьтесь с Гумбатсу», на которой нарисована огромная гремучая змея с тремя головами. Все три головы принадлежат людям-японцам и символично выражают определённые классы японского общества: военные (голова в офицерской фуражке), интеллигенция (голова в широкополой шляпе с бабочкой) и крупный капитал (голова в дорогом цилиндре с моноклемом) [13]. Ниже расположен текст, в котором встречаются такие выражения, как: «Если вы думали, что немецкий нацизм крут, — посмотрите на это чудовище», «Японцы не сдаются в плен, для них погибнуть от рук врага в бою — это пропуск в рай», «Это чудовище дьявольски умно, оно пере-

жило своих немецких друзей и полностью контролирует Японию» и т.д. Для американского общества олицетворением японского милитаризма стали именно интеллигенты, бизнесмены и, собственно, военные. Фраза «это чудовище полностью контролирует Японию» говорит о том, что простые японцы преподносятся как заложники военной доктрины, навязываемой самыми влиятельными классами.

Особенность карикатурного материала состоит в том, что он посредством архетипов должен максимально просто и понятно передать правильную информацию, определённое сообщение. В данном случае используются положительные для американского сознания архетипы: «Дядя Сэм» — образ, традиционно олицетворявший саму Америку, и «G.I. Джо» (на тот момент — новый яркий образ, зародившийся как раз во время войны) — символ простого американского солдата, сильного, смелого и ловкого; американский авианосец — символ технического могущества США (рис. 3).

Рис. 3

Ярко противопоставлены им образы противников [14]. И Гитлер, и японцы выглядят смешными. В карикатурах с японцами утрирована их азиатская внешность, однако так как этот противник ещё не повержен, его

«осмеяние» уравновешено демонстрацией его отвратительности, хитрости и коварства. Символы Судьбы подкрепляют подсознательную уверенность в правильности борьбы, которую ведут Соединённые Штаты.

Такая воинственная риторика прессы по отношению к Японии отнюдь не случайна. Япония по своему геополитическому положению на тот момент была наиболее удобной и выгодной целью для США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, в Соединённых Штатах была сильна память о Пёрл-Харборе, и желание нанести ответный удар у американской общественности было довольно сильным [3, с. 222]. Так что пресса в данном случае стала идеальным выразителем как общественных, так и сугубо государственных настроений. Это подчёркивается и в официальных документах. Так, уже 9 мая состоялось установочное заседание знаменитого «Временного комитета», одной из первых обязанностей которого стало консультирование по вопросу применения атомной бомбы против Японии [15]. То, что первое собрание комитета проводилось уже 9 мая, ясно показывает, что сразу после завершения европейского этапа высшее руководство США направило максимум ресурсов на скорейшую победу над японцами.

Особенно ярко и концентрированно такое восприятие победы над Германией проявилось в карикатуре газеты «Herald-Journal», где на фоне огромной буквы «V», разделённой пополам белым и чёрным фоном наподобие восточного символа «инь-ян», американские солдаты бредут по полю боя, на котором стоит дорожный указатель с надписью «Токио». Над карикатурой надпись: «Теперь битва наполовину (подчёркнуто) выиграна» [16].

Ещё одним характерным моментом реакции прессы 8 мая 1945 г. стало акцентирование внимания читателей на англо-американском вкладе в победу над фашизмом. Пресса подчёркивает, что сразу после объявления победы лидеры Запада — Черчилль и Трумэн — провели переговоры, причём СМИ акцентируют внимание: переговоры без советской стороны [17]. Особую роль журналисты отводили Эйзенхауэру, которого называли «генералом, принёсшим победу», «человеком, создавшим День Победы», «великим американским солдатом» [18]. Своеобразный итог рассуждениям о вкладе США в уничтожение фашизма подвёл Джеймс Уайт из «Daily Boston Globe»: «Рост нашей мощи в течение 4 лет привёл к победе. США совершили величайший в мире производственный подвиг» [19].

Из-за подобных публикаций в американской прессе создавалось не просто мнение, а убеждённость, что как военно-политические, так и экономические победы антигитлеровской коалиции почти полностью принадлежат генералам, заводам и правительству США. Вероятно, подобная реакция сформировалась в результате событий 2–3 мая 1945 г., когда центральные и провинциальные СМИ Америки вышли с многочисленными

статьями о завершении штурма Берлина армиями СССР, вследствие чего популярность Советского Союза резко возросла, вызывая у части прессы закономерные, но неудобные вопросы о медлительности и нерешительности войск союзников.

Из-за этого 8 мая американские газеты настойчиво указывают: «Трумэн и Черчилль объявили о завершении войны», «Эйзенхауэр объявил День Победы» [6, р. 2]. Если Советский Союз и появляется в материалах СМИ в связи с победой (как в статье Эдварда Кеннеди в «New York Times»), то, как правило, вскользь или на второстепенных ролях: «Американские, французские и русские генералы приняли капитуляцию рейха в штабе Эйзенхауэра» [4]. Из таких фраз американским читателям сразу становится понятно, кому принадлежала лидирующая роль в процессе капитуляции Германии. Следовательно, можно считать, что уже 8–9 мая в прессе США была развёрнута настоящая информационная война против решающей роли СССР в разгроме фашизма.

9 мая эта ситуация несколько меняется. Практически в каждой крупной газете Соединённых Штатов появляются однотипные статьи о том, что происходит с американскими солдатами на Окинаве. Одна из самых ярких и типичных статей такого рода была напечатана в «San Francisco Chronicle» под говорящим заголовком «Американцы сражаются и умирают на Окинаве, пока радио трубит о европейской победе дома». Сюжет статьи посвящён тяготам военной операции на Окинаве. Говорится о больших потерях, нехватке медикаментов и обезболивающих, упомянуты зверства противника по отношению к пленным солдатам [20]. Каждый абзац этой статьи начинается одинаково: «Это был день победы (снова сокращение V-E Day) дома, но на Окинаве...». Нет никаких победных реляций, нет пафосной лексики о героизме солдат, нет призывов к скорейшей победе, есть только суровый рассказ о войне. В условиях охватившей страну эйфории от окончания европейского этапа подобные статьи должны были подстегнуть общественное мнение к наращиванию усилий по борьбе с Японией. Представляется, что подобные статьи должны были вызвать у простого американского читателя ощущение стыда за то, что удовлетворённое победой над Германией общество забыло о Японии и американских солдатах, «брошенных» там на произвол судьбы. Такие резкие статьи в сочетании с массивом материалов о Японии за 8 мая должны были окончательно закрепить в массовом сознании мысль о необходимости скорейшей решительной победы над Страной восходящего солнца и развеять любые сомнения в необходимости такой победы, а также ещё раз подчеркнуть, что помощь Советского Союза была минимальна или совсем незначительна (рис. 4).

V-E DAY—TODAY!

MOLOTOV HOLDS ACCORD BALKS PACT REVISIONS

Chicago Turns to Next Step: Lick the Japs

Vandenberg Thinks It Doesn't

BY ARTHUR SEARS HENNING
 San Francisco, Cal.—May 7 (AP)—The House today voted 300-100 to approve the Big Four peace pact revisions. The House also voted 300-100 to approve the Big Four peace pact revisions. The House also voted 300-100 to approve the Big Four peace pact revisions.

Chicago will observe the day of celebrating, to be held at 8 a. m. (Chicago Times) Chicago will observe the day of celebrating, to be held at 8 a. m. (Chicago Times) Chicago will observe the day of celebrating, to be held at 8 a. m. (Chicago Times)

BIG 3 PROCLAIM VICTORY AT 8 A. M.; UNCONDITIONAL SURRENDER SIGNED

Truman to Address Nation by Radio This Morning

AP TELLS HOW IT GAVE THE WORLD HISTORIC STORY

Britain to Celebrate with Two Day Holiday

W.G.N. to Carry All
 A five-minute broadcast by Franklin D. Roosevelt will be heard over W.G.N. and the national American radio network at 8 a. m. today, immediately after the surrender of the Japanese.

AP TELLS HOW IT GAVE THE WORLD HISTORIC STORY
 The Associated Press dispatches the historic story of the signing of the unconditional surrender of the Japanese.

Britain to Celebrate with Two Day Holiday
 The papers in and a two-day holiday in London.

Рис. 4

Интересуется пресса США и реакцией Советского Союза. Однако эта заинтересованность становится несколько отстранённой. СССР по-прежнему воспринимается как союзник, употребляются сочетания «Большая Тройка» и «Большая Тройка стран-победителей», однако Советская Россия никак не вписывается в концепцию англо-американского тандема в силу отличной социально-экономической системы и различия целей, становясь второстепенным союзником. Впоследствии такое смещение акцентов заложит предпосылки для формирования имагологической пары «Свой» — «Чужой» при эскалации противоречий между странами, вылившихся в холодную войну [14].

На практике пока эти тенденции проявляются следующим образом: в опубликованной в «St. Petersburg Times» статье «Русское посольство готовится к переговорам» говорится о запланированном на 9 мая прибытии Молотова в Сан-Франциско [21]. Он должен присоединиться к советской делегации, принимающей участие в конференции Объединённых Наций. Однако в статье совершенно не говорится о конференции, ожидаемых итогах и т.д. Прессу занимают переговоры Молотова о статусе Польши, Украины и Белоруссии. Газеты как бы подчёркивают, что в тот момент, когда весь мир занят созданием организации, призванной сохранять мир, Советский Союз больше интересуется собственными геополитическими задачами. Так, формировался ещё один аспект разворачивающейся инфор-

мационной войны — прямой переход от рассуждений о «малой помощи СССР» к созданию образа нового врага для Запада.

На страницах прессы реже, по сравнению с Трумэном и Черчиллем, упоминается И.В.Сталин. В основном, пресса Соединённых Штатов акцентирует внимание своих читателей на факте отсутствия реакции Сталина на объявление победы [7]. В статьях присутствуют фотографии Сталина. Во многих публикациях помещаются большие фотографии президента США и меньшие по размеру фотографии Черчилля и Сталина [19] либо одинаковые изображения Трумэна и Черчилля, но без Сталина [10, р. 1; 11, р. 1]. Отметим и такой факт: если число встречающихся в статьях имён военных и политических руководителей Англии и США примерно одинаково, то при описании советской стороны чаще упоминаются военные, в частности — Жуков и Рокоссовский, т.е. военный аспект помощи СССР к концу войны стал единственным интересующим США, а политическое сотрудничество уходит на второй план.

Несколько отлична в этом плане ситуация 9 мая 1945 г. На сей раз реакции СССР уделено больше внимания. Так, «St.Petersburg Times» выходит с большим заголовком на первой полосе: «Россия заявляет о завершении сдачи». Несмотря на внимание к Советской России, в статьях отмечается: «Маршал Сталин объявил о победе через 10 часов и 10 минут после Трумэна и Черчилля». Таким простым способом американские СМИ подчёркивают для своих читателей факт того, что англо-американский тандем победил первым. Помимо этого отмечено, что «теперь Советская Россия — единственная держава, находящаяся в мире с остальными» [22]. Тем самым читателю дают понять, что остальные союзные государства уже объявили войну Японии, в то время как от СССР ещё никаких заявлений по этому поводу нет, что должно заставить простых американцев задуматься о месте и роли СССР в антигитлеровской коалиции. Немаловажен факт: газеты подчёркивают, что речь Сталина знаменует победу лишь на Восточном фронте. В то время как 8 мая объявлялось о полной победе над Германией, достигнутой силами США и Великобританией. Такое простое уточнение сразу придаёт победным реляциям СССР более ограниченный характер. Несмотря на большее внимание прессы к России в этот день, тенденция к некоторому преуменьшению вклада советской армии проявлена ярче, чем 8 мая.

Отметим также, что сообщения об объявлении победы СССР практически не сопровождаются фотографиями Сталина. На первых полосах — либо ликующие советские солдаты, либо фотографии момента подписания пакта о капитуляции, либо панорамы разорённого Берлина, данные в сравнении с фотографиями не менее пострадавшего Ленинграда. Отсутствие персонификации советской победы, в отличие от победы союзников, также

демонстрирует постепенно проявляющееся отторжение СССР в качестве долговременного союзника.

Центральная пресса в данном случае мало отличается в подаче материала от прессы провинциальной. Заголовки этого дня почти идентичны друг другу: «Победа для русских», «СССР объявил об окончании войны», «Русские подтвердили победу» [23]. Несмотря на благожелательный настрой к объявлению СССР победы, в центральной прессе постоянно подчёркивается, что сделано это было после США и Великобритании. В плане иллюстративного материала ситуация такая же, как в провинциальной прессе, — фотографии советских солдат или панорамы Берлина и никаких фото Сталина.

В прессе заметно изменение общего отношения к немцам. Статьи, связанные с Германией, описывают быт простых людей: женщин, детей, стариков. Солдаты вермахта в таких статьях практически не упоминаются. Особый акцент делается на помощи стран-победителей жителям разорённой Германии. В первую очередь отмечается вклад США в связке с Великобританией. Упоминается и вклад Советского Союза. Заголовки таких статей: «Павшая Германия» [24], «Падение третьего рейха» [25], «Разорённая Германия» [8, р. 1]. Это свидетельствует о том, что немцы теперь расцениваются не как агрессоры, а как жертвы собственного руководства и ответных действий союзников. В статьях прямо прослеживается мысль о том, что «теперь судьба Германии — ответственность США и остальных стран. Только в наших совместных усилиях лежит ключ к восстановлению Германии как мирной цивилизованной страны и недопущение новой агрессии» [6, р. 10]. Такие статьи располагаются в середине выпуска и занимают довольно мало места, в отличие от основных аналитических статей о будущем Германии. Они призваны эмоционально подкрепить выводы основных статей, показать простому американскому читателю, что правильное руководство способно сделать из людей, пострадавших от войны, достойных членов мирового сообщества.

Тема победы присутствует и в деловой хронике американской прессы. Интервью с брокерами и обзоры деловой активности показывают, что американские финансовые круги с радостью приняли окончание войны в Европе [26, р. 1]. В основном, представители финансового сектора отмечают, что победа над Германией снизит нагрузку на американскую промышленность [26, р. 3]. Наиболее смелые аналитики говорят о возможности постепенного перевода освободившихся ресурсов на мирное производство, более умеренные считают, что высвободившийся потенциал необходимо обратить против Японии, всё ещё представляющей опасность для США [8, р. 15].

Американские финансисты видят в освобождённой Европе отличную площадку для выгодных сделок. В частности, по оценкам брокеров Уолл-стрит, Европа представляет интерес для крупных строительных компаний и крупных промышленников, так как многие страны подверглись сильным разрушениям, серьёзно пострадали инфраструктура и производство. Наряду с этим, в некоторых изданиях отмечается озабоченность возможностью вести бизнес в странах Восточной Европы. В частности, звучат такие мысли, как: «Мы очень сблизились с СССР за время войны, но в России сейчас совершенно не развито частное предпринимательство. В условиях войны ещё можно было вести дела на государственном уровне, но теперь это будет затруднительно. Также смущает, что потенциальные партнёры из Восточной Европы склоняются к советской системе» [12, р. 24]. В целом, мы видим, что крупный бизнес позитивно воспринял европейскую победу и увидел в ней прекрасную возможность для выгодных сделок, однако в вопросе о перенаправлении всех освободившихся ресурсов на Японию деловые круги несколько разделились, хотя необходимость победы над этим противником даже не подвергалась сомнению. Сомнения по поводу дел в Восточной Европе и вообще возможности вести дела с СССР, звучащие пока очень осторожно, со временем, при обострении политических противоречий, оказали влияние на общий курс политики США в отношении к Советской России.

9 мая деловая пресса Соединённых Штатов рассматривает те же темы, но появляются и статьи, связанные с присоединением к войне с Японией других союзников, в частности — СССР. Так, «The Wall Street Journal» выражает смущение, что от Советского Союза нет никаких заявлений по этому поводу, и выражает мнение, что подобные вопросы должны быть решены на специальной итоговой конференции (каковой, в итоге, станет Потсдамская конференция). Основные сомнения связаны с тем, что без помощи Советской России США придётся усилить свои финансовые и материальные вливания в Тихоокеанский фронт, что совершенно не выгодно, так как СССР благодаря своей территориальной близости к Китаю и Японии смог бы добиться определённых успехов намного быстрее и с меньшими затратами, нежели США [26, р. 1].

Американский бизнес начинает проявлять интерес к немецким разработкам в научно-технической области. В статьях на эту тему высказывается мнение, что «достижения Германии должны быть в равной степени разделены между всеми участниками коалиции, исходя из вклада каждой страны в дело победы и без серьёзного ущерба для самой Германии» [27]. Именно из таких мыслей в итоге родится политика США по привлечению немецких учёных на работу и созданию для них максимально комфортных

условий. Особенно ярко такая политика проявится с началом обострения противоречий между англо-американским блоком и Советским Союзом.

Анализ прессы США за 8–9 мая 1945 г. демонстрирует, что СМИ разворачивают настоящую информационную войну против вклада СССР в победу. При этом как центральные, так и местные газеты США, опираясь на накопленный за военные годы опыт, специально актуализировали в процессе освещения Дня Победы определённые образы: 1) ограниченный характер победы: общественности доказывалось, что полная победа будет только после капитуляции Японии; 2) ведущая роль США в уничтожении фашизма: американским гражданам через газеты доказывалось, что во всех важнейших сферах (военной, дипломатической, экономической) именно США внесли решающий вклад; 3) судьба Германии: проводилась мысль о необходимости контроля над послевоенной Германией, но только со стороны США и Великобритании.

Подобная информационная ситуация 8–9 мая 1945 г. вытекала из политических целей только что созданной администрации Трумэна: формировать в обществе США образ Советского Союза не как главного победителя фашизма, а как второстепенного, опасного союзника и даже нового врага. Эти моменты создавали в общественно-политических кругах США очень специфический образ победы, где благодаря прессе 8–9 мая все позитивные тенденции, связанные с разгромом Германии, ассоциировалась у граждан США с именами Трумэна, Черчилля и Эйзенхауэра. Это неминуемо наложило свой отпечаток и на будущую англо-американскую историографию Второй мировой войны.

Литература

1. Мягков М.Ю. Советский Союз в американских планах послевоенного устройства Европы 1941–1945: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2006.
2. Юнгблуд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. СПб., 1997.
3. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004.
4. New York Times. 1945.05.08. P. 1.
5. Washington Post. 1945.05.08. P. 1, 3–7.
6. Los Angeles Times. 1945.05.08.
7. Chicago Daily Tribune. 1945.05.08. P. 1.
8. The Evening Independent. 1945.05.08.
9. Chicago Daily Tribune. 1945.05.08. P. 6, 7, 8.
10. The Pittsburgh Press. 1945.05.08.

11. Milwaukee Daily News. 1945.05.08.
12. Pittsburgh Post-Gazette. 1945.05.08.
13. Prescott Evening Courier. 1945.05.08. P. 5.
14. Журавлёва В.И. Понимание России в США: образы и мифы. М., 2012.
15. Harry S.Truman Library.Notes of Meeting of the Interim Committee, May 9, 1945. Miscellaneous Historical Documents Collection. P. 1.
16. Herald-Journal. 1945.05.08. P. 1.
17. Portsmouth Times. 1945.05.08. P. 1, 4.
18. Christian Science Monitor Magazine. 1945.05.08. P. 1—2, 11.
19. Daily Boston Globe. 1945.05.08. P. 5.
20. San Francisco Chronicle. 1945.05.09. P. 1.
21. St.Petersburg Times. 1945.05.08. P. 1.
22. St.Petersburg Times. 1945. 05.09. P. 1.
23. Washington Post. 1945.05.09. P. 1.
24. The Toledo News. 1945.05.08. P. 3.
25. Painesville Telegraph. 1945.05.08. P. 8.
26. The Wall Street Journal. 1945.05.08.
27. The Evening Independent. 1945.05.09. P. 26.

Л.П.Колодникова*

Исторические уроки советско-финляндского вооружённого противоборства в 1930-е — 1940-е годы

Исторические уроки советско-финляндского вооружённого противоборства в 1930-е — 1940-е гг. остаются весьма поучительными для современного формата международных отношений и по-прежнему притягивают к себе внимание учёных и политиков. Тысячи жизней российских и финских солдат, оставленных на полях сражений, жесточайшие испытания в плену, страдания мирного населения, оставшиеся в исторической памяти народов двух стран, сделали тему Зимней войны и Войны-продолжения на многие годы линией идеологического и политического противостояния. Начало XXI столетия ознаменовалось конкретными успехами конструктивного диалога учёных двух стран, привлёкших внимание к архивным документам, позволившим по-новому взглянуть на феномен геополитического соседства великих и малых держав.

Актуальность темы исследования в контексте общей международной политики Новейшего времени с исторической точки зрения

Политическая актуализация проблемы обеспечения геополитической и геостратегической стабильности в североевропейском историческом и культурном пространстве как для России, так и для мирового сообщества в настоящее время очевидна. Значимость этой проблемы — предмет скрупулёзного исследования в отечественной и зарубежной традиционной дискуссии, в ходе которой уже в период холодной войны и идеологического противостояния сверхдержав типичной стала терминология стратегической, международной стабильности региональной системы безопасности во имя сохранения сбалансированной системы международных отношений. Значимое место в координате трансграничных отношений заняла задача укрепления региональной стабильности путём укрепления доверия и учёта совокупности интересов.

В 2015 г. исполняется 40 лет со дня подписания 35 странами мира «Хельсинкского Заключительного акта» Совещания по безопасности

* **Колодникова Людмила Павловна** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, учёный секретарь Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», руководитель проекта «Война-продолжение: 1941–1944 гг. в раскритиченных документах архивов России и Финляндии. Исследования. Документы. Комментарии» (11-01-00196а).

и сотрудничеству в Европе, ставшего апогеем разрядки международной напряжённости и, в известной степени, продолжением ялтинско-потсдамских договорённостей [1], достигнутых ещё в ходе Второй мировой войны. «Хельсинкский акт» надолго определил характер международных отношений, основанный на незыблемости европейских границ, взаимном отказе от применения силы и раскола европейского континента, на мирном урегулировании споров, невмешательстве во внутренние дела стран участниц, уважении прав человека. Более поздний анализ Хельсинкских соглашений свидетельствует, что СССР пошёл на его заключение из достаточно сильных прагматических соображений, позицию же западных держав в этом вопросе многие исследователи сравнивают с феноменом Троянского коня, десантировавшего свои войны.

Вместе с тем, этот акт всё-таки смягчал противостояние держав, сдерживая угрозу третьей мировой войны, реальность которой всё более просматривается в формировании современных противоборствующих коалиций. Известный общественный деятель Дж.Кьеза высказал следующую мысль: «Мы находимся в виртуальном обществе, которое создают какие-то люди. Где они находятся? Кто они? В этом обществе демократия никакая: никто этих людей не выбирал» [2].

В современных исследовательских публикациях из поля зрения авторов подчас выпадает важнейшая, вполне конкретная составляющая историзма, системности, научности и объективности «образов прошлого», во многом объясняющая, вопреки абстрактному теоретизированию, сложившиеся в современном мире геополитические реалии [3]. В этом отношении могут оказаться весьма поучительными выстраданные народами исторические уроки советско-финляндского вооружённого и политического противоборства в 1930—1940-е гг. прошлого века, не без влияния которых в современных условиях Россия и Финляндия — как страны с разными социально-политическими моделями, но являющиеся сопредельными — строят отношения политического сотрудничества, преемственности, доверия, хотя время от времени и обостряющиеся на фоне общей негативной обстановки в Европе.

Договор о дружбе и сотрудничестве 1948 г., подводивший итоги взаимному вооружённому противостоянию в годы Второй мировой войны, был по обоюдному согласию заменён новым, и 20 января 1992 г. вступило в силу Соглашение об основах отношений, обеспечивающее прочную базу партнёрства России и Финляндии как члена Евросоюза. В реалиях XXI столетия по-прежнему актуальна нравственная необходимость исторических уроков, которые важны с точки зрения непредвзятости оценок, выверенных исторической документалистикой и направленных на преодоление вражды, непонимания и мифологизированной интерпретации истории.

Исследовательский интерес Финляндии к данной теме в научных кругах России и государств Балтии

Последнее десятилетие XX в. и начало нового столетия ознаменовались успехами конструктивного диалога учёных России, Финляндии, Швеции, Эстонии и др., выразившегося в публикации совместных книг, статей, проведении научных семинаров с инновационной постановкой острых тем (фото 1, 2), обнародовании ранее засекреченных источников, в том числе спецслужб, преимущественно в российско-финляндских изданиях, посвящённых Зимней войне 1939–1940 гг. и Войне-продолжению 1941–1944 гг. Советско-финляндская война 1941–1944 гг. в русскоязычных источниках обычно называется советско-финляндским фронтом Великой Отечественной войны, а в историографии Финляндии — «Войной-продолжением». В ходе этой войны Финляндия выступила на стороне стран Оси с целью отторжения у СССР территории до границы трёх перешейков — Карельского, Олонецкого и Беломорского.

Фото 1. Профессор Тимо Вихавайнен делает доклад в Москве о проблемах исследования истории Войны-продолжения

Фото 2. Обсуждение российско-финляндских совместных научных проектов в Хельсинкском университете

К 70-летию начала Зимней войны 1939–1940 гг. историки России и Финляндии подготовили совместный документальный труд, посвящённый этому событию (фото 3).

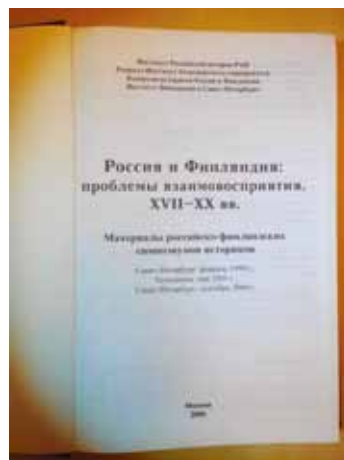

Фото 3. Некоторые из совместных публикаций учёных России и Финляндии

Многие десятилетия историографическая традиция истории советско-финляндской Зимней войны 1939–1940 гг. сводилась к исследованию темы «Финляндия как возможный театр будущих военных действий» только в двустороннем формате СССР—Финляндия. Однако постсоветский период, открыв преимущества использования новой источниковой базы, позволил подойти к изучению темы шире, с учётом политических позиций и великих и малых держав, втянутых в мировое вооружённое противоборство. К тому же хорошо известно, что, в соответствии с секретными договоренностями между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г., Финляндия отошла в «зону советских интересов».

При ответе на вопрос, можно ли было избежать военного столкновения в 1939 г., очевидно, что при наличии политической воли И.Сталина и К.Маннергейма этого можно было бы достичь. К сожалению, материалы об их политических контактах закрыты для исследователей. О результатах политических переговоров руководителей обоих правительств, министров иностранных дел в Москве и Хельсинки, напротив, имеется значительная историография как в России, так и Финляндии. Тональность этих переговоров, заведомо неприемлемые претензии и, соответственно, неконструктивные результаты были определены лидерами стран, к тому же не без вмешательства руководителей и других заинтересованных держав.

Перед началом войны Сталин озвучил советскую позицию: «Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путём революционного отпадения новых стран от системы империалистических государств... Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развёртывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма» [4].

Рассекреченные документы «особых папок» свидетельствуют, что 5 октября 1939 г. Л.П.Берия докладывал К.Е.Ворошилову: «1) 29 сентября с.г. английский посланник в Гельсингфорсе сообщил о том, что правительство Финляндии имеет серьёзные основания предполагать, что в ближайшем будущем Советский Союз предъявит Финляндии ряд далеко идущих территориальных требований, которым финны не смогут противостоять, так как они не в состоянии воевать с СССР. Английское посольство считает необходимым сейчас же эвакуировать из Финляндии всех британских подданных и просит указаний по этому поводу. 2) 28 сентября с.г. английский посланник в Литве сообщил, что литовский министр иностранных дел заявил ему, что они очень опасаются усиления советского влияния

в Литве и предпочитают этому переход под немецкий протекторат. 3) 28 сентября с.г. английский посланник в Эстонии сообщил, что начальник эстонского Генерального штаба адмирал Питка на днях был в Финляндии и выяснял, намерена ли Финляндия воевать с Советским Союзом, если этого потребует обстановка. 4) Английский посланник в Финляндии вторично сообщил, что генерал Маннергейм просил его передать английскому правительству, что в ближайшее время Финляндия ожидает советских требований, аналогичных требованиям, предъявленным Эстонии, т.е. предоставления морских баз и аэродромов на финских островах [5]. По его заявлению, Финляндия вынуждена будет удовлетворить эти требования Советского Союза» [6].

Уже после окончания Зимней войны, 17 апреля 1940 г. И.В.Сталин, выступая на «Совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии», заявил о том, что «безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо безопасность Ленинграда есть безопасность Отечества... Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, — это значит дать довольно серьёзную базу для гражданской войны внутри страны против советской власти». «Вот вам оборонное и политическое значение Ленинграда, как центра промышленности и как второй столицы нашей страны» [7], — такой вывод делал И.В.Сталин.

Оценивая «основной стержень финляндской внешней политики», аналитики Разведывательного управления штаба РККА делали следующие выводы для высшего руководства страны: «Находясь на северном отлёте от главных коммуникационных путей, ведущих из СССР в Западную Европу, Финляндия, единственный из всех прибалтийских лимитрофов, ведёт политику "свободных рук". Сущность этой политики, поддерживаемой левоцентристскими политическими группировками (опирающимися на среднюю буржуазию), состоит в том, чтобы в возможном столкновении интересов России (независимо от её государственного строя) с её ближайшими западными соседями Финляндия не была заранее связана обязательствами поддерживать ту или другую сторону. Свою государственную независимость Финляндия считает наиболее обоснованной (по сравнению с другими государственными лимитрофными образованиями) как в экономическом, так и политическом отношении» [8].

Советско-финляндское вооружённое противоборство в условиях уже начавшейся Второй мировой войны сопровождалось нараставшей остротой международных отношений в рассматриваемом регионе, вызванной взаимосоисключающими позициями прежде всего Англии, Франции, Германии, Швеции, Норвегии, Эстонии и др. В вопросе об Аландских островах рез-

ко столкнулись позиции СССР, Финляндии, Швеции, Германии, Англии. Можно констатировать, что анализ документов свидетельствует также о том, что Германия не осталась безучастной к позиции Финляндии и соседних государств и, конечно же, к их связям с Англией. Из документов, полученных агентурой НКВД в 1939 г., стало известно, что американская сторона рекомендовала финнам уклоняться от переговоров с СССР. В итоге 10 октября 1939 г. на заседании финского парламента министр иностранных дел Э.Эркко сказал, что финская сторона ни на какие уступки СССР не пойдёт и что финны будут драться во что бы то ни стало, так как их обещали поддержать Англия, Америка и Швеция.

Следует подчеркнуть, что так называемый германский фактор, всё более усиливавшийся в международном плане, нарастал также и в зоне Балтийского моря. Что касается польского флота, то он с самого начала войны оборонял Данцигскую бухту; шведский — отошёл из Карлскроны в район Стокгольмских шхер, оставив свои подводные лодки в Карлскроне против немцев. Финляндия расположила главные силы своего флота в районе Хельсинки — Аланд, что создавало в акватории Балтийского моря напряжённую обстановку. Уже в ходе войны на стыке фарватеров Або-Аландского архипелага и шведских шхер — в проливе Южный Кваркен, Финляндия при активном участии Швеции организовала противолодочный барраж* из мин заграждения, корабельных и воздушных дозоров и светового наблюдения, пытаясь закупорить вход в Ботнический залив от проникновения советских подводных лодок.

По заключению советской разведки, Финляндия после Первой мировой войны оставила ориентацию на Германию и заменила её «соответствующей ориентацией на союзников». Однако вести «активную противогерманскую политику Финляндия никогда не соглашалась» вследствие всё того же географического положения, позволявшего ей и по отношению к Германии придерживаться политики «свободных рук».

Документы свидетельствуют, что обязательной предпосылкой начала войны с финляндской стороны стал тот фактор, что страна предпочла сражаться, нежели незамедлительно капитулировать; финляндское общество предпочло сплотиться, несмотря на предпринимаемые советской стороной усилия внести политический раскол, апеллируя к общественной борьбе и опыту гражданской войны 1918 г.

Разведывательное управление Штаба РККА, оценивая возможность выбора Финляндией наступательного или оборонительного варианта стратегии, обращало внимание советского военного руководства на то, что дли-

* Барраж (франц.) — совокупность средств заграждения против надводных и подводных кораблей, представляющая собой сложную комбинацию мин, сетей и т.п.

тельной планомерной обороны, несмотря на выгодные географические условия театра, страна — без внешней помощи живой силой и материальными средствами — выдержать не может. Агрессивные же стремления финской буржуазии к «экспансии на восток» не имеют внутреннего политического и экономического базиса и могут привести лишь к авантюре, чреватой последствиями для неё же самой.

Финны были готовы дать Советскому Союзу десятки километров территории около Ленинграда и острова Суурсаари, Лавансаари, Сейскари и другие, более мелкие, взамен территории в Северной Карелии. Однако Ханко они в категорической форме отказывались отдавать Советскому Союзу, рассматривая это как посягательство на самостоятельность Финляндии. Отвечая своему населению на вопрос, почему СССР совершил нападение на Финляндию, финские руководители объясняли это тем, что в настоящее время Финляндия находится на пути советских интересов, что как свободное, независимое государство она должна исчезнуть с карты.

Незадолго до начала военных действий финский военный атташе в СССР предупреждал: «Не в первый раз нам воевать с Россией... Даст бог, в скором времени наступят морозы, да замёрзнет море, и что будет тогда делать русский солдат в Финляндии, не зная ни дорог, ни леса. Мы поставим такие ловушки, что они погибнут на нашей территории» [9]. «...Наша армия встретила огромное сопротивление. Все дороги заложены минами, на деревьях и под деревьями мины. На деревьях снайперы...», — это строчки из сохранившегося письма красноармейца.

С момента событий «неизвестной и знаменитой» советско-финляндской войны минет лишь год и уроки жестокого противостояния большого и малого соседей, понёсших тяжелейшие потери, будут забыты в ходе начавшейся уже новой войны, которую народ Финляндии назвал Войной-продолжением. В ней участвовало почти в три раза больше финнов, чем в Зимней войне, длилась она более чем в десять раз дольше предыдущей, со стороны Финляндии в ней погибло в три раза больше людей.

Малоизвестная документальная информация о Войне-продолжении

В настоящее время российские учёные подготовили новое исследование о Войне-продолжении. В ходе работы удалось впервые обнаружить ранее не известные ни в России, ни в Финляндии трофейные секретные документы, преимущественно относящиеся к 1941 г. Это материалы дневника Оперативного отдела Генштаба Главной Квартиры Вооружённых сил Финляндии; приказы Главнокомандующего маршала К.Маннергейма,

начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Э.Хейнрикса, квартирмейстера генерал-майора А.Ф.Айро, начальника Оперативного Отдела полковника К.А.Тапола; боевые распоряжения командирам частей о задачах как обороны, так и наступления, донесения Оперативного отдела Штаба Морских сил.

Малоизвестную информацию содержит трофейное секретное донесение по приказу начальника Оперативного отдела полковника К.А.Тапола об обстановке на 22 июня 1941 г., о бомбардировке береговых фортов и группы кораблей, а также приказы командира Армейского корпуса генерал-майора Х.Сийласвуо и начальника Штаба полковника В.И.Ойнонен о подготовке к боевым действиям от 24 июня 1941 г., документы о характере развернувшихся боевых действий и плане действий, составленном в Главной Квартире (26 июня 1941 г.), о необходимости направить генеральное наступление севернее Ладожского озера, на юго-восток.

Важная для исследования темы оперативная информация содержится в трофейных секретных приказах командиров 14-й пехотной дивизии (полковник Э.Ю.Рааппан), армейского корпуса (генерал-лейтенант К.Л.Эш и начальник штаба полковник В.Нихтил) о подготовке войск к переходу государственной границы от 28 июня 1941 г.; начальника оперативного отдела полковника К.А.Тапола и Начальника 1-го Отделения Оперативного отдела подполковника Э.Н.Хямяляинен о боевом распределении сухопутных соединений действующей армии и боевых частей на 22 июня 1941 г. В фонде трофейных документов обнаружены приказ командующего ВВС генерал-лейтенанта Ю.Ф.Лунгвиста и Начальника отдела Главного штаба подполковника О.Сарко о периоде сосредоточения, обороны и наступательном периоде действий ВВС (от 22 июня 1941 г.); приказ командующего Карельской армией генерал-лейтенанта Э.Хейнрикса и Начальника штаба полковника К.А.Тапола о задачах Карельской армии по разгрому противника и необходимости достичь рубежа р. Свирь и Онежского озера (30 июня 1941 г.); приказ Оперативного отдела Главной квартиры о частях, подчинённых Карельской Армии (29 июня 1941 г.); приказ начальника Оперативного отдела полковника К.А.Тапола о том, что 1-я пехотная дивизия освобождает место для немецких войск.

Эти документы в совокупности с недавно ставшими доступными советскими оперативными документами из фондов Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) РФ дают возможность воссоздания системной картины начала военных действий в рассматриваемом регионе. По данным ЦАМО, только военнослужащих погибло на Карельском фронте свыше 150 000, из которых более половины числятся пропавшими без вести или без определённого места захоронения. По экспертным же

оценкам, безвозвратные потери частей и соединений Карельского фронта могут составлять до 250 000 человек. Заложниками войны стали как военнопленные, так и обычные гражданские лица, оказавшиеся в плену и подвергавшиеся тяжёлым наказаниям.

Вышеназванный банк ранее не известной документалистики дополняют неизвестные ещё российскому читателю в полном объёме материалы органов Государственной полиции, извлечённые из финляндских архивов. Следует отметить, что это документы особой информационной насыщенности и всепроникающего характера, они позволяют оценить отношение населения к войне.

В 1944 г. в переговорах с Союзной Контрольной комиссией, возглавлявшейся генералом А.А.Ждановым, К.Маннергейм говорил, что «...после 250 лет вражды между Финляндией и Россией наступило время произвести коренной поворот в отношениях между обоими государствами. Создалась совершенно новая обстановка, при которой Финляндия должна понять, что ей надо бросить оборону на Востоке и обороняться только на Западе». И далее: «Я... убедился, что оборонительные линии против СССР бесполезны, если нет хороших отношений. Не только на море, но и во всех областях обороны у Финляндии и у СССР есть общий интерес, заключающийся в том, что финляндский тет-де-пон (в военном деле — предмостное укрепление, плацдарм) был защищен от нападения извне — будь то Германия, будь то другое государство. Я уже приказал снять пушки с внутренних озёр, где у меня проходит тыловой рубеж, предназначенный для обороны против СССР» [10].

* * *

В XXI в. во взаимоотношениях России и Финляндии по-прежнему сохраняется геополитический феномен соседства с важным государством. Строить эти отношения приходится уже в реалиях XXI в. Любая конфронтация лишает эти взаимоотношения нормальной перспективы, прежде всего — для малых государств. И мудрость политического руководства заключается в корректности взаимоотношений с соседом с целью избежать неопределённости будущего развития политики агрессивных держав, чьи силы могут вновь начать по-своему определять место Финляндии на «карте жизненного пространства» Европы.

Анализ объективного исторического материала свидетельствует, что, несмотря на все усилия советского руководства «советизировать» после окончания Второй мировой войны Финляндию, в стране жёстко претворился в жизнь постулат, сформулированный деятелями финской социал-

демократии: «...Финляндия, в своей внешней политике, имеет два пути — один на восток и другой на запад. Финны избрали путь на Запад, но хотят также не ссориться с СССР» [11].

Примечания

1. Советское руководство надеялось на де-факто и де-юре их увековечивания.
2. <http://www.nakanune.ru/articles/18886#sthash.TYR12hyS.dpuf>.
3. Историческая канва отношений СССР/Россия — Финляндия (военных, экономических, внешнеполитических) в историографии и исторической памяти, особенно в постсоветский период, в рамках финнистики актуализирована преимущественно в Петрозаводском госуниверситете (Центре прибалтийско-финских исследований, Лаборатории по проблемам Скандинавских стран и Финляндии) усилиями учёных Петрозаводска, Архангельска, Санкт-Петербурга. Хельсинки, Турку, Йёнсуу.
4. Правда. 23 февраля 1939 г.
5. В сохранившемся черновом варианте приказа, подписанном К.Е. Ворошиловым и Б.М. Шапошниковым 26 сентября 1939 г., командующему войсками Ленинградского военного округа указывалось на необходимость немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить его к 29 сентября 1939 г. Этот приказ также предусматривал привлечение сил Белорусского Особого военного округа для планировавшихся действий. Соответствующие задачи ставились и Краснознамённому Балтийскому флоту.
6. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 98—99.
7. Цит. по: Тайны и уроки Зимней войны. 1939—1940. СПб., 2000. С. 504—505.
8. Вихавайнен Т. Война-продолжение 1941—1944 гг. имела далеко идущие внешне- и внутривосточные последствия // СССР—Финляндия. Вооружённое противоборство. 1941—1944 г. М., 2015 (готовится к печати).
9. Цит. по: Зимняя война. Исследования. Документы. Комментарии. М., 2009.
10. Российский Государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 4. Д. 79.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 605. Л. 14.

Т.П.Емельянова, А.В.Мишарина*

Представления о Великой Отечественной войне в коллективной памяти

В статье излагаются результаты изучения структурной организации представлений коллективной памяти двух возрастных групп российского общества о Великой Отечественной войне (ВОВ). Выявлены глубинный, слабо рефлекслируемый уровень представлений с помощью метода психологического рисунка и поверхностный, рефлекслируемый уровень с помощью метода ассоциаций. Обнаружено, что основные содержательные компоненты — ядро и периферия представления — в двух исследованных группах различаются.

Великая Отечественная война многие годы остаётся историческим событием, прочно занимающим лидирующее положение в ряду самых значительных событий российской истории. Между тем, в отечественном политическом дискурсе трактовки значения Победы менялись в течение последних 60 лет. Если сразу после войны 9 мая было объявлено праздничным днём, то пару лет спустя И.В.Сталин изменил своё отношение к ветеранам (имевшим очень высокий статус в обществе), и праздник Победы отодвинули на второй план, а приоритет был отдан празднованию 1 Мая.

С середины 1960-х гг., с приходом к власти Л.И.Брежневa День Победы вновь провозглашается первым по значению государственным праздником. Подчёркиваются военные заслуги самого генерального секретаря КПСС, вновь вспоминают героев и ветеранов войны. В политике М.С.Горбачёва, при сохранении уважения к празднику Победы, её (прежде, безусловно, позитивное) значение для стран Восточной Европы меняется в соответствии с новой международной политикой КПСС. Либерализация общественного сознания времен Б.Н.Ельцина позволила увидеть свет публикациям, материалам, содержащим прямо противоположные прежним, интерпретации войны и Победы. Эти колебания политического курса не могли не отразиться как на трактовках войны в учебниках истории, в литературе, так на состоянии умов.

* **Емельянова Татьяна Петровна** — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, руководитель проекта «Коллективная память о Победе в Великой Отечественной войне в сознании больших групп общества (к 70-летию Победы)» (14-36-01021а).

Мишарина Анна Владимировна — кандидат психологических наук, менеджер по персоналу «Ком-Денталь», исполнитель того же проекта.

Коллективная память включает в себя разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживать, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе [9]. Кроме того, в исследованиях последнего десятилетия убедительно доказана связь между характером коллективных воспоминаний и групповой идентичностью, а также актуальными потребностями исследуемых групп [11]. Коллективная память, являясь социально-психологическим феноменом, не перекрывается исторической наукой и не поглощается исторической институциональной памятью. Она имеет специфические черты, выполняет важные социально-психологические функции в сознании групп, несёт в обыденном сознании эмоциональный и нравственный заряд. Её связи с исторической (институциональной) памятью сложны и неоднозначны.

По свидетельству учёных-историков, если речь идёт о событиях недавнего прошлого, коллективная память может даже оказывать обратное влияние на обнаружение исторических документов и выводов исследований, тормозя эти процессы. Так, профессиональные историки делали заявления о невозможности раскрытия в настоящее время всех документов военной истории, поскольку они могли бы травмировать чувства и память ветеранов. По словам А.Н.Сахарова, «эмоциональная память в этом случае сопротивляется холодному историческому изучению события, а попытки прикоснуться к реальностям войны наталкиваются на глухое сопротивление ветеранов» (интервью для «Радио России», май 2007 г.).

Сейчас мы наблюдаем разнообразие содержания коллективной памяти о войне в разных поколениях россиян. Отчасти это связано с периодами их политической социализации и ресоциализации, отчасти — с их политическим опытом и мировоззрением. Конструирование представлений коллективной памяти о Великой Отечественной войне порождает как общее, так и различное в их содержании и структуре.

Подавляющее большинство отечественных исследований последних лет, посвящённых памяти о войне, сделано в рамках социологической науки и содержит подробное описание того, что люди помнят, интересуются ли проблематикой Отечественной войны, из каких источников они получают информацию, как они оценивают факторы Победы и другие фактические данные.

Результаты социологических работ дают важные ориентиры в понимании того, что именно современное российское общество помнит о Великой Отечественной войне. Высокий уровень интереса к её истории отмечает ряд авторов [напр., 1–3, 10]. По данным Л.И.Афанасьевой и В.И.Меркушина [1, с. 12], интерес к Войне, сохраняясь от поколения

к поколению, тем не менее несколько снижается с возрастом. Доли интересующихся военной историей совпадают у разных авторов — около 80% опрошенных. Эти данные уточняются в исследовании Ю.Р.Вишневого и В.А.Ружи [3, с. 92] — интерес студенческой молодёжи к военному прошлому в последние годы растёт.

Большинство авторов задавались вопросом: «Насколько точно помнят респонденты даты событий, имена военачальников и героев?» Выяснилось, что основные факты войны уверенно вспоминают более 70% опрошенных, причём более полно — представители старшего поколения [1–3, 5, 7]. Однако 68% респондентов считают, что всей правды о войне мы до сегодняшнего дня не знаем [7].

Среди источников знаний о войне первые позиции, по данным социологов [2, 10], занимают кинофильмы, книги и учебные материалы (для молодёжи). Примечательно, что роль «живых» воспоминаний даже для старших возрастных групп незначительна: фронтовики не любили и не хотели вспоминать войну. Между тем, растёт роль семейных архивов — их бережно хранят и передают от поколения к поколению. В целом, наблюдается тенденция к восприятию Дня Победы преимущественно через семейно-родственные отношения [3, с. 95].

Среди факторов Победы на первых местах в рейтингах прочно стоят «героизм» и «патриотизм» по результатам всех исследований. В ряде работ, посвящённых анализу зарубежной истории войны и «альтернативных» общепринятым отечественным точкам зрения на войну, излагаются и критикуются такие суждения, как «Кровь и пот войны начисто смывают героизм. Героизм на фронте был чаще принудительным», распространённость предательства, коллаборационизма, «Цена войны была непомерной»; насилие Красной Армии в европейских странах; экспансия советской власти и бомбардировки Германии союзниками [6, 7]. Авторы справедливо отмечают, что подобные трактовки идут вразрез с общественным мнением и оскорбляют чувства россиян.

Предпринятое нами в 1990-е гг. изучение воспоминаний о Великой Отечественной войне [4] имело целью выявление её репрезентации в различных культурных и возрастных группах. Для обнаружения специфики процессов конструирования социальных представлений в стабильных и кризисных условиях было предпринято исследование кросскультурных различий в социальных представлениях о начальном периоде войны. Исследование проводилось в России и во Франции, оно охватило группы людей старшего возраста, бывших непосредственными участниками или очевидцами войны. Репрезентации французов старшего возраста (российских эмигрантов первой волны) и российских ветеранов обнаруживают суще-

ственные различия. Суть этих различий состоит, прежде всего, в расхождении трактовок значения советского патриотизма и роли Сталина в Победе.

Цель социально-психологического исследования коллективной памяти о Великой Отечественной войне мы видим в раскрытии не только содержания памяти, что уже делается в социологических работах, но и её уровней структуры, с тем чтобы выявить общее и различное содержание на этих уровнях между поколениями. Мы будем рассматривать структуру представлений памяти как имеющую два уровня: глубинный, содержащий слабо осознаваемые, зачастую иррациональные элементы, базирующиеся на эмоциональных переживаниях, связанных с войной, и поверхностный уровень. Поверхностный уровень базируется на рефлекслируемых, рациональных (или рационализируемых) элементах представления, часто обусловленных социальной желательностью, знаниями, осознаваемыми целями или установками.

В данной статье будут представлены результаты исследования коллективной памяти о ВОВ двух возрастных групп — «детей войны», родившихся в 1929—1944 гг., и их детей и внуков, родившихся в 1960—1978 гг. В исследовании приняли участие 120 человек (по 60 чел. из каждой возрастной группы), группы выровнены по полу. Респонденты заполняли блок методик, состоявший из пяти заданий. В их числе — пятибалльные шкалы для оценки утверждений, связанных с войной, психологический рисунок на тему «Ветеран войны», интервью, ассоциативный метод, сведения респондента о себе.

Оценки, полученные по итогам шкалирования, были обработаны согласно методике Ж.-К.Абрикас вычислением коэффициента позитивных ответов — *TCP* (*Taux categorique positif*), который учитывает долю высших оценок респондентами предложенных утверждений, и проверены на значимость статистических различий между оценками респондентов двух групп при помощи непараметрического критерия U Манна-Уитни.

Вычисление коэффициентов позитивных ответов позволило выявить те утверждения, которые, по мнению респондентов, в наибольшей степени отражают их представления о Победе в ВОВ и, таким образом, относятся к ядерной части представления о войне и Победе. Всего респондентам было предложено оценить 40 утверждений. Эти утверждения были сформулированы по итогам предварительного интервью и по содержанию делились на пять категорий: итоги ВОВ, «цена Победы», факторы, способствовавшие Победе в войне, характер чествования ветеранов и события войны. В таблице 1 представлены результаты подсчёта коэффициента позитивных ответов для утверждений из списка, вошедших в ядро представлений одной или обе-

их групп. Жирным шрифтом выделены коэффициенты, соответствующие ядерным элементам представления той или иной группы.

Таблица 1

**Ядро представлений о Победе в Великой Отечественной войне.
Значимые различия между группами**

Элементы	Коэффициент позитивных ответов (ТСР)		Значимость различий U Манна-Уитни
	Группа 1 — 1929–1944 г.р.	Группа 2— 1960–1978 г.р.	
Войну выиграли солдаты, за счёт своей жажды жить и защитить своих близких	100,0	88,3	U=1297.5 $p < 0,01$
Ветераны войны достойны лучших условий жизни, чем те, что они сейчас имеют	98,2	100,0	U=1146 $p < 0,01$
Молодое поколение должно быть воспитано с уважением к подвигу Великой Победы	98,2	100,0	U=1142.5 $p < 0,01$
Я горжусь Победой в ВОВ	98,2	96,7	
Важное значение Победы в ВОВ — уничтожение фашизма	98,2	95,0	
Только самоотверженность и сила духа народа помогли выиграть войну	96,4	96,7	U=1322 $p < 0,05$
Важный итог Победы — сохранение суверенитета нашей страны и свободы её народа	98,2	95,0	
Необходимо больше рассказывать о войне, о её событиях и фактах.	89,3	96,7	
Я одобряю Парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны	96,4	91,7	U=1147 $p < 0,01$
Победа в ВОВ оказалась возможной благодаря патриотизму солдат и их любви к Родине	96,4	96,7	U=1288 $p < 0,05$
Необходимо устраивать больше встреч с ветеранами, где они могли бы рассказать о своей военной жизни	94,6	96,7	U=1230.5 $p < 0,01$
Победа в ВОВ закрепила статус супердержавы нашей страны на мировой арене	94,6	93,3	

Можно видеть, что в обеих возрастных группах структуры ядер представления об Отечественной войне во многом схожи, но имеются и значимые различия по ряду утверждений. Значимо различаются коэффициенты позитивных ответов по утверждениям: «Войну выиграли солдаты, за счёт своей жажды жить и защитить своих близких» (у старших оценки выше при $p < 0,01$); «Ветераны войны достойны лучших условий жизни, чем те, что они сейчас имеют» (оценки выше у младших при $p < 0,01$); «Я одобряю Парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» (у старших оценки выше при $p < 0,01$); «Необходимо устраивать больше встреч с ветеранами, где они могли бы рассказать о своей военной жизни» (выше оценено младшими при $p < 0,01$).

В ядре представлений обеих групп содержатся идеи о том, что молодое поколение должно быть воспитано с уважением к подвигу народа, с мыслями об уничтожении фашизма в итоге ВОВ, о значении самоотверженности и силы духа народа, а также патриотизма и любви солдат к Родине. И старшие, и младшие респонденты признают, что гордятся победой в войне.

Был также проведён анализ утверждений, оказавшихся на периферии представлений. Соответствующие коэффициенты позитивных ответов представлены в Таблице 2. Жирным шрифтом выделены коэффициенты утверждений, попавших в число периферических элементов представлений каждой из групп, т.е. получивших наименьшее число позитивных оценок.

Таблица 2

Периферия представлений о Победе в Великой Отечественной войне. Значимые различия между группами

Наименее популярные элементы	Коэффициент позитивных ответов (ТСП)		Значимость различий U Манна-Уитни
	Группа 1 — 1929–1944 г.р.	Группа 2 — 1960–1978 г.р.	
ВОВ сопровождалась тиранией властей во главе с И.В.Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы	28,6	75	U=811 <i>p</i> <0,01
И.В.Сталин — тиран, державший в страхе всю страну	26,8	70	U=814.5 <i>p</i> <0,01
На мероприятия, связанные с Днём Победы, тратятся большие деньги, которые могли бы послужить лучшим целям	23,2	15	На уровне тенденции U=1371.5 <i>p</i> =0,07
Победа в ВОВ — заслуга И.В.Сталина	21,4	15	U=1130 <i>p</i> <0,01
Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимым условием победы в ВОВ	58,9	20	U=645.5 <i>p</i> <0,01
ВОВ не могла бы быть выиграна без помощи стран-союзников	14,3	8,3	
Все жертвы ВОВ оправданы победой в ней	32,1	13,3	U=956 <i>p</i> <0,01

Так, представители младшей группы в большей степени склонны соглашаться с утверждением о том, что война сопровождалась тиранией властных структур во главе с И.В.Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы. Эти элементы близки к ядру представлений младшей группы. В то время как респонденты старшей группы дали низкие оценки этим утверждениям, у них они оказались в дальней периферии представлений. При этом в старшей группе гораздо ближе к ядру такой элемент, как «репрессии и строгая

политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимым условием победы в ВОВ». Эти различия в коэффициентах респондентов двух групп являются статистически значимыми. Также значимо больше представители старшей группы согласны с тем, что все жертвы ВОВ оправданы победой в ней. Примечательно, что респонденты младшей группы крайне редко соглашались с утверждением о том, что ВОВ не могла бы быть выиграна без помощи стран-союзников. Также обе группы не склонны приписывать заслугу в Победе военачальникам и командирам.

Стоит отметить, что содержание ядра и периферии представлений отличается ещё и различием модальности преобладающих элементов. Так, в ядре представлений содержатся в основном эмоционально положительно окрашенные элементы, а в периферии — нейтральные или негативно окрашенные. Это говорит о преимущественно позитивных чувствах наших респондентов (гордость, уважение к героизму и самоотверженности людей во время войны) и о желании передать следующим поколениям это отношение. При этом только в периферии оказались понятия, связанные с ценой Победы (в ядре они отсутствуют). Видимо, поскольку воспоминания о страданиях и человеческих потерях в военные годы имеют травмирующий характер для респондентов, они вытесняются, уступая место воспоминаниям о позитивных итогах, подвигах и свершениях тех лет.

Для анализа уровневой структуры представлений коллективной памяти были использованы результаты, полученные методом ассоциаций (поверхностный уровень) и психологического рисунка (глубинный уровень). Частотный контент-анализ ассоциаций респондентов на слова «Победа в Великой Отечественной войне» позволил выявить рейтинг ассоциаций. Первые места в рейтинге занимают широко распространённые, первые пришедшие в голову слова и словосочетания, составляющие явный, доступный непосредственному восприятию (поверхностный) уровень представления. Это такие ассоциации, как «радость», «гордость», «праздник», «парад». При этом только респонденты старшей группы давали ассоциации, говорящие о возвращении близких домой и восстановлении мирного уклада жизни, в то время как в младшей группе респондентов место таких воспоминаний занимают ассоциации, указывающие на уважение, почтительное отношение к ветеранам, чествование их заслуг. Примечательно, что только в ассоциациях младшей группы первые места занимают утверждения о величии и силе русского народа.

Психологический рисунок «Ветеран войны» был предназначен для выявления имплицитных (глубинных) тенденций в репрезентации военной темы и Победы. Результаты этого теста обрабатывались с помощью аналитической процедуры «Рисунок человека» [8]. Поскольку объём статьи

не позволяет полностью раскрыть детали анализа рисунков респондентов, приведём примеры, иллюстрирующие наиболее общие тенденции для каждой из групп. Оценка рисунков происходила по нескольким параметрам — содержательное наполнение рисунка (сюжет, возраст персонажей рисунка, атрибутика и др.), преобладающая эмоциональная окраска, используемые цвета, характер линий, расположение рисунка и др. Анализ рисунков проводился отдельно для разных возрастных групп респондентов.

Респонденты старшей группы, и особенно мужчины, ветерана войны чаще изображали в качестве действующего воина на поле битвы, под зданием Рейхстага, на Параде Победы в 1945 г. (рис. 1). Эмоциональная составляющая рисунков этой группы респондентов отражает либо радость и сосредоточенность, как на рисунках мужчин (см. рис. 1), либо радость и усталость, как на рисунках женщин (рис. 2). Отметим, что рисунки респондентов-мужчин отличаются экспрессивностью, резкими линиями, присутствием лозунгов — «За родину!», «Ура, победа!» и т.п.

Рис. 1

Рис. 2

Рисунки респондентов младшей группы чаще изображают ветерана войны в мирное время как человека пожилого, окружённого внуками (рис. 3), часто изображается ветеран не в полевой, а в парадной форме, с орденами и медалями, во время праздничного застолья. В этом видно соответствие образа рисунка содержанию представлений о войне — ведь именно респонденты младшей группы особенно часто подчёркивают, как важно полностью передать информацию о событиях войны младшему поколению, как важно устраивать встречи с ветеранами. В то же время именно в этой группе встречаются рисунки, изображающие надгробные плиты, вечный огонь на монументах павшим (рис. 4).

Описывая эмоциональную окраску рисунков младшей группы, стоит отметить, что ещё чаще, чем в старшей группе, изображается печаль, грусть либо тихая улыбка. Гораздо меньше рисунков, отражающих ликование в дни Победы, память о которых жива у респондентов старшей груп-

Рис. 3

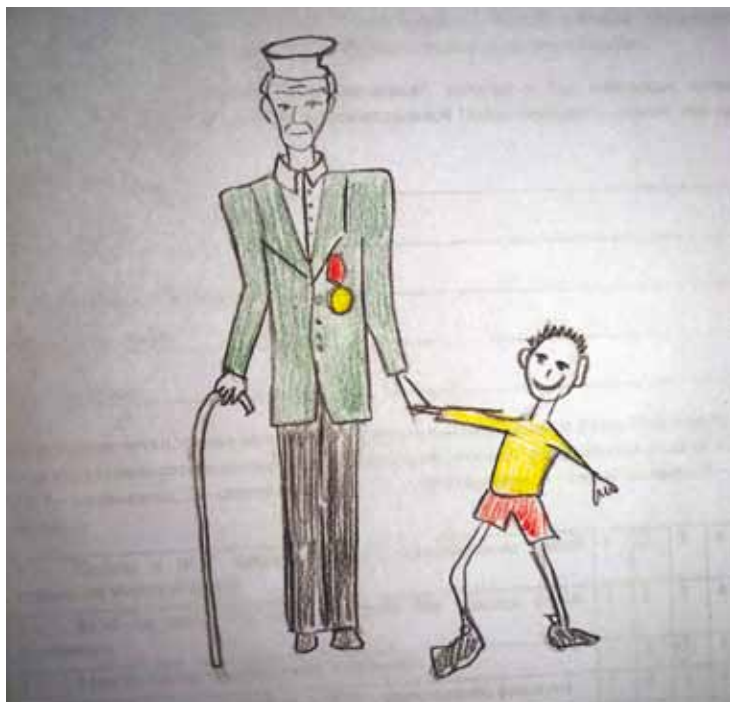

Рис. 4

пы. Таким образом, при сопоставлении двух уровней репрезентаций очевидно, что коллективная память о войне не одномерна. Если «на поверхности» обнаруживаются позитивно окрашенные элементы, отражающие чувства радости и гордости, именно они осознаются и рефлексированы респондентами, то на глубинном уровне присутствуют элементы с негативной окраской в форме тревоги, печали и сожаления. Эти чувства, вероятно, подавляются респондентами, не рефлексированы полностью как тяжёлые переживания, связанные с судьбами ветеранов и с человеческой «ценой» Победы.

Исследование показало, что Победа по-прежнему является фактором объединения общества. Тем не менее просматривается и временная динамика коллективной памяти: младшее поколение респондентов меньшее значение придаёт параду Победы, значительно чаще, чем старшие, отмечает факт тирании власти и лично Сталина, неоправданность огромного количества человеческих потерь и жестокость по отношению к отступавшим и дезертирам. Значимо больше представители старшей группы согласны с тем, что все жертвы ВОВ оправданы победой в ней. Таким образом, младшее поколение в большей степени тяготеет к гуманистическим критериям в оценке войны и Победы, чем старшее.

Несмотря на существование различий в репрезентациях, в целом оба поколения единодушны в главном: в своих чувствах гордости за народ, победивший германский нацизм, в стратегии патриотического воспитания младших поколений, в уважении ветеранов и необходимости большей заботы о них.

Литература

1. Афанасьева Л.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22.
2. Балабанов С.С., Саралиева З.Х. Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / Под общей ред. Ю.Р.Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 42–48.
3. Вишневский Ю.Р., Ружа В.А. Представления российских студентов о Великой Отечественной войне: 5 лет спустя // Там же. С. 93–100.
4. Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
5. Жива ли память о Великой Отечественной войне в наши дни? 2008. <http://www.svoboda.org/content/transcript/447242.html>.

6. Иванов В. Нужна ли нам память о Великой Отечественной войне? 2012// <http://gazeta-licey.ru/flight-scientific-and-pedagogical-gazette/approachs-systems-technologies/4016-nuzhna-li-nam-pamyat-o-velikoj-otechestvennoj-vojne>.
7. Мальшева Е.М. Идентичность, духовный потенциал советского общества и формирование памяти о Великой Отечественной войне: диалог прошлого с настоящим [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-duhovnuu-potentsial-sovetskogo-obschestva-i-formirovanie-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-vojne-dialog-proshlogo-s>.
8. Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 2009.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. С. 209.
10. Чернова О.В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне / Politpros.com. 2011. № 1 // <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&journal=68>.
11. Baumeister F., Hastings S. Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 277–294.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РГНФ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

**В.Р.Эрлих, А.Р.Канторович,
В.Е.Маслов***

Спорные вопросы хронологии Архаической Скифии

Пересмотр «традиционной» скифской хронологии в сторону её удре-

внения начался 30 лет назад после публикации работ немецкого ученого Георга Коссака. Но и сегодня нет набора аргументов, который убедительно доказывал бы «новые даты». Напротив, в причерноморских памятниках эпохи скифской архаики растёт число новых находок восточно-греческой керамики, которые не позволяют датировать появление келермесского горизонта скифских древностей ранее рубежа второй четверти — середины VII в. до н.э.

Пересмотр «традиционной» скифской хронологии в сторону её удревления начался 30 лет назад в работах Георга Коссака, которые в начале 1990-х гг. вызвали дискуссию на страницах журнала «Российская археология» и получили поддержку у ряда исследователей, таких как И.А.Медведская, С.В.Полин, А.И.Иванчик.

Эти исследователи полагают, что формирование раннескифского комплекса раннекелермесского облика произошло уже в конце VIII в. до н.э. Относительно недавно этой позиции стали придерживаться А.Ю.Алексеев и Т.В.Рябкова, которые считают, что курганы Старшей Келермесской группы (курганы Веселовского) оставлены «допоходными» скифами в рай-

* **Эрлих Владимир Роальдович** — доктор исторических наук, заведующий сектором истории материальной культуры и древнего искусства народов Кавказа Государственного музея Востока, руководитель проекта «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.). Новые данные и подходы» (11-01-00532а).

Канторович Анатолий Робертович — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, исполнитель того же проекта.

Маслов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, исполнитель того же проекта.

оне 700 г. до н.э. Аргументация для подобного предположения строится на различиях в топографии и радиоуглеродных датировках курганов Старшей (курганы Веселовского) и Младшей (курганы Шульца) групп Келермесского могильника, а также на том, что, по мнению этих авторов, в курганах Старшей Келермесской группы отсутствуют изделия, безусловно выполненные древневосточными мастерами. По мнению А.Ю.Алексеева и Т.В.Рябковой, подток клевца или секиры, плакированный фольгой из кургана 2/В, равно как и инкрустированные фалары с крестовидной композицией в центре из кургана 1/В, в настоящее время не могут однозначно трактоваться как ближневосточный импорт, а могли быть принесены скифами в результате их миграции с востока [1].

Если принять доводы данных исследователей, то можно предположить, что между «старшими» и «младшими» Келермесскими курганами существовал hiatus, составляющий приблизительно от 50 до 100 лет, поскольку для Старшей Келермесской группы они не исключают датировку в пределах VIII в. до н.э., в то время как опорой для верхней хронологической границы Келермеса, как известно, служит датировка ионийских сосудов из кургана 16 могильника Новозаведённое II, имеющего целый ряд соответствий с курганами Шульца. В настоящее время верхняя хронологическая граница Келермеса определяется датой ионийских сосудов из кургана 16 могильника Новозаведённое II — около 610—590 гг. до н.э. В то же время, материалы Келермесского кургана 24, которые А.Ю.Алексеев сопоставляет с курганами 3 или 4 Шульца, входят в явное противоречие с этим заключением. Они занимают «переходную» позицию между ранне- и позднекелермесскими наборами, что уже отмечала И.Н.Медведская.

Л.К.Галанина, впервые выделившая Старшую и Младшую группы Келермеса, отметила, что уздечные наборы этого кургана содержат как ранние клювовидные пронизи каменноостского типа, так и более поздние развитые бронзовые пронизи в виде головок птиц с закрученным клювом, характерные для Келермесских курганов Шульца, а в стрелковом наборе преобладают двулопастные наконечники стрел, которые выглядят достаточно архаично. В своё время один из авторов данной статьи включил их в «раннекелермесскую» хронологическую группу закубанских колчаных наборов, куда также входят наборы наконечников стрел из курганов Веселовского и кургана 41 могильника «Клады». В целом, имеющиеся материалы Келермесского могильника, на наш взгляд, не дают оснований для пересмотра мнения Л.К.Галаниной, что между Старшей и Младшей группами Келермеса имеется «не слишком большой хронологический разрыв» [2, с. 180—192].

К тому же, учитывая имеющиеся периодизации памятников раннего железного века Северо-Западного Кавказа и достаточно быструю трансформацию элементов раннескифского комплекса в целом, не вполне ясно, какие именно закубанские памятники восполняют тот значительный для хронологии раннего железного века (50—100 лет) хиатус, пока скифы находились в походах в Передней Азии. Отметим, что сам А.Ю.Алексеев в своих предыдущих работах отмечал хронологическую близость всех курганов Келермесского могильника, отводя им около 30—40 лет — 660—620 гг. до н.э.

Несмотря на спорность ближневосточного происхождения двух предметов из древнейших курганов Келермеса, на которые указали А.Ю.Алексеев и Т.В.Рябкова, в этих курганах имеются культурные новации, которые могли возникнуть только в результате переднеазиатских походов. Так, конский убор «золотой шестёрки» коней из кургана 1/В Л.К.Галанина справедливо отнесла к «местной версии» переднеазиатского конского убранства, сравнивая его с убранством коней, известных по ассирийским рельефам [2, с. 122].

Безусловно ближневосточное происхождение, напрямую связанное с переднеазиатскими и закавказскими походами скифской истории, имеет появившаяся в раннекелермесское время традиция использования колокольчиков, встреченных в наборах коней 9, 10 и 11 кургана 2/В [2, с. 132].

Если же рассматривать пласт раннекелермесских древностей шире, то нельзя забывать и о бронзовой обкладке дышла колесницы с изображением богини Иштар из Южной гробницы кургана 1 Краснознаменского могильника, которое имеет аналогии на рельефе из Ниневии времени Ашшурбанипала и до сих пор является важнейшим хроноиндикатором для определения хронологии первого этапа Келермесского могильника.

Таким образом, материалы Келермесских курганов не позволяют, с одной стороны, наблюдать хиатус величиной в 50—100 лет между Старшей и Младшей группами Келермеса, а с другой стороны — относить Старшую группу к «допоходному» пласту скифских древностей. На наш взгляд, материалы Келермесского могильника — это единый горизонт древностей, включающий общие образы «звериного стиля», типы наверший, шлемы кубанского типа, которые пока не встречены в комплексах, датированных VI в. до н.э., а также схожие бронзовые ситулы. В основании этого горизонта находится комплекс с предметами колесничной сбруи — курган 2/В (вне зависимости от того, была ли там собственно колесница или только символизирующие её элементы). Вместе с курганом 1/В он демонстрирует теснейшую связь с соответствующими комплексами Нартанского и Краснознаменского могильника, которые имеют «новочеркасский»

шлейф. Нет никаких оснований для того, чтобы объявлять их «допоходными» и отрывать от остальных захоронений могильника.

Одним из аргументов в пользу разделения Келермесского могильника на две группы является мнимое отсутствие в курганах Д.Г.Шульца новочеркасских элементов. Но это далеко не так: солярный значок, восходящий к предскифским прототипам, есть на навершиях из курганов 3/Ш и 4/Ш [2, кат. 44, 67, табл. 44]. Он точно такой же, как на навершиях из курганов 1/В и 2/В [2, кат. 300, 302, табл. 44]. Очень сходны и сами навершия. Из кургана 3/Ш происходят также бронзовый шлем кубанского типа и фрагменты двуручной ситулы. Аналогичные ситулы встречены в элитных погребениях предскифского горизонта и раннескифского времени, а из кургана 24 — железные двукольчатые удила.

Для определения хронологического положения Келермесского могильника параллели с комплексами, содержащими античные импорты, важнее имеющих переднеазиатских импортов, поскольку последние, как правило, имеют достаточно широкие даты. Образы ассирийской, а впоследствии ахеменидской культовой иконографии были, очевидно, весьма устойчивы и последовательно воспроизводились на протяжении больших отрезков времени. Последнее относится и к уже упомянутому выше изображению на обойме, украшавшей дышло колесницы в кургане 1 Краснознаменского могильника. Поэтому первостепенное значение сохраняют датировки погребений с греческой керамикой из Темир-Горы и кургана 16 могильника Новозаведенное II, которые можно проецировать на материалы Келермесского могильника.

Большое значение для определения хронологии памятника сохраняют также изображения на одном из ритонов и на знаменитом зеркале из курганов 3/Ш и 4/Ш, имеющие, как известно, несомненные параллели среди сюжетов ориентализирующей греческой вазописи. В.А.Кисель датировал ритон второй третью — концом VII в. до н.э., а зеркало — 670—640 гг. до н.э. Представляется, что данная датировка несколько занижена: ближайšie аналогии среди вазописи можно найти на сосудах, изготовленных в 30-е — 20-е гг. VII в. до н.э. [3]. Ойнохоя Леви, на которую ссылался В.А.Кисель, ныне датируется временем около 630 г. до н.э., значительно омоложена также датировка сосудов «группы Лондонского диноса». На этом фоне датировка всего памятника в интервале 660—580 гг. до н.э., которой некогда придерживался А.Ю.Алексеев, выглядит достаточно обоснованной.

Другим немаловажным аспектом является время появления «раннескифских» элементов на Ближнем Востоке. Весьма показательны для этого недавно обнаруженные так называемые скифские втульчатые стрелы из урартской крепости Айянис. Она была построена, по дендрохронологическим данным, между 677—673 гг. до н.э., а погибла в сере-

дине VII в. до н.э. Обнаруженные наконечники стрел в основном относятся ко времени гибели этой крепости.

Анализируя все имеющиеся на сегодняшний день данные по втульчатым стрелам «скифского облика», обнаруженным на Ближнем Востоке, авторы публикации наконечников из Айяниса — Зафер Дерин и Оскар Москарелла — пришли к выводам, что они не встречаются в чётко стратифицированных комплексах ранее начала VII в. до н.э. [4]. На Ближнем Востоке имелось собственное их производство, так как здесь известно не менее 5 случаев находок форм для их изготовления. В то же время, по их мнению, эти наконечники появляются на Ближнем Востоке уже после проникновения с севера агрессивных групп. Однако вовсе не следует, что нужно датировать слои с этими стрелами, как это делают некоторые учёные, концом VIII или первой четвертью VII в. до н.э. (т.е. временем киммерийцев и скифов). Весьма интересны статистические наблюдения авторов, что для доахеменидских слоев Ирана более характерны трёхлопастные втульчатые наконечники стрел, а для памятников Урарту — двухлопастные. Последние преобладают во всех урартских памятниках, кроме Кармир-Блура.

Отметим, что и те, и другие формы вместе составляют раннекелермесский комплекс наконечников стрел, и, таким образом, можно заключить, что раннекелермесский «стрелковый набор» сформировался не на Северном Кавказе в допоходное время, а на Ближнем Востоке — во время походов.

Ещё одним свидетельством очень быстрого распространения древностей келермесского горизонта являются находки редких вариантов янтарных бус в курганах 7 могильника Новозаведенное II и в Южной гробнице к. 1 Краснознаменского могильника, аналогии которым представлены в кладе, обнаруженном в ходе исследования храма Артемиды Эфесской, что позволяет говорить о хронологической близости этих двух комплексов.

Работы 1987 г., проведённые в Эфесе под руководством А.Баммера, выявили остатки архаического периптера, возведение которого по сопутствующим находкам керамики надёжно датировалось второй половиной VIII в. до н.э. Сам клад исследователь считает частью ожерелий, которые украшали древнейших храмовых идолов. Хотя никаких следов разрушения, которые можно было бы связать с киммерийским вторжением, известным по письменным источникам, обнаружить не удалось, находки в скифских курганах позволяют связывать их с событиями, произошедшими в 40-е гг. VII в. до н.э. [5].

Нельзя пройти мимо ещё двух недавно вышедших работ, в которых авторы выступили сторонниками пересмотра «традиционной» скифской хронологии.

А.С.Балахванцев на основе палеографической датировки арамейской надписи на роговом псалии с изображением грифобарана из Рысайкино,

предположил, что этот образ возник ещё во второй половине VIII в. до н.э. Однако по своему морфологическому облику данный псалий является отнюдь не самым ранним среди псалиев раннекелермесского облика, причём нельзя исключить сохранения навыков старых начертаний арамейских букв до второй четверти — середины VII в. до н.э. — времени, когда, по нашим представлениям, сформировался образ грифобарана/бараноптицы.

Точки зрения о ранней датировке формирования раннескифской культуры придерживается также М.Н. Дараган [6].

В то же время далеко не все исследователи в настоящее время приняли «новые даты» формирования раннескифского комплекса. В частности, авторы данной статьи полагают, что:

— контакты населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа с Закавказьем и странами Ближнего Востока начинаются ещё в предскифское время;

— появление таких «раннескифских» элементов на Ближнем Востоке, как бронзовые втульчатые наконечники стрел в стратифицированных памятниках, произошло не раньше начала VII в. до н.э. и, скорее всего, является заимствованием из центральноазиатского региона. В то же время находки этих наконечников отнюдь не являются маркером непосредственного присутствия северопричерноморских скифов (либо киммерийцев).

* * *

Для данной темы весьма важны материалы скифского звериного стиля, которые демонстрируют нам несколько достаточно компактных групп периода архаики, охватывающих почти весь практикуемый впоследствии образный репертуар скифского звериного стиля. Одним из авторов данной статьи была проведена работа по сбору и классификации изображений восточноевропейского скифского звериного стиля в рамках скифской археологической культуры Северного Причерноморья и Северного Кавказа VII — начала III вв. до н.э. Перекрёстное сравнение изображений позволило выявить господствующие направления в развитии восточноевропейского скифского звериного стиля на всём протяжении его существования. Всего для скифского звериного стиля периода «архаики» (VII—VI вв. до н.э.) было выделено 64 типа, часть из которых полностью «замкнута» внутри данного периода, а часть состоит из изображений, которые переживают его хронологические рамки и переходят в «классический» период (V—IV вв. до н.э.) (рис.). Таким образом, изображения архаического периода в значительной мере определяют образный и сюжетный репертуар скифского звериного стиля в последующую культурно-хронологическую эпоху.

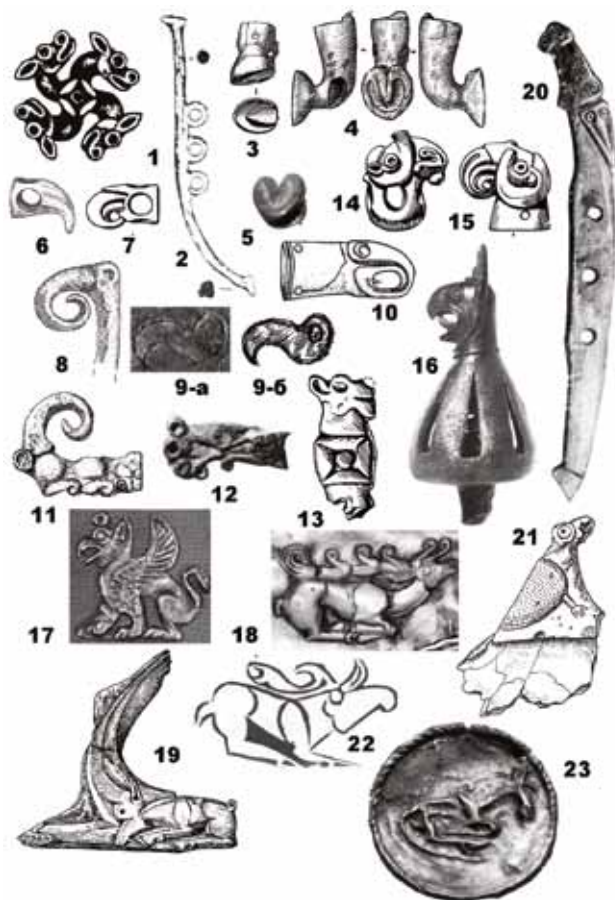

Рис. Основные образы и мотивы восточноевропейского скифского звериного стиля периода «скифской архаики» VII–VI вв. до н.э.:

1 — Хаджох, курган 1; 2 — Хаджох, курган 2; 3 — Келермес, курган 1/В, набор коня 22; 4 — Новозаведенное II, курган 2, уздечный набор № 5; 5 — Ульский курган № 1 1910 г.; 6 — Красное Знамя, курган 1, Южная гробница; 7 — Келермес, курганы 2–4/Ш; 8 — Красное Знамя, курган 6; 9а, 9б — Герасимовка, курган 2; 10 — Репяховатая могила, погребение 2; 11 — Красное Знамя, курган 6; 12 — Новозаведенное II, курган 5; 13 — Келермес, курган 2/В; 14 — Келермес, курган 1/В, наборы коней 19 и 20; 15 — Келермес, курган 1/В, наборы коней 19 и 20 м; 16 — Новозаведенное II, курган 8; 17 — Перепятыха, курган; 18 — Мельгуновский курган; 19 — Новозаведенное II, курган 13; 20 — Будки, курган; 21 — Новозаведенное II, курган 10; 22 — Жаботин, курган 2; 23 — Келермес, курган 4/Ш.

1–2 — по А.А.Сазонову; 3, 7, 13–15, 23 — по Л.К.Галаниной; 4, 6, 8, 11, 16 — по В.Г.Петренко; 5 — по Л.К.Галаниной, А.Ю.Алексееву; 9 — по Д.Я.Самоквасову; 10 — по В.А.Ильинской, Б.Н.Мозолевскому, А.И.Тереножкину; 12 — по В.Г.Петренко, В.Е.Маслову; 17 — по В.Ротровскому, Л.Галанина, N.Gratch; 18 — по А.Ю.Алексееву; 19, 21 — по В.Г.Петренко, В.Е.Маслову, А.Р.Канторовичу; 20, 22 — по Б.И.Ханенко, В.П.Ханенко

Хронология восточноевропейского скифского звериного стиля позволила прийти к выводу, что наиболее ранними памятниками, в которых встречаются произведения скифского звериного стиля, являются комплексы, переходные от предскифского к скифскому горизонту (сочетающие элементы обеих стадий), — Хаджохский курган 2 и комплекс предметов у хут. Алексеевского первой половины VII в. до н.э. Но в этих комплексах элементы скифского звериного стиля ещё единичны. Массовое же присутствие изображений в зверином стиле впервые фиксируется лишь в Келермесских и Краснознаменских курганах: ранняя подгруппа Келермесских курганов (1/В и 2/В), Южная гробница кургана 1, курганы 4, 6 Краснознаменского могильника. Суммарно дату этих комплексов можно обозначить как середина — рубеж третьей — четвёртой четверти VII в. до н.э. Благодаря находке южноионийской расписной ойнохой чётко датируется и курган Темир-гора с шедеврами косторезного пласта скифского звериного стиля (в пределах третьей четверти VII в. до н.э.). При этом многие другие изображения выявленных иконографических типов (изображения из к. 20 могильника Нартан-1; из к. 2, 7 могильника Новозаведенное II) так или иначе сходны с келермесскими и краснознаменскими и, очевидно, синхронны им. Данная стилистическая группа существует и позднее, она представлена в комплексах, которые надёжно датируются по античным импортам последней четвертью VII — началом VI в. до н.э.: это материалы горизонта Б Западного Бельского городища, Новозаведенского кургана 16, Репяховатой могилы.

Всё вышесказанное свидетельствует о достаточно быстром возникновении и развитии на территории Восточной Европы феномена скифского звериного стиля, сохраняющего в первое время своего существования в ряде мотивов рудименты киммерийской орнаментики («киммерийская розетка») и следы предскифской иконографии зооморфных образов (в рамках мотива барана, птицы и сугубо восточноевропейского образа бараноптицы/грифо-барана, а также мотива обособленной конечности копытного).

Для проблемы хронологии скифской архаики и, в частности, хронологии начальных стадий восточноевропейского скифского звериного стиля «прорывной» характер в настоящее время имеют материалы, полученные украинскими археологами И.Б.Шрамко и С.А.Задниковым в ходе раскопок хорошо стратифицированных зольников Западного Бельского городища [8]. Наиболее ранний горизонт памятника — А, абсолютно лишённый как античных и передневносточных импортов, так и каких-либо изделий в скифском «зверином стиле», был отнесён И.Б.Шрамко к «докелермесскому жаботинско-новочеркасскому периоду и датирован второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н.э.

Горизонт Б надёжно маркируют фрагменты античной керамики третьей четверти VII — первой четверти VI в. до н.э. Он содержит находки наконечников стрел келермесского типа и железные ножи. Именно в этом горизонте появляются вещи, оформленные в скифском «зверином стиле», в том числе самых ранних форм — такие, как псалии с навершием в виде головы грифобарана/бараноптицы.

Таким образом, невозможно «растягивать» на длительный промежуток времени и уводить в конец VIII в. до н.э. процесс формирования основных образов, сюжетов, мотивов и художественных приёмов восточноевропейского скифского звериного стиля. Данный процесс, начавшись в первой половине VII в. до н.э. с ещё «несмелой» реализации отдельных зооморфных тем в редуцированном воплощении (мотивы копыта и птичьего клюва, восходящие к северокавказским предскифским корням), стал весьма динамичным и мощным, начиная со второй трети — второй половины VII в. до н.э., что определялось тремя факторами: 1) несомненным воздействием переднеазиатской стилистики как следствия скифских походов и иных контактов с Закавказьем и Передней Азией, 2) безусловными художественными импульсами и возможными миграционными волнами из восточных зон скифо-сибирского мира, а также 3) влиянием ионийского искусства (начиная, по крайней мере, со 2-й половины VII в. до н.э.).

* * *

Подводя краткий итог рассмотрения современного состояния проблемы абсолютной хронологии эпохи скифской архаики, отметим, что по истечении 30 лет после появления «новой скифской хронологии» Г.Коссака её сторонники пока не накопили основательного набора аргументов, вынудившего всех исследователей так или иначе перейти на «новые даты». Напротив, за эти 30 лет в причерноморских памятниках эпохи скифской архаики появились и продолжают появляться новые находки восточно-греческой керамики, которые не позволяют датировать начало раннекелермесского периода ранее рубежа второй четверти — середины VII в. до н.э.

Литература

1. Kossack G. *Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus* // BAVA. 1983. Bd. 5. S. 89–182; Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. Скифы // *Античное наследие Кубани*. М., 2010. Т. 1. С. 236–259.
1. Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

2. Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.; Kerschner M., Schlotzhauer U. A new classification system for East Greek pottery // *Ancient West & East*. 2005. 4. 1. P. 1–56.
3. Derin Z., Muscarella O.W. Iron and Bronze Arrows // *Ayanis I. Ten Years Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998*. Roma. 2001. P. 189–217.
4. Hogarth D. G. Excavations at Ephesus. The Archaic Artemisia. London, 1908.; Vammer A. Peripteros of the Geometric Period in the Artemision of Ethesus // *Anatolian Studies* 1990. XL P. 137–160.
5. Балахванцев А.С. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П.Грязнова*. СПб., 2012. С. 358–361; Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.
6. Канторович А.Р. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // *От палеолита до средневековья*. М., 2011. С. 29–38.
7. Шрамко И.Б. О начальном периоде существования Бельского городища // *Від Кіммерії до Сарматії, 60 років відділу скіфо-сарматської археології*. Киев, 2004. С. 103–106; Шрамко И.Б., Задников С.А. Новые находки ранней античной керамики на Бельском городище // *СΥΜΒΟΛΑ*. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 294–300.

Н.Т.Энеева*

Значение русского православного зарубежья 1917–1939 годов для истории Русской Православной Церкви и России

В статье излагаются некоторые выводы исследовательской группы Института всеобщей истории РАН и Московской Духовной Академии по теме «Русское православное зарубежье 1917–1939 г.», разрабатывающейся в рамках проекта «История русского православного зарубежья». В основе предлагаемой концепции — взгляд на историю Русской Православной Церкви в России и зарубежье в межвоенный период как на историю Единой Церкви, разделения которой носили не религиозный, но политический, т.е. внешний по отношению к собственно церковной проблематике, характер и поэтому не должны квалифицироваться как раскол.

Исход в зарубежье в годы Гражданской войны миллионов российских граждан, не согласных с политическими переменами на родине, привёл к созданию за границами исторической России альтернативного русского мира. Особенностью русской послереволюционной эмиграции была её массовость и всесословность: страну покидали представители всех слоёв населения Российской империи, эмигрировали в полном составе государственные, общественные и учебные учреждения. Это дало русским эмигрантам основание утверждать, что «Россия не только там, но и здесь», т. е. в русском рассеянии. «Раз для миллионов становится неизбежным выселение из России, это должно означать, что Россия не только там, но и здесь, — писал в 1923 г., находясь в эмиграции, русский религиозный философ протоиерей Сергей Булгаков, — и то, что совершается с русской душой за рубежом, совершается — *pro rata* — и с Россией. И в этом временном раздвоении центров русского сознания заключается благой и положительный смысл, приобретение нашей эпохи, которое учтёт будущее» [1]. «Заграничная диаспора тоже Россия, проходящая свой особенный и в высшей степени важный опыт» [2].

Этот новый русский мир мог выжить только как явление духовное, потому что существовал он «без почвы под ногами» — вне родины. При отсутствии территориального единства русские не могли удовлетвориться и единством по чисто национальному, этническому принципу, поскольку богатейшая многовековая культурная традиция Руси всегда подчиняла национальный принцип

* **Энеева Наталья Тимуровна** — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель проекта «Русское православное зарубежье 1917–1939 г.» (11-01-00075а).

высшему, религиозному. «Русская идея всегда была религиозной идеей. Это есть идея Святой Руси...» [3, с. 4] — говорилось в вводной статье первого выпуска издававшегося в межвоенный период в эмиграции журнала «Путь», одной из тем которого была рефлексия русской религиозно-философской мысли на современную историческую ситуацию. «Русской эмиграции... грозит распыление, денационализация, потеря связи с Россией, с русской землёй, с русским народом... Единство устанавливается духовно и русским его нужно искать вокруг Православной Церкви. Только через Православную Церковь эмиграция может ощутить себя единым русским народом. Только в религиозном движении русские в России и русские за границей составляют единый духовный организм» [Там же]. Таким образом, по мнению самих эмигрантов, только Церковь могла взять на себя функцию консолидации соотечественников, выброшенных революцией за пределы своей страны. Разрозненные русские храмы и православные миссии на чужбине после революции превратились в маяки, на которые ориентировалась беженская масса и которые служили центрами её консолидации.

Оказавшиеся в изгнании русские люди осознали себя свободным голосом всего русского народа, лишённого свободы у себя на родине. В «программной» речи выдающегося русского писателя, нобелевского лауреата И.А.Бунина «Миссия русской эмиграции», произнесённой в Париже 16 февраля 1924 г. и имевшей большой общественный резонанс, говорилось, что задача русских эмигрантов заключается, прежде всего, в свидетельстве миру о том, что не поработённый коммунизмом русский народ продолжает существовать, причём по обе стороны российских границ. «Мы делегаты... от имени России, — писал он, — не той, что предала Христа за тридцать сребреников, за разрешение на грабёж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъаремной, страждущей, но всё же до конца не покорённой» [4].

Для многих представителей эмиграции изгнание оказалось временем кардинальной переоценки ценностей, перемены ещё недавно либеральных взглядов, как правило, связанных с сочувствием февральской революции, на осознание катастрофичности принесённых революцией не только человеческих и материальных жертв, но и духовных и культурных разрушений, осознание непреходящей ценности того, что революция отвергала и вычёркивала из жизни. Поэтому, как писал И.А.Бунин: «Задача лучшей части русской эмиграции лежит более всего в области духовной культуры и религиозной жизни. Русская эмиграция призвана хранить преемственность русской духовной культуры и в меру сил своих способствовать её творческому развитию» [3, с. 4].

Таким образом, русская эмиграция после революции приняла на себя три основных духовных «делания». Первое — покаяние, второе — кон-

сервация дореволюционных духовных ценностей, сохранение того, что удалось вывезти, и третье — миссия. Если первые две задачи выглядят естественным следствием того положения, в котором оказались русские послереволюционные эмигранты, то третья была чем-то «сверхдолжным», неожиданным, почти сверхъестественным. Однако по сути она обуславливалась всем предшествовавшим развитием русской культуры, благодаря которому вынужденное изгнание явилось не откатом назад, не переживанием сложного исторического периода, но поступательным движением вперёд, причём движением с небывалой прежде энергией, целенаправленностью и убеждённостью. «Не случайно русские православные люди приведены в тесное соприкосновение с западным миром, с христианами Запада, — писал один из известнейших в Западной Европе русских православных философов Н.А.Бердяев. — Православие имеет вселенское значение... оно должно стать духовной силой, действующей в мире» [3, с. 5]. По свидетельству Н.А.Бердяева, перед отъездом за границу знаменитый московский старец св. прав. Алексий Мечев благословил его словами: «Вы должны ехать. Ваше слово должен услышать Запад» [5].

То, что удалось сделать русским эмигрантам в межвоенные годы, не возможно было бы осуществить никаким рациональным путём, никакими специально запланированными мерами: весь мир наполнился русскими храмами, всюду зазвучала русская проповедь, русское религиозное мышление напрямую вышло на ведущие интеллектуальные площадки Европы и мира, русское подвижничество свидетельствовало о себе в новосозданных монашеских эмигрантских обителях (рис. 1–2). Русская православная эмиграция разошлась по миру, как лучи от внезапно вспыхнувшей сверхновой звезды. «Фокусом преломления» этих лучей первоначально стал Константинополь — бывшая столица Византии, колыбели русской православной цивилизации. Как некогда в древности, новый «русский мир» снова зарождался в Новом Риме, но уже для того, чтобы существовать не «интровертно», а «экстравертно», в модусе самосвидетельства.

В то же время, русское православное зарубежье 1920–1930 гг. состояло отнюдь не только из сознательно (из политических убеждений) или вынужденно (в силу военных событий) эмигрировавших лиц. Многие зарубежные представители Российской империи за рубежом, как то — служащие дипломатических и духовных миссий, представители финансовых кругов, русские паломники к святыням Христианского Востока и Западной Европы, российские граждане, находившиеся на момент начала мировой войны на европейских курортах и в санаториях, студенты, просто частные лица — все они оказались отрезанными от своей родины без возможности возвращения назад. За рубежами России оказались сотни тысяч

русских православных жителей Прибалтики и Польши, обретших в годы российского политического кризиса государственную самостоятельность.

Рис. 1. Икона Божией Матери «Курская-Коренная» — покровительница Русского зарубежья в XX в. В 1919 г. вывезена из России в Сербию. Ныне пребывает в посвящённом ей главном храме Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви в Нью-Йорке

Разбросанные по разным странам мира, представители русского православного зарубежья в 1920—1930 гг. оказались разделены не только государственными границами, но и церковными юрисдикциями, три из которых образовались в межвоенный период: Русская Православная Церковь За границей с центром в г. Сремские Карловцы в Югославии, Временный Экзархат Русских Православных Приходов Западной Европы в юрисдикции Вселенского Патриархата с центром в Париже и автономная Американская Православная Церковь — объявившая себя самостоятельной Северо-Американская епархия Русской Православной Церкви.

Основную консолидирующую роль для православных беженцев из России играла Русская Православная Церковь За границей (РПЦЗ), называемая также Русской Зарубежной Церковью или «карловацкой юрисдикцией». Её возникновение было обусловлено непосредственной преемственностью с церковной жизнью на «белых» территориях в годы Гражданской войны в России. В этом смысле она была не столько новой эмигрантской

организацией, сколько перенесённой на зарубежную почву церковной структурой, возникшей для тех, кто противостоял революции в России. Оформившаяся на территории военного лагеря белых и фактически сопровождавшая их передвижения вплоть до окончательного оставления родины, карловацкая юрисдикция поддерживала связи с военными и монархическими организациями русского зарубежья, разделяя многие их убеждения и начинания. Русская Зарубежная Церковь сохраняла строгую организованность, придерживалась принципа дисциплины и жёсткой субординации, включая в число церковных вопросов и вопрос о монархии в России.

Рис. 2. Храм-памятник св. прав. Иова Многострадального в Брюсселе в память Царя-Мученика Николая II и всех богоборческой властью в смуте убиенных. Заложен в 1936 г., освящён в 1950. В храме находятся иконы и личные вещи царской семьи, а также памятные доски с именами более чем 2000 жертв русской смуты, замученных за веру, Царя и Отечество

Паства РПЦЗ была разбросана по всему миру. На первом Всезаграничном Соборе Русской Православной Церкви, проведённом в Сремских Карловцах в конце 1921 г., русские православные приходы мира были поделены на «Округа» (Северная Америка, Япония, Китай, Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, Польша, Германия, Франция, Италия, Сербия, Болгария, Турция, Дальний Восток), «Районы» (Швеция, Дания, Нидерланды, Бельгия, Испания, Англия, Швейцария, Чехия, Венгрия, Австрия, Румыния, Палестина, (Александрия), Греция, Бизерта) и «Самостоятельные области, имеющие Епархиальные Управления» (Америка, Япония, Китай, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) [6].

Если в Европе центр Русской Зарубежной Церкви находился в Югославии, то на Дальнем Востоке её опорой была русская паства в Китае, пополнившаяся в ходе Гражданской войны в России сотнями тысяч беженцев, преимущественно казачеством, традиционно придерживавшимся православных и монархических убеждений. В 1922 г. Российским Заграничным Архиерейским Синодом на основе существовавшей ранее Пекинской Духовной Миссии была образована Пекинская и Китайская епархия, одним из первых викариев которой стал епископ Иона (Покровский), духовник Оренбургской казачьей армии, прошедший вместе с нею все испытания перехода из Семиречья в Китай и вынесший с собой чудотворный образ Табынской Божией Матери, который на несколько десятилетий стал одной из главных святынь русской китайской эмиграции. Скончавшийся в 1925 г. святитель Иона стал первым представителем Русской Церкви в эмиграции, прославленным позднее в лике святых (рис. 3).

Рис. 3. Икона святителя русского зарубежья епископа Ионы (Покровского)

Китайская земля стала местом служения ещё одного святого русского зарубежного православия — епископа Шанхайского Иоанна (Максимовича), вступившего на свою кафедру в 1934 г. Ныне святитель Иоанн (Максимович) — один из самых почитаемых святых всего православного русского мира (рис. 4).

Рис. 4. Икона святителя русского зарубежья архиепископа Иоанна (Максимовича)

Глубокие связи духовного преемства русская православная послереволюционная эмиграция пронесла как через годы изгнания, так и через географические широты. Так, благодаря Дальневосточной волне эмиграции святыни и духовный опыт русской «глубинки» — поволжских, уральских и сибирских скитов и монастырей — были перенесены сначала в Китай (западный (Суйдун), восточный и центральный (Харбин, Пекин, Шанхай)), затем в Австралию и, наконец, в Америку, в далёкую Калифорнию. В свою очередь, насельницы русских женских обителей, находившихся у западных границ России под омофором владыки Евлогия (Георгиевского) (епископа Холмского, затем архиепископа Волинского) и имевших просветительский и благотворительный характер, после ряда перемещений оказались в «сердце» Западной Европы — во Франции, перенеся сюда русскую монашескую традицию и основав здесь очаг русского православия.

Особая задача стояла перед русским духовенством, оказавшимся в эмиграции в Центральной Европе: его паствой стала преимущественно русская интеллигенция, ещё недавно в массе своей придерживавшаяся левых взглядов, но после революции, прошедшей под лозунгами атеизма и антиклерикализма, пережившая подлинное религиозное возрождение и нуждавшаяся в воцерковлении. В «воцерковлении» — возвращении к святоотеческой норме — нуждалась и русская религиозная мысль, блестящим результатом деятельности которой стали высшее русское православное учебное заведение — Свято-Сергиевский богословский институт в Париже (рис. 5), русская религиозно-философская и историософская публицистика (журнал «Путь») и пр. Лучшие русские богословы и философы, большей частью насильственно высланные из России в 1922 г., в межвоенной Европе продолжили развитие «ренессанса русской религиозной культуры XX века», начало которому было положено трудами славянофилов и Ф.М.Достоевского, В.С.Соловьёва и его последователей, организовавших петербургские религиозно-философские собрания 1901—1903 гг.

Рис. 5. Духовенство и профессура Свято-Сергиевского Богословского православного института в Париже. 1928 г. В первом ряду слева направо: Г.П.Федотов, А.В.Карташов, о. Сергей Булгаков, митрополит Евлогий (Георгиевский), Н.Н.Глубоковский, архим. Иоанн (Леончуков), С.С.Безобразов, Е.М.Киселевский.

Именно русская православная интеллигенция, объединившаяся под омофором митрополита Евлогия (Георгиевского), в силу присущего ей творческого, миссионерского, просветительского характера, сумела уви-

деть позитивный смысл русского послереволюционного всемирного рассеяния в том, чтобы не только сохранить, но и донести тысячелетний духовный опыт своей страны до других народов и стран. Эпоха расцвета русского богословия и религиозно-философской мысли в эмиграции 1920–1930-х гг. оказала влияние и на развитие богословской мысли иных христианских конфессий в Западной Европе.

В то же время свобода, присущая творческой интеллигенции, требовала особого пастырского подхода к её церковному окормлению. Последовавшее во второй половине 1920-х гг. разделение русской православной паствы в Европе на так называемые карловацкую и евогианскую юрисдикции имело форму внутрицерковного конфликта, однако по сути было следствием необходимости создания оптимальных условий для воцерковления входивших в них общественных и социальных групп.

В межвоенный период продолжилось формирование американского местного православия, начало которому было положено трудами русских миссионеров в конце XVIII столетия и к становлению которого на рубеже XIX–XX вв. много трудов приложил святитель Тихон (Белавин), тогда епископ Алеутский и Североамериканский, а в последствии — Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Канонически не безупречные, внешне политизированные действия митрополита Североамериканского Платона (Рождественского), заявившего о независимости своей церковной структуры как от Карловацкого Синода, так — позднее — и от Московской Патриархии, подспудно обуславливались сознанием специфики развития этого огромного и отдалённого от России региона и необходимости обретения им органического самостоятельного церковного бытия, о чём говорил ещё святитель Тихон и что было каноническим путём осуществлено позднее, в 1970 г.

Присутствие в мире в период между двумя мировыми войнами юрисдикции Русской Православной Церкви — Московского Патриархата, т.е. собственно Русской Церкви-Матери, было неизменно связано с исповедническим подвигом её представителей. На их долю выпало свидетельство миру о том, что Русская Церковь, гонимая на Родине, существует и своим существованием обуславливает легитимность других своих юрисдикций, в том числе тех, которые находились к ней в политической конфронтации. Таких основных центров присутствия в мире Московского Патриархата было два: один в Европе, возглавляемый митрополитом Литовским Елевферием (Богоявленским), экзархом Русской Православной Церкви Московского Патриархата в Западной Европе; другой — на Дальнем Востоке (фактически, в другом полушарии) — в Японии, Православная Церковь которой возглавлялась в межвоенный период преемником равноапостольного архиепископа Николая (Касаткина) митрополитом

Сергием (Тихомировым), окормлявшим одновременно и Корейскую Православную Миссию (рис. 6). Митрополит Сергей Японский фактически поплатился жизнью за свою верность Церкви-Матери, будучи замучен в японских тюрьмах во время Второй мировой войны.

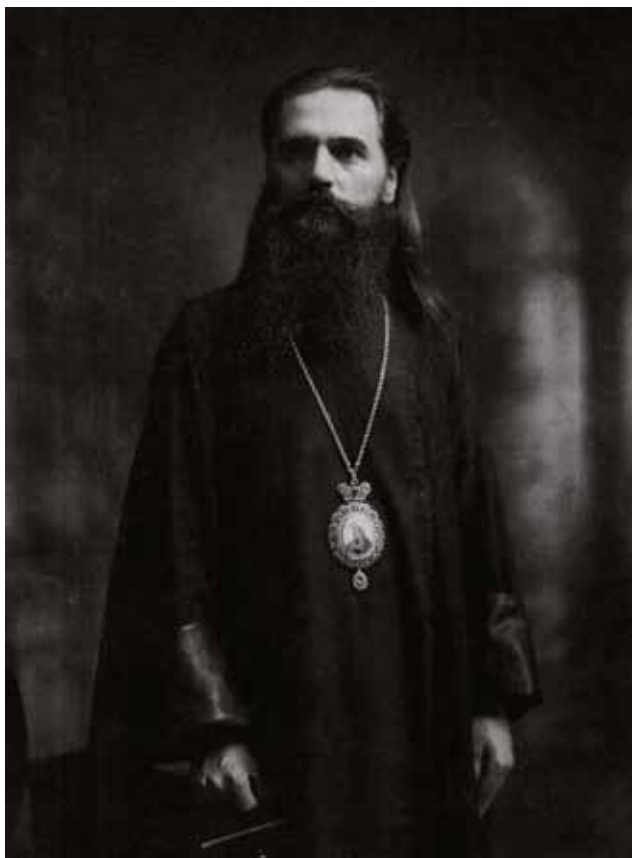

Рис. 6. Епископ (впоследствии митрополит) Токийский и Японский Сергей (Тихомиров) — начальник Русской Духовной Миссии в Японии в 1912–1945 гг.

Особую страницу в истории русского православного зарубежья межвоенного периода представляет жизнь «Русского Афона», т.е. тех русских подвижников, которые населяли русские афонские Свято-Пантелеймонов монастырь, Ильинский и Андреевский скиты, многочисленные русские келли и каливы, юрисдикционно, как и все обители Святой Горы, принадлежащие Константинопольской Патриархии. Несмотря на то, что после революции 1917 г. русские святогорцы лишились какой-либо связи с родиной, её юридической, материальной и человеческой поддержки (прекратились как поступление новых насельников, так и поток паломников из Рос-

сии), тем не менее именно в этот период русский Афон дал православию святых и подвижников общемирового значения, первый из которых — преподобный Силуан Афонский. Несмотря на существовавшие в межвоенный период ограничения допуска новых русских послушников на Святую Гору, афонское монашество пополнилось в 1920–1930 гг. выдающимися представителями русской эмиграции. Благодаря богословским трудам архимандрита Софрония (Сахарова) (рис. 7), архиепископа Василия (Кривошеина), епископа Кассиана (Безобразова), духовное становление которых прошло на Афоне в 1920–1940-е гг., духовный опыт Афона стал более понятен православному миру. Особо строгим аскетическим подвигом подвизались на Каруле иеросхимонах, в прошлом преподаватель Казанской Духовной академии, богослов Феодосий (Харитонов), иеросхимонах, в прошлом полковник, брат Российского императорского посланника в Белграде В.Н.Шtrandтмана, Никон (Шtrandтман) и др.

Рис. 7. Архимандрит Софроний (Сахаров) — ученик и биограф преподобного Силуана Афонского, духовный писатель, русский афонский монах в 1925–1947 гг.

Таким образом, можно констатировать, что весь русский мир в диаспоре в сложнейший политический период мировой и российской истории был охвачен пастырским попечением и духовным окормлением Русской Православной Церкви. С точки зрения собственно церковной истории, русская православная эмиграция 1920–1930 гг. стала колоссальным миссионерским прорывом Русской Православной Церкви, чрезвычайно укрепившим её позиции в мире, причём произошло это именно в то время, когда на родине предпри-

нимались попытки полного церковного истребления. По отношению же к русской истории, русская послереволюционная православная эмиграция в каком-то смысле стала подлинным явлением России миру, несением русской правды, русского сокровенного духовного опыта другим народам и странам.

Ради сохранения в своих границах разнохарактерной эмигрантской паствы Русская Церковь в эмиграции разделилась на несколько юрисдикций, внешне противостоявших друг другу, но в конечном счёте преследовавших общую цель — созидания единого духовного пространства Восточно-Христианской Церкви, крупнейшей частью которого является Церковь Русская. Несомненно, что на протяжении всего периода разделений продолжало существовать духовное единство различных юрисдикций Русской Православной Церкви, обусловленное единством веры и любовью к Отечеству. По прошествии почти 100 лет со времени начала юрисдикционных разделений в русской диаспоре, в свете позднейших общенациональных исторических и церковных событий, среди которых — подписание 17 мая 2007 г. Акта о восстановлении канонического общения Русской Православной Церкви-Матери с Русской Зарубежной Церковью, можно с определённой уверенностью утверждать, что по отношению к процессам, происходившим в послереволюционные десятилетия в русском православном зарубежье, следует употреблять именно термин «разделение», но не «раскол»: Русская Православная Церковь разделилась в целях исторической «икономии», продолжая оставаться единой духовной сущностью.

Примечания

1. Письмо прот. С.Булгакова Н.А.Бердяеву от 25.01 (7.02) 1923 // Братство св. Софии. М.; Р., 2000. С. 179.
2. Письмо прот. С.Булгакова Н.А.Бердяеву от 12/25.V.1923 // Там же. С. 182.
3. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1 // Путь. Орган русской религиозной мысли. Издание религиозно-философской академии в Париже. Кн. I (I–VI). М., 1992.
4. Бунин И. Миссия русской эмиграции // royallib.ru
5. Струве Н.А. К 50-летию со дня смерти Николая Бердяева // Н.Струве. Православие и культура. М., 2000. С. 163.
6. Деяния Русского Всеамериканского Церковного Собора. Сремски Карловцы, 1922. С. 6.

ЭКОНОМИКА

С.В.Соловьёва*

Антиинфляционная направленность денежно-кредитной политики и способы преодоления стагфляции

В статье анализируются особенности антиинфляционной политики ЦБ РФ и современное состояние российской экономики. Критически осмыслены результаты осуществлённой в стране либеральной реформы. Выявлены внешние и внутренние причины уязвимости российской экономики в условиях глобализации. Сформулированы предложения по кардинальному улучшению экономической ситуации: смена экономической парадигмы посредством перехода от либеральной модели свободного рынка и борьбы с инфляцией любыми методами к модели сбалансированного экономического роста с помощью скоординированных действий государства, банковской системы и реального сектора; оптимизация налогово-бюджетной политики с ориентацией на развитие несырьевых отраслей экономики и стимулирование бизнеса; смягчение денежно-кредитной политики путём повышения доступности кредитов реальному сектору.

Сегодня перед Россией стоит очень важная двоякая задача: с одной стороны, в условиях глобализации необходимо интегрироваться в мировую экономическую (и финансовую) систему, с другой стороны, важно сохранить собственную независимость — национальную, экономическую, финансовую, культурную. События последних лет показали, насколько уязвима российская экономика в условиях глобализации. Начиная с 2010 г. все макроэкономические показатели демонстрируют снижающуюся динамику по отношению к предыдущему периоду, за исключением производства сельскохозяйственной продукции. В 2013 г. темп роста ВВП составил 1,3% (для сравнения: в Китае — 7,7%, в Индии — 4,9%), промышленного производства — 0,4%, инвестиции в основной капитал сократились на 0,2% [3, с. 41–42]. Наиболее сильное снижение темпов роста в 2013 г. произошло в машиностроении, представляющем высоко- и среднетехнологичные виды производств. И на фоне этого падения одновременно отмечалось снижение расходов федерального бюджета на его поддержку, особен-

* **Соловьёва Светлана Викторовна** — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем рынка РАН, руководитель проекта «Особенности российской инфляции и способы её регулирования» (13-02-00193а).

но ощутимое для транспортного машиностроения [17]. Сыграли свою отрицательную роль резкое замедление внутреннего спроса и дефицит экспортных заказов.

В январе 2014 г. на 10,6% уменьшилась, по сравнению с прошлым годом, сальдированная доналоговая прибыль крупных и средних предприятий. В сфере добычи она составила 239,8 млрд руб. (рост на 63,9% к январю 2013 г.), в обрабатывающих производствах — минус 26,5 млрд руб. (падение на 78,8%), в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств — 153,3 млрд руб. (рост на 4,7%) [14].

Причины уязвимости российской экономики могут быть внешние и внутренние. Наиболее значимые внешние причины:

1. Западные санкции: запрет на получение российскими компаниями финансирования на западных рынках, на импорт технологий и товаров, отказ от приобретения российских ценных бумаг.

2. Сокращение внешних инвестиций, главным образом прямых.

3. Недружественная политика международных платёжных систем, отключение российских банков от системы SWIFT.

4. Диверсификация европейского газового рынка и намерение США стать основным экспортёром газа.

По мнению некоторых учёных, последствия введённых санкций могут, при определённых условиях, сыграть положительную роль в форме вынужденного стимулирования развития российской экономики и перехода от внешнего финансирования к внутреннему. Многие эксперты считают, что при положительном сальдо платёжного баланса стране вообще не нужны иностранные кредиты.

На наш взгляд, решающее влияние на самочувствие российской экономики оказывают, главным образом, внутренние причины, а именно:

1. Последствия проведённых либеральных реформ.

2. Диспропорция во взаимодействии финансового и производственного секторов.

3. Сокращение присутствия государства в экономике, отсутствие стратегического планирования на макроуровне, чётких ориентиров роста и их финансового обеспечения.

4. Зависимость российской экономики от экспорта углеводородов, импорта технологий и товаров народного потребления: нефть и газ составляют 75% экспорта и 50% дохода бюджета; по некоторым оценкам, импорт лекарств в нашу страну составляет 80%, продовольствия от 40 до 75% (по разным группам), по станкам — более 80%.

5. Незрелость национальной финансовой системы, отсутствие собственной платёжной системы. В апреле 2014 г. Президент подписал Фе-

деральный закон № 112-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “О национальной платёжной системе”» и отдельные законодательные акты Российской Федерации. Примером для России может служить китайская платёжная система China Union Pay (CUP), обладающая исключительным правом на обработку транзакций в национальной валюте и осуществляющая активную международную экспансию.

6. Резкое сокращение внутренних инвестиций в основной капитал из-за отсутствия механизма трансформации резервов и сбережений в долгосрочные инвестиционные ресурсы. Индексы физического объёма инвестиций в основной капитал в % к предыдущему году составили: 2008 г. — 109,9; 2009 г. — 84,3; 2010 г. — 106,0; 2011 г. — 108,3 [3, с. 477]. Усилился отток капитала (за 2013 г. он составил 61 млрд долл., за I полугодие 2014 г. — 72,3 млрд долл.) [2, с. 17].

7. Антиинфляционная политика ЦБ РФ как тормоз экономического роста. На наш взгляд, политика ЦБ РФ не соответствует его роли мегарегулятора экономических процессов, так как его главная задача сужена до борьбы с инфляцией. Реальный сектор экономики испытывает постоянный финансовый голод из-за отсутствия системы рефинансирования коммерческих банков и высоких процентных ставок, притягивающих на российские фондовые рынки спекулятивный иностранный капитал. В результате вынужденного кредитования предприятий за рубежом рос объём внешнего долга России, за который она ежегодно платит огромные проценты. По состоянию на 1 июля 2014 г. внешний долг нашей страны в национальной и иностранной валютах составил 31204 млн долл. [2, с. 19]. Некоторые эксперты характеризуют неадекватную политику ЦБ РФ как преступление [20].

На 1 октября 2014 г. зарегистрировано 1056 кредитных организаций, удельный вес банков с уставным капиталом от 10 млрд руб. и выше составлял 3,1%, а общий капитал российской банковской системы равен или даже меньше капитала одного крупного западного банка [2, с. 109].

Центральный Банк РФ действует на основе Федерального Закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» (Банке России) с изменениями и дополнениями [10]. По мнению некоторых специалистов [9], Закон о ЦБ полон противоречий: «формально являясь федеральной собственностью, ЦБ, тем не менее, не несёт каких-либо обязательств по отношению к государству». Статья 1 Закона гласит: «Функции и полномочия, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом, Банк России осуществляет независимо от других федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления».

Для конкретизации независимости ЦБ РФ от государства в Законе предусмотрены три статьи. Статья 2 — «...Банк России осуществляет полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом Банка России, включая золотовалютные резервы Банка России. Изъятие и обременение обязательствами указанного имущества без согласия Банка России не допускаются, если иное не предусмотрено федеральным законом». Из этого следует, что государство не может самостоятельно распоряжаться золотовалютными резервами без одобрения ЦБ РФ. Статья 22 — «Банк России не вправе предоставлять кредиты Правительству Российской Федерации для финансирования дефицита федерального бюджета, покупать государственные ценные бумаги при их первичном размещении, за исключением тех случаев, когда это предусматривается федеральным законом о федеральном бюджете. Банк России не вправе предоставлять кредиты для финансирования дефицитов бюджетов государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов».

Не имея права кредитовать дефицит бюджета собственной страны, ЦБ РФ может покупать государственные облигации других стран, главным образом США, тем самым кредитует чужую экономику. ЦБ РФ в соответствии с Законом (статья 4, пункт 3) является «кредитором последней инстанции для кредитных организаций, организует систему их рефинансирования». По цепочке «ЦБ РФ — коммерческие банки — реальный сектор экономики» кредиты попадают к их конечному «потребителю» — предприятиям и корпорациям. Так должно быть. Но как на самом деле?

Анализ Баланса ЦБ РФ за ряд лет (с 2006 по 2013 г.) приводит к следующим выводам. Большая часть активов Баланса, представленная средствами, размещёнными у нерезидентов, и ценными бумагами иностранных эмитентов, депонируется на зарубежных счетах: на 1 октября 2014 г. эти средства составили 62,4%, а кредиты и депозиты, формирующие внутренний спрос, почти втрое меньше — 24,3% [2, с. 65]. Стремление создавать и приумножать финансовые резервы, которые должны служить страховкой в случае наступления кризиса, является частью либеральной доктрины, когда предпочтительнее резервировать в зарубежных банках, чем тратить на развитие собственной экономики. Как известно, развитые страны поступают прямо наоборот. Например, США вместо формирования резервов осуществляют политику «количественного смягчения».

Процентная политика в России, вопреки ожиданиям экономических субъектов, остаётся неизменной: ставка рефинансирования и процентные ставки настолько высоки, что не позволяют развиваться кредитованию реального сектора экономики. По мнению французского экономиста Жака

Сапира, «фактические процентные ставки по кредитам держатся на крайне высоком уровне, их даже можно назвать карательными. Необходимо оздоровление фискальной политики, а кредитно-денежная политика, по крайней мере в части процентных ставок, должна согласовываться с фискальной» [5].

С 13 сентября 2013 г. была введена ключевая ставка Банка России — процентная ставка по операциям предоставления ликвидности и абсорбирования ликвидности на аукционной основе. Она является основным индикатором направленности денежно-кредитной политики. На 5 ноября 2014 г. она составляла 9,50% [2, с. 66]. Средневзвешенные процентные ставки по рублёвым кредитам, предоставленным кредитными организациями, в августе 2014 г. составили: физическим лицам в рублях со сроком погашения до 30 дней — 29,51%, свыше одного года — 17,39% [2, с. 127]; нефинансовым организациям — 9,29% и 11,83% соответственно [2, с. 130].

Дороговизна заёмных средств обуславливает их недоступность для предприятий реального сектора экономики, характеризующихся низкой рентабельностью. Россия — единственная страна, где после кризиса 2008—2009 гг. выросла стоимость кредитов. По мнению некоторых экспертов, «ЦБ не удалось сформировать мощный пласт длинных денег на основе механизмов взаимодействия с Минфином, как в ведущих экономиках мира, где именно центральный банк формирует масштабные и длинные (до сорока лет) денежные ресурсы, составляющие основу финансовой системы» [6].

Одним из основных инструментов денежно-кредитной политики ЦБ РФ, используемых для регулирования общей ликвидности банковской системы, являются обязательные резервы (резервные требования) в форме процентного норматива депозитных обязательств, который коммерческие банки должны хранить либо на счетах ЦБ РФ, либо в собственном хранилище. В то время как во многих развитых странах обязательные резервы или невелики (Евросоюз — 2%, США — 1,25%, Великобритания — 0,45%), либо не начисляются вообще, в России их величина — в качестве антиинфляционной меры — постоянно растёт.

8. Невостребованность властями разработок и предложений ведущих российских учёных-экономистов [21].

По мнению Н.Я.Петракова, одним из слабых мест монетаристов является «абсолютизация денежно-ценовой формы экономических процессов, полное игнорирование органической связи между денежными и материально-вещественными потоками при функционировании единого экономического организма. Поэтому и инфляция у монетаристов объясняется крайне упрощённо» [8]. Вопросами согласования натурально-вещественных и цен-

ностных детализированных плановых пропорций занимались в 1970-е — 1980-е гг. учёные ЦЭМИ [1]. Либеральная реформа, начавшаяся в 90-е гг., базируется на ограничении денежного предложения экономике путём стерилизации доходов и сокращения бюджетных расходов. Провозглашена главная задача реформаторов — борьба с инфляцией. «Инфляция наряду с “сырьевым проклятием” и недоразвитостью институтов образуют, по мнению либералов, “ось зла” российской экономики, которой объявляется война на уничтожение. Загадочным образом назначается порог инфляции в 5% годовых, по достижении которого начнутся макроэкономические чудеса — в экономике появятся длинные деньги, посыплются вниз процентные ставки по кредитам, сами собой активизируются частные инвестиции. Ради таких чудес можно и нужно пойти на жертвы» [7].

Тотальная либерализация цен, проведённая без всякой подготовки, и дезорганизация денежного обращения привели к серьёзным проблемам в платежах и демонетизации экономики, а сокращение денежной массы явилось причиной исчезновения «длинных денег» и, в конечном счёте, спада экономического роста. Тезис монетаристов о прямой зависимости между объёмом денежной массы и уровнем цен отрицает возможность роста цен под влиянием неэмиссионных факторов, однако в России инфляция носит, главным образом, немонетарный, структурный характер. «В то время как ведущие страны мира за последнее пятилетие утроили объём денежной эмиссии, кратно удешевили и удлин timer кредитные ресурсы в целях поддержки посткризисного оживления и обновления экономики, Банк России продолжает проводить ограничительную денежную политику» [4].

Отмечена прямопропорциональная зависимость экономического роста от бюджетных расходов. В 2010 г. в США начали проводить политику финансового смягчения для стимулирования экономики. Доля расходов бюджета к ВВП в США составила 42,7%, в Японии — 39,5%, в Великобритании — 42,3%, в Германии — 43,7%, во Франции — 52,7%, в Швеции — 53%. Во всех этих странах очень низкая инфляция. Страны типа Нигерии с высокой инфляцией имеют незначительную долю бюджетных расходов к ВВП — 11% [7].

В России расходы федерального бюджета к ВВП составили 16% в 2006 г. и 20,6% — в 2012 г., в разгар кризиса в 2009 г. они выросли до 24,7% за счёт экстренных финансовых вливаний для спасения экономики. Вследствие того, что временно заработала система рефинансирования коммерческих банков, выросло кредитование экономики. Индекс потребительских цен (ИПЦ — декабрь к декабрю предыдущего года) был максимальным в 2008 г. — 113,3% и в 2009 г. — 108,8%, что логично в разгар кризиса. Денежная масса M2 на конец 2008 г. выросла всего на 0,8%,

в 2009 г. — на 17,6%. В 2010 г. и 2011 г., когда кризис пошёл на спад, бюджетные расходы к ВВП остались высокими — 22,4% и 19,6%, а ИПЦ снизился до 108,8% и 106,1% соответственно [3, с. 35–36]. Динамика реального объёма ВВП в период с 2010 г. по 2013 г. адекватна расходам федерального бюджета к ВВП. Денежная масса в 2013 г. выросла, по сравнению с 2007 г., в 2,4 раза, а инфляция в III квартале составила 0,2%. Отсюда вывод: ни увеличение денежной массы, ни рост бюджетных расходов не приводят однозначно к росту инфляции.

В течение последних 23 лет в России происходило разрушение созданного за предыдущие десятилетия экономического потенциала. Экономическая наука пытается осмыслить причины и результаты проведённых в стране либеральных реформ. В частности, академик А.Некипелов, опираясь на опыт России и других стран, пришёл к выводу, что прямой зависимости между приватизацией и повышением эффективности производства не существует [11]. Яркий пример — неудачная реформа РАО ЕЭС. После кризиса 2008–2009 гг. стали ощутимо сказываться последствия колоссального недофинансирования российской экономики в 1990-е гг. и отсутствие незагруженных мощностей. Академик считает, что необходим перелом в экономическом развитии страны. И возможности для этого имеются. В стране достаточно высокая норма сбережений и низкая норма инвестирования, разница между ними может быть использована для финансирования реального сектора.

В мире продолжается поиск новой экономической модели. По замечанию О.Богомолова, раньше немислимо было представить, чтобы газета The Financial Times писала о мировом кризисе капитализма, а ООН и её структуры в своих докладах утверждали, что рыночный фундаментализм позорно провалился [12]. Несмотря на всеобщую критику свободного рынка, Россия продолжает исповедовать его принципы. За годы реформ из страны утекли огромные деньги — от 2 до 3 трлн долл., уехало большое число высококлассных специалистов. По данным опросов Института социологии РАН, подавляющее большинство населения России выступает за модель с социальной ориентацией экономики и регулирующей ролью государства во многих областях жизни общества. Экономика должна служить людям [12]!

Однако главные экономические субъекты — Минэкономразвития и Минфин никак не могут прийти к единому решению. В апреле 2014 г. МЭР представил обновлённый среднесрочный макропрогноз: экономика в 2014 г. вырастет только на 0,5% вместо 2,5%, инвестиции упадут на 1,9%, промышленное производство покажет 1% роста, инфляция вырастет до 6%. В другом, базовом, макропрогнозе содержатся более оптимистические показатели, для достижения которых следует смягчить бюджетное

правило, увеличив бюджетный дефицит до 1,5% (вместо 1%). В Минфине иное мнение: жёсткий бюджетный дефицит и ограничение расходов. Цель всё та же — борьба с инфляцией. По мнению банкиров, единственный способ поддержать инвестиционную активность — увеличить инвестиции госсектора. При этом государству придётся взять на себя роль безоговорочного лидера инвестиций [15]. Среди вариантов стимулирования экономического роста представители бизнеса предлагают провести налоговую оптимизацию: установить ставку 15% по НДС (для тех, чьи доходы превышают 300 тыс. руб. в месяц, сейчас ставка составляет 13%), 15% по налогу на прибыль (сейчас 20%) и 15% для всех страховых взносов (сейчас 30%) [16].

В конце 2014 г. ситуация в экономике России резко обострилась, наступил период стагнации, когда спад экономического роста сопровождается ростом инфляции и сокращением доходов населения. Серьёзные экономические трудности испытывают все нефтедобывающие страны в связи с падением цен на нефть, но российская валюта пострадала больше других, её ослабление происходит синхронно с падением нефтяных цен. Рубль рухнул во многом из-за непоследовательной политики ЦБ РФ, который в ноябре 2014 г. фактически отпустил рубль в свободное плавание, ограничив дневные интервенции суммой в 350 млн долл. Валютная паника привела к росту инфляции, которая в годовом выражении впервые с 2009 г. стала двухзначной — 10,5%. В ночь на 23 декабря 2014 г. ЦБ РФ поднял ключевую ставку до 17%, но это не остановило падение рубля, зато остановило потребительское кредитование и привело к массовому бегству вкладчиков. По данным ЦБ РФ, за неделю наличных денег в обращении стало больше на 740 млрд руб., а всего с начала декабря — на 1 трлн рублей. В связи с ростом ключевой ставки стоимость корпоративных кредитов выросла до 25–30%, что обуславливает рост налоговой нагрузки. После некоторой стабилизации продолжается падение рубля. На первом валютном аукционе РЕПО из-за боязни госбанков потерять свои средства из 10 млрд долл. не было взято ни одного процента. Главные причины создавшейся критической ситуации в экономике России — слабое развитие экономики (предполагается, что с 2015 г. рост уйдёт в минус) и неадекватная денежно-кредитная политика, игнорирующая проблемы экономики и провозгласившая главной задачей борьбу с немонетарной инфляцией монетарными методами.

Исходя из вышеизложенного и на основе изучения российского и зарубежного опыта предлагаем принять следующие меры для кардинального улучшения экономической ситуации в стране.

1. Смена экономической парадигмы. Необходимо, на наш взгляд, перейти от либеральной модели свободного рынка и борьбы с инфляцией к модели сбалансированного экономического роста с помощью скоордини-

рованных действий государства, банковской системы и реального сектора. Должна быть усилена роль государства в стратегическом планировании с указанием чётких ориентиров роста и реализации намеченных целей. Для активизации инвестиционной деятельности целесообразно наращивать государственные инвестиции (расходы), российский бизнес в условиях западных санкций нуждается в поддержке государства.

2. Оптимизация налогово-бюджетной политики с ориентацией на развитие несырьевых отраслей экономики [22]. Большая часть добавочной стоимости должна создаваться в России, поэтому развивать российскую экономику необходимо на собственные деньги, не рассчитывая исключительно на внешние источники фондирования, обладающие высокой степенью волатильности. Опираясь на внутренние источники развития и управляя финансовыми и денежными потоками, государство может минимизировать внешнее воздействие на внутренние экономические процессы. Необходимо перейти к формированию денежной базы не на основе валютных поступлений, как это происходит сейчас, а за счёт внутренних эмиссионно-бюджетных компонентов. «И сегодня денежные власти США, Японии и других развитых стран, контролируя формирование денежной базы экономики, опираются на внутренние, эмиссионно-бюджетные рычаги. Это позволяет им проводить автономную экономическую политику в соответствии с их национальными интересами» [18].

3. На наш взгляд, назрела необходимость смягчить денежно-кредитную политику и расширить функции ЦБ РФ: от активного рефинансирования коммерческих банков (в автоматическом режиме) до обеспечения устойчивости банковской системы. Для повышения доступности кредитов реальному сектору экономики необходимо последовательно снижать базовую ставку рефинансирования и проценты по кредитам. По мнению С.Ю.Глазьева, правительство может прибегнуть к внутреннему займу под произвольный процент, деньги для которого будут эмитированы Центральным банком в порядке рефинансирования коммерческих банков под залог государственных обязательств, как это делается США, Англией, ЕС и Японией [4].

Очень важно развивать рефинансирование под инфраструктурные проекты, которые во всем мире возводятся за счёт государства. Так как в результате санкций российские компании постепенно перейдут на обслуживание в отечественные банки, «задача ЦБ РФ, институтов развития и кредитных организаций — не упустить момент, отвлечься от инфляции и недопустимости дефицитов бюджета и всё-таки запустить процесс трансформации денег в инвестиции» [19].

В связи с этим требуется стимулирующая процентная политика, направленная на удешевление ресурсов для реального сектора экономики. Необходи-

димо создать суверенную национальную финансовую систему и повысить роль фондового рынка в качестве инструмента эффективного перемещения капитала и финансирования реальной экономики. «Объективно при правильной политике государства и хорошей предпринимательской активности российская экономика может расти в среднесрочной перспективе темпом 6–8% в год с ежегодным наращиванием инвестиций на 15%, в том числе в приоритетных направлениях роста нового технологического уклада — на 35–50%. Это обеспечивает своевременное достижение целей, поставленных президентом в известных указах от 7 мая прошлого года» [4].

По мнению западного учёного Жака Сапира, «в общем и целом России нужна новая кредитно-денежная политика. Та, которая обеспечит общее экономическое развитие страны... Однако для принятия подобной политики ЦБ РФ должен прежде всего прекратить свою необдуманную политику борьбы с инфляцией. Она нигде не показала свою эффективность, а в России уже продемонстрировала вред» [5].

По нашему мнению, новая кредитно-денежная политика будет эффективно работать при условии проведения радикальных структурных преобразований, способных возродить промышленное производство и придать ему необходимое ускорение.

Литература

1. Анцышкин С.В. и др. Некоторые проблемы согласования натурально-вещественного и стоимостного аспектов планирования. Препринт. М., 1977.
2. Статистический бюллетень Банка России. № 10. М., 2014.
3. Россия в цифрах. 2012: Краткий статистический сборник. Росстат. М., 2012.
4. Глазьев С.Ю. Непростительные иллюзии // Эксперт. № 50. 16–22 декабря 2013
5. Жак Сапир. Кредиты: рычаг или пузырь? // Эксперт. № 37. 16–22 сентября 2013.
6. Ивантер А. Тяжёлая эстафетная палочка // Эксперт. № 25. 24–30 июня 2013.
7. Ивантер А.и др. Консенсус не достигнут // Эксперт. № 25. 24–30 июня 2013.
8. Петраков Н.Я. Избранное: В 2 т. М.; СПб., 2012.
9. Стариков Н. Национализация рубля. Путь к свободе России. Питер, 2013.
10. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации». <http://base.garant.ru/12127405>.
11. Некипелов А. Интересы и ресурсы // Литературная газета. №10. 12–18 марта 2014.
12. Богомолов О. Мораль в плане выгоды // Литературная газета. № 17. 30 апреля — 6 мая 2014.

13. Россия в цифрах. 2014: Краткий статистический сборник. М.: Статистика России, 2014.
14. Журавлёв С. Ликвидность снялась с якоря // Эксперт. № 17. 21–27 апреля 2014. С. 39.
15. Яковенко Д. Тратить ради роста // Эксперт. № 16. 14–20 апреля 2014. С. 69.
16. Обухова Е. Пауза затянулась // Эксперт. № 20. 12–18 мая 2014. С. 50–52.
17. Солнцев О. и др. В плену старой парадигмы // Эксперт. № 13. 13–19 января 2014, С. 30–33.
18. Львов Д.С. Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России: Научный доклад на президиуме РАН 24 декабря 2002 г. М., 2003. С. 50.
19. Огородников Е. Как руда зависит от процента // Эксперт. № 38. 15–21 сентября 2014. С. 43–46.
20. Глазьев С. Ошибки, которые хуже, чем преступление // Эксперт. № 44. 27 октября – 2 ноября 2014. С. 52–55.
21. Соловьёва С.В. Российский вариант финансово-экономического кризиса и некоторые теоретические разработки учёных-экономистов // Теория и практика институциональных преобразований в России: Сборник научных трудов. Вып. 18. М.: ЦЭМИ РАН, 2010.
22. Сайфиева С.Н. Налоговая нагрузка на российскую экономику: макроэкономический анализ. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

О.И.Маликова, И.Ю.Ховавко*

Изменения цен на нефть на мировом рынке: риски и возможности для российской экономики

Изменения цен на энергоносители на мировом энергетическом рынке

в последние десятилетия оказывали значительное, подчас определяющее влияние на траекторию экономического развития России. В статье рассматривается эволюция ценообразования на нефть в последние годы XX в. и в текущем десятилетии. Оцениваются факторы, способствовавшие резкому снижению цен на нефть в 2014 г. Рассматриваются возможные варианты развития экономической ситуации и направления поддержки производства в условиях снижения цен на нефть.

Ситуация, складывавшаяся в 2014 г., заметно обострила проблему трансформации системы ценообразования на мировом энергетическом рынке и выдвинула на первый план вопрос о влиянии изменений в ценообразовании на энергетических рынках на экономическую ситуацию в Российской Федерации. В течение 2014 г. произошло почти 50-процентное снижение цен на нефть (рис. 1). Значительно ослабла национальная валюта. Многие изменения носят фундаментальный характер. Сегодня можно говорить о формировании предпосылок для наступления нового и достаточно долговременного цикла в развитии мирового топливно-энергетического комплекса, связанного с расширением предложения энергоносителей и снижением цен.

Для изменения цен на нефть имелись фундаментальные предпосылки. Рынки сырьевых товаров относятся к числу типичных циклических рынков: периоды высоких цен перемежаются с годами, когда цены в течение длительного времени удерживаются на относительно невысоком уровне. В современной истории было два периода исключительно высоких цен на нефть — 1973–1985 гг. и 2000–2014 гг. (рис. 2).

* **Маликова Ольга Игоревна** — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, руководитель проекта «Эволюция системы ценообразования на мировом энергетическом рынке: экономические последствия для России» (14-02-00355а).

Ховавко Ирина Юрьевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экономических методов управления природопользованием экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, исполнитель того же проекта.

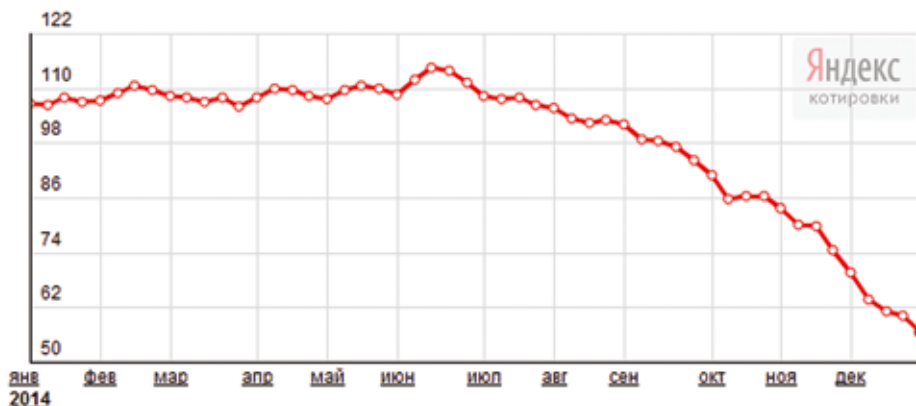

Рис. 1. Динамика цен на нефть Brent (ICE.Brent), USD/баррель в 2014 г.
Источник: Данные инвестиционного холдинга ФИНАМ, компании Яндекс. — <http://news.yandex.ru/quotes/1006.html>

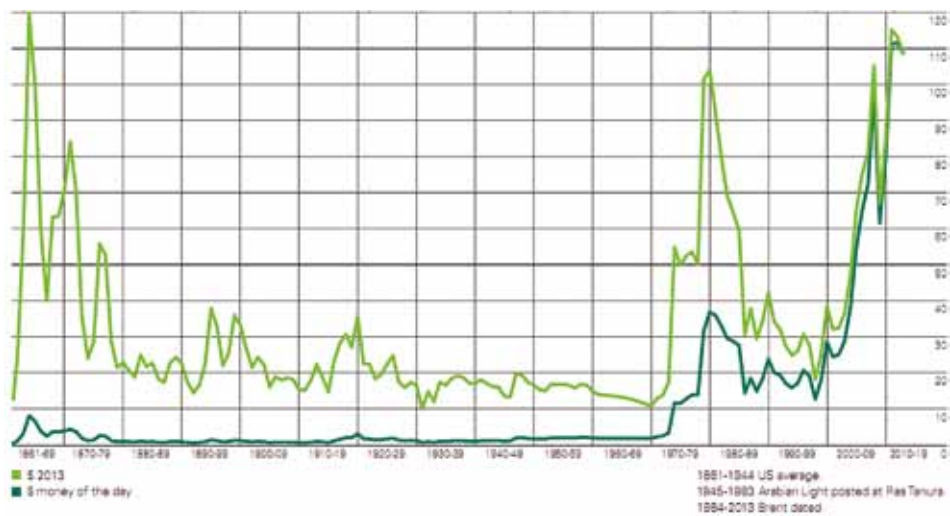

Рис. 2. Динамика цен на нефть — 1860—2014 гг.
Источник: BP Statistical Review of World Energy. June 2014. P. 15

Рост цен на нефть в начале 1970-х гг. был обусловлен рядом факторов. Во-первых, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. происходили изменения в мировом топливно-энергетическом балансе. На смену углю как основному энергоносителю пришла нефть. В этих условиях спрос на нефть рос стабильными темпами, а в силу жёсткой привязки технологий к потреблению определённого, строго фиксированного количества энергоносителей спрос имел очень невысокую эластичность в зависимости от цены — даже при заметном повышении цен на

нефть резкого сокращения спроса не происходило. Во-вторых, многократному росту цен на нефть (в течение нескольких месяцев 1973—1974 гг. цена на нефть увеличилась с 2,5 долл./баррель до 11 долл./баррель) способствовала политика стран, входивших в ОПЕК. В конце 1960-х гг. по арабским странам прокатилась волна национализации активов крупных транснациональных компаний. Одновременно разрушалась система традиционных концессионных соглашений в сфере недропользования, и у государств, входивших в ОПЕК, появились реальные рычаги влияния на рынок нефти. Импульсом для формирования согласованной политики по ограничению поставок нефти в европейские страны и США стала «война Судного дня» — военный конфликт между Сирией, Египтом и Израилем, начавшийся 6 октября 1973 г. во время иудейского праздника Йом-Кипур.

Высокие цены на нефть продержались почти десятилетие — с 1973 по 1985 г. Резкое увеличение цен на нефть способствовало всплеску интереса к внедрению энергосберегающих технологий: за десятилетие — с середины 1970-х гг. по начало 1980-х гг. — абсолютное потребление электроэнергии в европейских странах сократилось почти на 20%. Одновременно на мировом рынке появились новые крупные поставщики нефти и газа, прежде всего Норвегия и Советский Союз.

Рост цен на нефть и последовавшее за этим десятилетие исключительно высоких цен на энергоносители оказали совершенно разное влияние на разные группы государств. Арабские страны, имевшие возможность получать огромную нефтяную ренту, не внося больших инвестиций в развитие нефтедобычи, смогли развить национальные экономики: большие капиталовложения были сделаны в социальный сектор и отрасли, смежные с нефтедобычей; были осуществлены значительные портфельные инвестиции в страны Западной Европы.

Для европейских стран «нефтяной шок» протекал крайне тяжело. Энергетический кризис по времени совпал с обычным промышленным кризисом 1973—1974 гг. и сопровождался снижением объёмов производства, жесточайшей экономией энергетических ресурсов. Однако влияние энергетического кризиса на экономики европейских стран было не однозначным. Вступив в кризис 1973 г. с промышленной структурой, характерной для индустриального общества, европейские страны вышли из кризиса «на половине пути к постиндустриальной экономике». Вторая половина 1970-х гг. стала для европейских стран временем массовой структурной перестройки экономик. Инвестиции из материалоёмких отраслей стали выводиться в высокотехнологичные сферы промышленности, не привязанные жёстко к использованию больших объёмов сырья. Ускоренное развитие получили электроника, высокотехнологичное машиностроение, фармацевтика, финансовый сектор, сфера услуг.

Иное влияние кризис оказал на Советский Союз. Повышение цен на нефть сделало экономически рентабельной разработку северных месторождений. В середине 1970-х гг. огромные инвестиции были направлены на развитие крупных месторождений нефти и газа, открытых в Западной Сибири в 60-е гг. XX в. В результате успешной реализации проектов по освоению северных месторождений, а также роста экспорта нефти и газа в Западную и Восточную Европу, СССР вошёл в число стран — крупных экспортёров энергоносителей на мировой рынок. Примерно в течение десятилетия страна могла получать значительные доходы от экспорта углеводородов.

Вместе с тем, возможно, именно середина 1970-х гг. и оказалось той развилкой, которая стала всё дальше разделять экономическое развитие Советского Союза и европейских стран. После резкого повышения цен на энергоносители страны Европы перестроили свои национальные экономики в направлении снижения энерго- и материалоёмкости, стали развивать высокотехнологичные производства. В СССР, в условиях стремительного роста цен на нефть, приоритетное развитие стал приобретать добывающий сектор. Несмотря на то, что в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в стране осуществлялись значительные инвестиции в развитие машиностроения, химической и лёгкой промышленности, в силу возникшего отставания и отсутствия конкуренции в обрабатывающем секторе СССР стал постепенно терять позиции в высокотехнологичной сфере.

В середине 1980-х гг. цены на нефть на мировом рынке резко снизились. Падению цен способствовали сокращение удельных объемов потребления энергоносителей, изменение характера спроса, ставшего более эластичным в зависимости от изменения цен, заметное расширение предложения нефти благодаря появлению новых стран — экспортёров нефти и расширению поставок энергоносителей на мировой рынок. Резкое снижение цен на нефть на мировом рынке по времени совпало с началом перестройки в Советском Союзе и последовавшим распадом СССР. В условиях резкого снижения цен на нефть страна столкнулась с большими трудностями по обеспечению своих финансовых обязательств.

Низкие цены на нефть продержались почти десятилетие — с 1986 по 1999 г. Для нефтедобывающей промышленности это были годы недофинансирования крупных нефтяных проектов и весьма умеренного прироста добычи нефти.

Следующий виток роста цен на нефть пришёлся на начало 2000-х гг. Рост цен на нефть в то время был обусловлен как увеличением спроса на энергоносители со стороны быстро растущих новых индустриальных стран,

так и превращением нефти в биржевой товар и возрастающим влиянием на цены на нефть финансовых спекулянтов, рассматривавших нефть как исключительно привлекательный актив.

С текущего года наблюдается снижение цен на нефть. Нынешнее снижение цен на нефть обусловлено комплексом факторов:

— заметным расширением предложения энергоносителей на мировом рынке;

— замедлением темпов роста экономик стран-лидеров. Снижение темпов экономического роста наблюдалось как в еврозоне, так и в Китае, превратившемся в последние годы в одного из крупнейших потребителей энергоносителей в мире;

— повышением энергоэффективности экономик развитых стран и успехами в развитии альтернативной энергетики.

Результаты исследования показывают, что наиболее ощутимое влияние на изменения на мировом энергетическом рынке оказала «сланцевая революция». Она стала весьма неожиданным событием для мирового энергетического рынка. Ещё 15 лет назад ни в одном из прогнозов развития мирового энергетического рынка добыча углеводородов из сланцев не рассматривалась в качестве существенного источника пополнения запасов. Тем не менее, с середины прошлого десятилетия США сумели резко нарастить объёмы добычи газа из сланцев. В 2009 г. по совокупному объёму добытого газа США обогнали Россию. Почти треть прироста объёмов добычи газа приходится на сланцы.

Затем аналогичные события стали развиваться и на рынке нефти. Когда на рынке газа в США стало наблюдаться перепроизводство и буровым компаниям нужно было находить новые виды работ, стало очевидно, что технология добычи газа из сланцев носит универсальный характер и аналогичным образом может добываться сланцевая нефть. В результате следующий этап сланцевой революции был связан в США с расширением объёмов добычи нефти. Стране удалось переломить многолетнюю тенденцию падения объёмов добычи нефти, проявившуюся ещё в начале 70-х годов XX в., и к середине текущего десятилетия начать практически полностью обеспечивать себя нефтью и газом. По объёму добычи углеводородов ко второму кварталу 2014 г. США смогли стать крупнейшим производителем нефти, газового конденсата и нетрадиционной нефти. По этому показателю они обошли как Россию, так и Саудовскую Аравию. В первом полугодии США производили более 11,5 млн баррелей нефти, конденсата и нетрадиционной нефти, Саудовская Аравия добывала немногим менее 11,5 млн баррелей нефти, конденсата и нетрадиционной нефти, а Россия — около 11 млн баррелей нефти и конденсата [9].

Важно отметить, что «сланцевая революция», по сути, стала триумфом новых технологий в сфере нефтегазодобычи. Именно применение технологических инноваций — комбинации двух ранее известных технологий (горизонтального бурения и множественного гидроразрыва пласта) сделало возможной экономически рентабельную добычу углеводородов из сланцев. Применение кустового бурения позволило существенно продлить срок службы новых скважин. Сланцевая революция наглядно показала, что именно наличие современных технологий является необходимым условием для обеспечения прочных лидирующих позиций на мировом нефтегазовом рынке.

Следует отметить, что почти параллельно со «сланцевой революцией» на мировом нефтегазовом рынке произошла целая серия событий, существенно осложнивших позиции Российской Федерации как экспортёра энергоносителей. Самые заметные изменения наблюдались на рынке газа. В своём развитии рынок газа во многом повторяет события, происходящие на рынке нефти. Так, ещё в конце XX в. произошло формирование глобального рынка нефти, а в последние годы мы наблюдаем постепенный процесс глобализации газового рынка, формирование единого мирового рынка газа.

Предпосылки для формирования глобального газового рынка были созданы новыми технологиями, связанными с производством сжиженного природного газа (СПГ). При поставках газа по магистральным газопроводам существует достаточно жёсткая привязка потребителей к конкретному поставщику газа. В рамках такой схемы отношения между потребителями и поставщиками традиционно складывались в виде системы долгосрочных экспортных газовых контрактов, предполагавших фиксированный объём поставок газа на 15—25 лет, соблюдение принципа «бери или плати», обеспечивавшего поставщику возможность реализации определённых объёмов газа, стабильность цен.

Поставки сжиженного природного газа являются существенно более гибкими. Транспортировка СПГ газовозами создаёт возможность оперативного выбора точек сдачи газа. Газ превращается в биржевой товар с существенно более гибким механизмом ценообразования. Глобализация рынка газа, расширение поставок сжиженного природного газа в Европу из стран Персидского залива, прежде всего из Катара, существенно обостряют конкуренцию на европейском газовом рынке и осложняют позиции Газпрома. Вследствие увеличения объёмов и диверсификации источников поставок происходит снижение цен, разрушается система долгосрочных экспортных газовых контрактов, усиливается давление на Российскую Федерацию в силу изменения правого поля Европы. Так, в середине про-

шлого десятилетия весьма сложная ситуация складывалась в процессе переговоров между Российской Федерацией и европейскими странами по вопросу транзита энергоносителей (Транзитный протокол к Договору и Энергетической хартии). В настоящее время в связи с принятием норм Третьего энергетического пакета дополнительные сложности в сфере сбыта газа возникли у ОАО «Газпром».

К сожалению, возможности адаптации России к новым условиям конкуренции, складывающимся на газовом рынке, пока весьма ограничены. Наша страна крайне слабо представлена на таком перспективном рынке, как рынок СПГ. На территории Российской Федерации пока существует лишь один завод по производству СПГ, построенный в рамках реализации проекта Сахалин 2. Между тем, в отличие от почти стагнирующего рынка поставок газа по магистральным трубопроводам, рынок СПГ является быстрорастущим и исключительно перспективным сегментом мирового энергетического рынка.

Конкурентные позиции России на газовом рынке в определённой степени осложняет и открытие серии крупных газовых месторождений, расположенных в самых разных регионах планеты. Гигантские месторождения были открыты в Марыйской области Туркменистана. В 2006 г. в Туркменистане было разведано гигантское газонефтяное месторождение Южный Иолотань, начальные запасы которого, по некоторым оценкам, составляют 21,2 трлн м³ газа и 300 млн т нефти [8]. Крупные месторождения газа в прошлом десятилетии были открыты у северо-восточного побережья Африки. Крупнейшие в мире месторождения газа — Северное и Южный Парс, находятся на шельфе Персидского залива. Месторождение Северное, принадлежащее Катару, начало разрабатываться с 1991 г., а иранское месторождение Южный Парс было открыто в 1990 г. Запасы месторождений Северное и Южного Парса оцениваются в 28 трлн м³ газа и 7 млрд тонн нефти. Значительные месторождения газа открываются и в других регионах планеты.

В результате открытия крупных месторождений, прорыва в технологиях по добыче газа из неконвенциональных источников, расширения предложения сжиженного природного газа на мировом рынке газа к концу прошлого десятилетия стал постепенно формироваться переизбыток предложения, цены на газ начали снижаться. В отличие от нефти, являющейся действительно редким и, соответственно, дорогим ресурсом, газ оказался существенно более доступным и относительно менее дорогим энергоносителем.

Наконец, ещё одним фактором, заметно осложнившим наши конкурентные позиции на мировом энергетическом рынке, стал прорыв в раз-

витии альтернативной энергетики, заметный, прежде всего, в странах Европы. В последние годы во многих странах вводились большие объёмы новых мощностей в сфере ветроэнергетики, солнечной энергетики, производства энергии из биогаза. В Европе альтернативная энергетика получила государственную поддержку в виде субсидирования, что к середине текущего десятилетия дало заметные результаты в развитии альтернативной энергетики. Издержки при выработке электроэнергии из альтернативных источников практически сравнялись с издержками в традиционной энергетике. Кроме европейских стран, огромный рывок в сфере развития альтернативной энергетики сделал Китай.

Таким образом, можно говорить о наличии совокупности факторов, способствовавших формированию на мировом рынке избытка предложения энергоносителей и снижению цен на нефть.

Какие риски возникают в сложившейся ситуации у российской экономики, и создаёт ли новая ситуация на мировом энергетическом рынке возможности для модернизации отечественной экономики?

Последствия для экономики Российской Федерации, связанные со снижением цен на нефть, стали проявляться уже в первые месяцы осени 2014 года. Прежде всего, они были связаны с ослаблением курса национальной валюты. По данным Московской биржи, курс рубля по итогам 2014 г. снизился на 41% к доллару и на 34% — к евро [7]. Стало заметным подорожание некоторых импортных товаров. Для поддержания курса национальной валюты Центральному банку Российской Федерации пришлось израсходовать часть золотовалютных резервов. С января по декабрь 2014 г. они снизились с 510,5 млрд долл. до 388,5 млрд долл [1].

Вместе с тем важно отметить, что вопрос о влиянии снижения цен на нефть на экономическую ситуацию в России начал обсуждаться ещё в 2012 г., когда наметились первые признаки долгосрочных изменений конъюнктуры на рынках сырьевых материалов [3, 4]. Так, прогноз, разработанный Центром развития ВШЭ, предполагал два варианта сценария динамики цен на нефть:

1. Стабилизация цен на нефть на уровне около 100 долл./баррель. Данный сценарий был возможен в случае отсутствия рецессии в еврозоне и роста экономики США.

2. Снижение цен на нефть до отметок 70–80 долл./баррель. Этот сценарий реализовывался при ухудшении ситуации в Европе и в США, а также замедлении темпов роста экономики Китая. При реализации сценария резкого падения цен на нефть ВВП в 2014 г. должен был вырасти всего на 1,3%, а рубль — ослабеть на 20–25% [4].

По оценкам экспертов Credit Suisse, при резком снижении цен — падении цен до 80 долл. за баррель, Минфину при существовавшем в 2012 г. курсе доллара пришлось бы занять примерно 2,5 трлн руб. на покрытие дефицита бюджета. Отмечалась тесная взаимосвязь между ценой на нефть, курсом рубля и необходимостью заимствований на внутреннем и внешнем рынках (рис. 3).

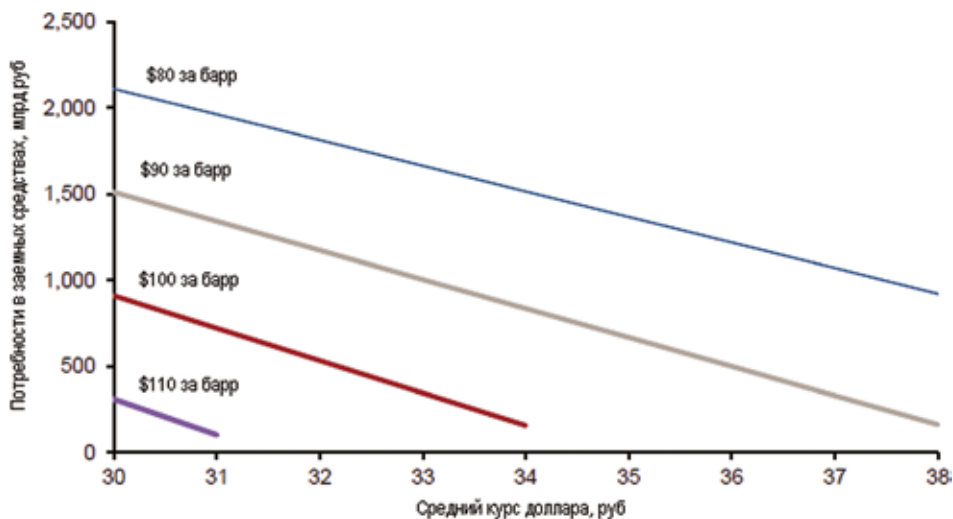

Рис. 3. Потребности в заимствовании средств и обменный курс

Источник: России нужна девальвация, чтобы спастись от падения цен на нефть.

Информационное агентство «Финмаркет».

<http://finance.rambler.ru/news/economics/108848570.html>

Прогноз Credit Suisse рассматривал четыре варианта действий правительства в случае значительного снижения цен на нефть:

1. Уменьшение регулирования курса рубля и плавная девальвация национальной валюты. «Реализация подобной политики приведёт к ускорению инфляции и удорожанию импорта. Однако ослабление курса рубля повлечёт за собой резкое сокращение объёмов импорта и потребительского спроса, а это в перспективе поможет сдерживать инфляционные ожидания под контролем и замедлить инфляцию» [6].

2. Использование золотовалютных резервов. В случае оказания значительной поддержки курсу рубля возможен ряд негативных последствий: сокращение резервов, рост напряжённости в банковском секторе и снижение конкурентоспособности производителей. При реализации подобного сценария нельзя рассчитывать и на импортозамещение, которое обычно сопутствует девальвации национальной валюты.

3. Сокращение бюджетных расходов. Данный вариант рассматривался как наиболее рискованный для правительства. Сокращение бюджетных расходов не позволит реализовать выдвинутые ранее в правительственных документах макроэкономические цели, возможно нарастание социальной напряжённости.

4. Продажа активов [6].

Прогноз развития российской экономики при резком снижении цен на нефть — до 60 долл. за баррель предлагали аналитики Финансовой корпорации «Открытие» Том Манди и Тэрин Артур. Данная работа интересна как макроэкономическими оценками, так и прогнозом изменения доходов крупнейших частных российских компаний. В соответствии с прогнозом снижение цен на нефть до 60 долл. за баррель приведёт к возникновению бюджетного дефицита, снижению курса рубля, падению прибыли крупнейших корпораций и сокращению ВВП.

Наиболее интересная часть прогноза была связана с оценкой влияния цен на нефть на положение крупнейших российских компаний. Среди компаний, наиболее чувствительных к падению цен на нефть, были выделены нефтяные компании, металлургические предприятия, предприятия химической промышленности и банки (рис. 4) [2].

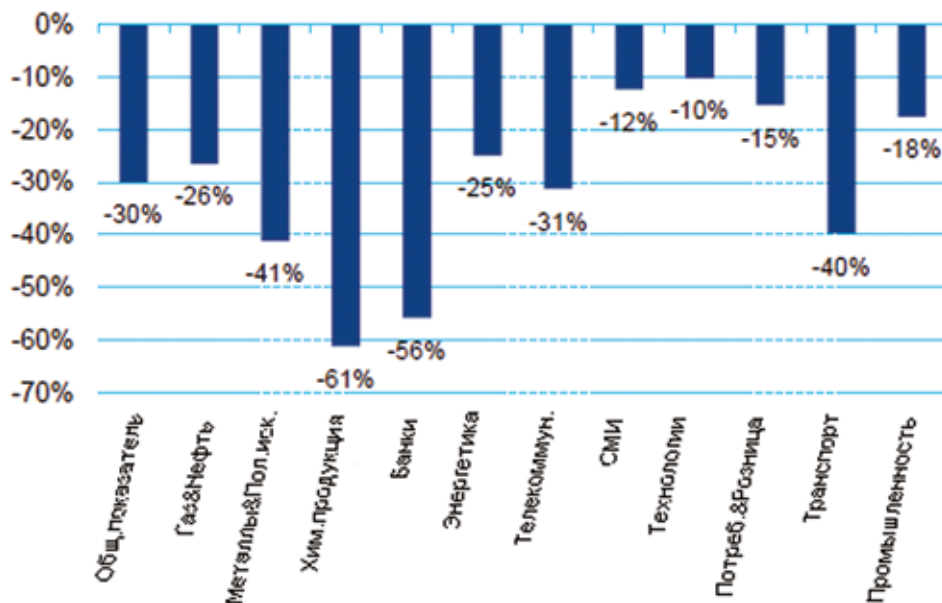

Рис. 4. Влияние снижения цен на нефть на стоимость акций.

Источник: Жизнь после 60 долларов за баррель. Информационное агентство «Финмаркет».
<http://finance.rambler.ru/news/economics/110342828.html>

К сожалению, события последних месяцев позволяют говорить о развитии событий по негативному сценарию. К концу декабря 2014 г. цена на нефть снизилась почти до 57 долларов за баррель, а в начале января 2015 г. была преодолена психологически важная отметка, равная 50 долл. за баррель. Обменный курс рубля опустился до отметки 56 руб. за доллар и 68 руб. за евро. С целью сокращения объёмов финансовых спекуляций и снижения давления на рубль Центральный Банк Российской Федерации был вынужден с 16 декабря повысить ставку рефинансирования с 10,5% до 17% пунктов, т.е. до уровня, сдерживающего активность финансовых спекулянтов, но существенно ослабляющего возможности для экономического роста, поскольку кредитование новых проектов в сфере производства под столь высокие проценты практически невозможно.

Вместе с тем, в сложившихся условиях, несмотря на очевидную сложность ситуации, у российской экономики есть предпосылки для модернизации и оздоровления экономики. Одним из основных последствий ценового шока для России стало сознание факта необходимости формирования более сбалансированной структуры экономики, ориентированной не только на расширение экспорта энергоносителей, но и на развитие отраслей обрабатывающей промышленности. Популярность стала приобретать идея реализации стратегии импортозамещения продукции.

Исследование показывает, что наиболее действенными мерами по оздоровлению экономики в условиях снижения цен на нефть и роста напряжённости на финансовых и товарных рынках могут стать следующие меры:

— субсидирование процентных ставок по кредитам для предприятий реального сектора экономики. Эффект импортозамещения не сможет работать в случае отсутствия доступа промышленных предприятий к финансовым ресурсам. Исключительно важно сделать заёмный капитал доступным для компаний, планирующих расширение или модернизацию производства;

— снижение административного давления на бизнес. Важно обеспечить стабильность условий осуществления производства, минимизацию принятия новых законов и подзаконных актов, осложняющих развитие производства;

— оказание адресной поддержки аграрному сектору как отрасли, имеющей высокий потенциал роста и способной одной из первых обеспечить эффект импортозамещения;

— упрощение условий для работы мелким и средним компаниям, действующим в сфере нефтегазодобычи на сложных месторождениях и месторождениях с падающей отдачей, осуществляющих добычу углеводородов из неконвенциональных источников. Именно эти компании, несмотря на

относительно небольшие размеры, могут стать наиболее эффективной средой для внедрения технологических инноваций. Важно поддерживать развитие отечественной нефтесервисной отрасли и предприятий, производящих технологическое оборудование для нефтегазодобычи. Введённые США и европейскими странами экономические санкции показали уязвимость нашего добывающего сектора именно в этом направлении. Если при работе на традиционных месторождениях доля российского оборудования составляет более 80%, то при добыче трудноизвлекаемой нефти доля отечественного оборудования составляет уже только 40–60%, а при работах на шельфе отечественное оборудование составляет менее 20% [5]. Хотя ключевой вопрос, который возникает в связи с падением цен на нефть, — это проблема структурной модернизации экономики и развитие обрабатывающих производств, именно ТЭК ещё долгие годы будет оставаться если не локомотивом, то одним из ключевых системообразующих секторов отечественной экономики;

— развитие нефтехимии и газохимии как отраслей, способных в значительной степени использовать естественные ресурсные преимущества страны. В сложившихся условиях целесообразно составить «дорожную карту» поддержки отраслей, развитие которых способно обеспечить наиболее ощутимый эффект при низких ценах на сырьевые ресурсы;

— развитие технического образования в стране. Одной из причин, существенно замедляющих возможности экономического роста за счёт развития обрабатывающих производств, является сложившееся отставание в подготовке специалистов в сфере естественно-научных специальностей. Увеличение инвестиций в развитие технического образования, поддержка сильных отечественных технических вузов, увеличение объема преподавания естественно-научных дисциплин в школах сегодня является необходимой мерой для восстановления в стране промышленного производства;

— развитие социального сектора. В условиях снижающихся цен на основной экспортный товар России, обострения социальных проблем отказ от концепции социального государства может иметь для страны исключительно тяжелые последствия. Важно обеспечить приемлемый уровень доходов наименее социально защищённых слоёв общества, прежде всего пенсионеров. При уменьшающихся реальных доходах важно обеспечить доступное медицинское обслуживание и образование. При выборе между обеспечением коммерческой эффективности и сохранением рабочих мест в сложившихся условиях целесообразен выбор в пользу сохранения рабочих мест, в том числе в бюджетном секторе. Сокращение занятости может стать существенно более серьёзной и, в перспективе, капиталоемкой проблемой для государства в ситуации сжатия бюджетных доходов.

В случае сохранения цен на нефть на невысоком уровне, а для этого существуют серьёзные предпосылки, исключительно важно обеспечить социальную сплочённость общества, ориентацию на развитие производства и формирование комфортных условий жизни внутри страны, поддержку новых проектов, способных обеспечить рост занятости в регионах.

Литература

1. Данные Центрального банка РФ. http://www.cbr.ru/hd_base/default.aspx?PrId= mtrf_7d.
2. Жизнь после 60 долларов за баррель. Информационное агентство «Финмаркет». <http://finance.rambler.ru/news/economics/110342828.html>.
3. Маликова О.И. Трансформация структуры европейского энергетического рынка: макроэкономические последствия для России // Государственная служба. 2012. № 5. С. 26–35.
4. Наш экономический прогноз «100/90». II квартал 2012. НИУ ВШЭ. Центр развития. http://www.hse.ru/data/2012/08/13/1256314570/NEP_2012-Q2.pdf.
5. Развитие нефтегазового комплекса: новые вызовы и решения. Доклад министра энергетики Российской Федерации А.В.Новака на национальном нефтегазовом форуме. 22 октября 2014 г. <http://www.minenergo.gov.ru/upload/iblock/6af/6af778eeca5cf81d9b194059019dc700.pdf>.
6. России нужна девальвация, чтобы спастись от падения цен на нефть. Информационное агентство «Финмаркет». <http://finance.rambler.ru/news/economics/108848570.html>.
7. Рубль завершил 2014 г. снижением на 41% к доллару и на 34% к евро. 31.12.2014 12:15 // РИА Новости. http://finance.rambler.ru/news/economics/155916044.html?utm_source=news&utm_content=finance&utm_medium=midcol&utm_campaign=self_promo.
8. Техническая библиотека. Месторождения. Галкыныш. http://neftegaz.ru/tech_library/view/4766.
9. Bank of America: США обошли Россию и Саудовскую Аравию по добыче нефти. 04.07.2014 20:45 // Ведомости. <http://finance.rambler.ru/news/economics/147781851.html>.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

М.А.Маслин*

Философское россиеведение за рубежом

Статья посвящена современным зарубежным исследованиям истории русской философской мысли. Проанализированы формирование и эволюция русского философского россиеведения в США и Западной Европе с конца 50-х гг. прошлого века до начала XXI в. Показана роль русской эмиграции в этом процессе. Исследования русской мысли за рубежом свидетельствуют о том, что русские философские ценности заняли определённое место в современной гуманитарной культуре как на Западе, так и на Востоке.

Русская философия сегодня является предметным и проблемным полем для диалога мировоззрений не только внутри себя, но и для представителей иных культур. Современная философия выражает национально своеобразные образы мира, имеет национальную специфику. Директор Института философии РАН академик А.А.Гусейнов об этом говорит так: «Нам недостаточно назвать кого-то философом. Надо ещё уточнить, является ли он философом китайским, русским, французским, американским, японским и т.д., т.е. отнести его к той или иной национальной философской традиции» [1, с. 28]. Внимание к русской мысли за рубежом является свидетельством того, что её ценности заняли определённое место в современном сознании и на Западе, и на Востоке [2;3]. Наиболее позитивной особенностью современного этапа зарубежного философского россиеведения являются участие иностранных учёных в российских научных проектах, их публикации в российских научных журналах и перевод зарубежных монографий на русский язык. Нельзя не сказать и о том, что за рубежом растёт число переводов русских философских текстов. В качестве примера отмечу перевод энциклопедии «Русская философия» [5] на сербский (2009, 2014) и французский (2010) языки. Растёт число публикаций на темы русской философии в Украине, где публикуется наибольшее количество книг и ста-

* **Маслин Михаил Александрович** — доктор философских наук, заслуженный профессор Московского университета, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, исполнитель проекта «Философское россиеведение за рубежом во второй половине XX — начале XXI вв.: направления, школы, центры» (12-03-00029а).

тей о русской философии (после России), а также в Польше и Сербии, где сохраняется традиционно высокий интерес к русской философской культуре [6]. Такое внимание очень ценно для русской философии, так как позволяет многое понять в ней «со стороны». Ведь для каждой культуры, как и для каждого человека, очень важно знать не только то, что он или она думает о себе, но и то, что о них думают и другие люди. Это необходимая предпосылка, можно сказать, презумпция всякого межкультурного диалога.

В 60–80-е гг. прошлого века бесспорное мировое лидерство в области «русских исследований» принадлежало США. Начало исследований в области русистологии, на основе которых произошло разрастание на Западе соответствующих институтов, государственных и частных структур, координировавших Russian studies, следует отнести к законодательному акту под названием National Defence Education Act (NDEA) — Закону об образовании в интересах национальной обороны (принят Конгрессом Соединённых Штатов Америки в 1958 г.) [4]. В своде американских законов, принятых Конгрессом, текст этого законодательного акта занимает 25 страниц, причём данный акт относится к категории так называемых публичных федеральных законов, т.е. законов общей федеральной юрисдикции (в отличие от частных законов, касающихся отдельных лиц или учреждений). Целью закона, как было указано в преамбуле, являлись «Укрепление национальной обороны и расширение и поддержка распространения и улучшения образовательных программ, направленных на защиту важнейших национальных интересов» [4, с. 1580]. Каждая статья NDEA (всего их насчитывалось десять) подкреплялась обширным финансированием, насчитывающим десятки миллионов долларов.

В результате под влиянием NDEA в США сложилась система стипендий, грантов, институтов, организаций и других регуляций, касающихся всех возможных аспектов изучения России и СССР, включая экономику, политику, историю, науку, культуру и др. К этому надо добавить содействие частных благотворительных организаций, фондов Форда, Карнеги, Рокфеллера и т.п., которые также создали мощную поддержку публикаций, обучения русскому языку, научного туризма в Россию и др. С самого начала NDEA был нацелен на создание развитой организационно-идеологической структуры при американских университетах, на преподавание различных дисциплин и исследования в области Russian studies. К началу 80-х гг. в США насчитывалось более 200 русских центров, расщеплённых по всей территории страны. Благодаря солидной финансовой поддержке уже в конце 50-х — начале 60-х гг. в США было опубликовано около 9 тысяч монографий и статей, посвящённых России и Со-

ветскому Союзу. По русской проблематике ежегодно защищалось порядка 200 магистерских и докторских диссертаций.

Автор этих строк был на научной стажировке в США в начале восьмидесятых, в то время, которое можно назвать «золотым веком» русских исследований. Основная работа автора проходила в Центре славянских и восточно-европейских исследований университета штата Огайо, философскую программу в котором возглавлял один из наиболее квалифицированных специалистов в области философской русистики профессор Джеймс Патрик Скэнлан, работы которого неоднократно переводились впоследствии на русский язык [9]. Центр был нацелен на создание специалиста в области Russian studies широкого профиля, обладающего хорошей языковой подготовкой, способного вести преподавательскую, исследовательскую работу, public relations в данной области, работать в системе средств массовой коммуникации или в различных правительственных ведомствах. Для этой цели и объединились историки, философы, социологи, политологи, литературоведы и экономисты. Нельзя не признать, что создание подобных полидисциплинарных центров, получавших финансирование из федеральных, штатных и частных источников, было весьма эффективным проектом. В результате истэблшмент США имел солидную кадровую базу грамотных специалистов по России (чего не скажешь о его современном состоянии на примере известного «феномена Псаки»).

Ведущая роль в данном полидисциплинарном объединении принадлежала специалистам по интеллектуальной истории и истории идей. Этой тематике посвящались большая часть диссертаций по Russian studies (в отдельные годы — более 75 процентов от общего числа), а также основная масса публикаций. Историки также формировали, как правило, большую часть состава профессиональных ассоциаций русистов. Крупнейшая из них — Американская ассоциация содействия славянским исследованиям (American Assosiation for Advancement of Slavic Studies, AAASS) — научное общество, объединяющее славистов, созданное ещё в 1948 г. AAASS, существующая и поныне, является организационным центром американского россиеведения. С 2010 г. Ассоциация стала называться «Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES)» (Американская ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований). Деятельность ассоциации финансируется преимущественно фондом Форда. В 1960–1970-е гг. AAASS объединяла около 2400 членов, среди них около 1500 историков, более 400 политологов и около 300 специалистов по международным отношениям и внешней политике России и СССР. В неё входит ряд региональных ассоциаций, имеющих конференции, например «Конференция славистов Дальнего За-

пада» (в марте 1963 г. насчитывала свыше 400 членов), «Средне-западная конференция AAASS», «Конференция исследования славистики в южных штатах». Руководящий орган AAASS — правление, избираемое на ежегодной национальной конференции. Ассоциация издаёт журналы: ежеквартальный «Славянское обозрение» (Slavic Review); «American Quarterly of Soviet and East European Studies» — официальный орган Ассоциации, выходит 4 раза в год.; «The American Bibliography of Slavic and East European Studies» используется в качестве библиографического руководства для специалистов. В университете штата Огайо (Колумбус, Огайо) до последнего времени находилась Центральная канцелярия Ассоциации. Особенностью современного этапа деятельности этой организации является участие в её мероприятиях российских учёных, некоторые из них являются постоянными членами AAASS.

В начале 1980-х гг. в основу деятельности Центра славянских и восточно-европейских исследований штата Огайо была положена комплексная «славянская и восточно-европейская программа», в реализации которой участвовали 57 квалифицированных специалистов из 21 подразделения данного университета. Она включала научные исследования и преподавание в области экономики, финансов, географии, истории, журналистики, истории искусств, права, лингвистики, философии, музыки, политических наук, психиатрии, психологии и социологии. Центр осуществлял программу подготовки специалистов высшей квалификации (магистров) в области Russian studies, способных читать университетские лекционные курсы «Русская история», «История русской цивилизации», «Введение в изучение Советского Союза» и др. «Русский центр» в Колумбусе обладал более мощной материальной базой, чем обычные гуманитарные подразделения университета, поскольку получал специальные дотации из многих источников: из штатного и федерального бюджета, а также из частных фондов. Выпускники университета с дипломом бакалавра или магистра по Russian studies имели существенные преференции в трудоустройстве по сравнению с иными гуманитариями, могли работать не только в университетах, но и в правительственных структурах, средствах массовой информации и др.

По окончании научной стажировки в США мной была написана для журнала «Коммунист» статья, в которой анализировалось состояние русских исследований в американских университетах и делался вывод о том, что среди советологов наряду с примитивными антикоммунистами существует немало квалифицированных учёных, с которыми следует вести научный диалог. Кроме того, высказывалась мысль о том, что сама по себе идея полидисциплинарного изучения России представителями различных

гуманитарных специальностей в специальных исследовательских институтах заслуживает внимания, поскольку в СССР ничего подобного не существовало. Добавим, ничего подобного не существует до сих пор и в постсоветской России. Статья не была поддержана тогдашним главным редактором журнала «Коммунист» философом Р.И.Косолаповым, который, очевидно, считал, что в условиях идеологической борьбы акцент следует делать на крепость и резкость выражений, а не на диалог и попытки увидеть нечто позитивное в работах западных авторов [10].

Разумеется, подобные учебно-научные подразделения возникли в университетах США не на пустом месте, но благодаря интеллекту русских учёных. Ведущую роль в организации и чтении лекционных курсов по русской истории и культуре и в подготовке соответствующих специалистов сыграли работавшие в США русские эмигранты, главным образом, второй послевоенной волны эмиграции. Среди них — М.Ростовский, А.Васильев, Г.Федотов, М.Флоринский, Г.Флоровский, М.Карпович, А.Лобанов-Ростовский, В.Рязановский, Л.Страховский, Г.Вернадский, А.Мазур, Н.Рязановский, М.Раев, С.Зеньковский, А.Гершенкрон. Первая пореволюционная волна эмиграции, как известно, локализовалась по преимуществу в Европе, тогда как вторая переместилась за океан, куда устремились рассыпанные по разорённой войной Европе русские эмигранты. Выдающийся специалист по истории русской литературы Глеб Струве, сын русского философа П.Б.Струве, ставший профессором университета штата Калифорния, дал следующее объяснение причин возрастания влияния русских интеллигентов второй волны в послевоенной интеллектуальной жизни Америки: «В силу сложившегося в послевоенные годы международного положения вторая волна быстро приобрела влияние, к её голосу стали прислушиваться, её услугами стали пользоваться и правительственные учреждения (особенно в США), и общественные организации в размерах, в которых это и не снилось старой эмиграции» [11].

Быстрое развитие Russian studies в условиях холодной войны с СССР привело к тому, что русские выходцы формировали значительную часть кадрового состава в различных исследовательских центрах, на радиостанциях, вещающих за «железный занавес» — радио Свобода, Голос Америки, ВВС. Идеи русских мыслителей во второй половине XX в. стали интерпретироваться и распространяться в западном информационном пространстве в невиданных до II Мировой войны объёмах. Огромной популярностью пользовался, например, многолетний цикл радиопередач о русских мыслителях на всемирной сети радиовещания ВВС, подготовленный выходцем из России Исаей Берлином, выдающимся популяризатором идей Толстого, Белинского, Герцена, Чернышевского, Бакунина

и других русских мыслителей. В 1979 г. материалы этих радиопередач были в переработанном виде изданы в виде отдельной книги, впоследствии переведённой на китайский, датский, французский, немецкий, иврит, итальянский, польский, португальский, испанский, японский языки [12].

Американские Russian studies имели преимущественные стартовые возможности даже по сравнению с более укоренившимися и начинавшимися ранее европейскими исследованиями в этой области. Если иметь в виду двух мыслителей, переехавших в США во время и после II Мировой войны, а именно Г.П.Федотова и Г.В.Флоровского, то планка философского россиеведения в их лице была настолько высока, что опережала мировой уровень буквально на десятилетия вперёд. Опубликованные в США монографии Федотова, посвящённые религиозной мысли Киевской Руси и богатству русской средневековой религиозной духовности, стали совершенно новым словом в медиевистике и в историографии русской философско-богословской мысли [13]. Они были первыми в своём роде исследованиями русской философско-богословской мысли XI—XVII вв., аналогичные работы М.Н.Громова, а затем В.В.Милькова появились в России лишь в постсоветское время [14].

Значительные научно-организационные заслуги в становлении американских Russian studies принадлежали выдающемуся богослову и религиозному философу Г.В.Флоровскому, который работал в Колумбийском, Гарвардском и Принстонском университетах. Известнейший американский русист, директор библиотеки Конгресса Джеймс Биллингтон пишет во введении к своей главной монографии о том, что он «должен высказать особую признательность профессору преподающему отцу Георгию Флоровскому», он «во многих отношениях» является духовным отцом этой книги» [15]. Всемирно известный польский историк русской мысли Анджей Валицкий даёт Флоровскому ещё более высокую оценку, он считает его одним из самых выдающихся мыслителей всего XX в., а встречу с ним — важным событием своей жизни [16].

Главное произведение Флоровского «Пути русского богословия (1937) стало первой в своём роде интерпретированной историей русской духовной культуры с беспрецедентным охватом материала — от Крещения Руси до XX в. включительно. Основной тираж этой книги, опубликованной в Париже, был утрачен во время II Мировой войны, поэтому Флоровский продолжал развивать её идеи уже в американский период своей деятельности. По своей историографической и источниковой оснащённости эта книга превосходила работы самых известных историков русской философии прошедшего столетия. Бердяев акцентировал, главным образом, вопрос о существовании у России собственных национальных, духовно-метафизиче-

ских интересов и анализировал их с точки зрения авторской интерпретации последнего этапа русской мысли, XIX — начала XX столетия. Лосский создал не систематически-целостную картину развития русской философии, но её выборочное освещение. На первый план он выдвинул анализ построений, конгениальных собственной философии идеал-реализма, стремясь находить в них созвучие своему философскому учению. Зеньковский, в отличие от Лосского, который считал вопросы теории познания первостепенными в русской мысли, придерживался точки зрения о центральном значении для неё вопросов не познания, а существования. Но Зеньковский дал лишь краткий обзор русской философии до XVIII в., считая этот период «прологом к русской философии».

Флоровский опередил современные ему научные представления о генезисе русской философско-богословской мысли и рассмотрел её существование в XI—XVII вв. не как пролог, а как первый её полноценный период, имеющий значение фундамента для всего здания русской культуры, включая богословие, философию и литературу. Эта позиция находит своё подтверждение на современном этапе, где значительные новые результаты достигаются на основе исследования рукописных материалов, реконструирующих структуру и типологию русской средневековой философии. Флоровский, по сути дела, своим подходом констатирует наличие универсальной методологической проблемы, на которую натакивались с самого начала становления истории русской философии создатели её целостных истолкований. История западной философии как наука существует синхронно с появлением философии: первые философы были и философами, и историками философской мысли, а также её доксографами. Тогда как наличное существование русской философской мысли и первые опыты её истолкования разделяют целые столетия (как известно, первой книгой на эту тему была работа архимандрита Гавриила, опубликованная лишь в 1840 г.). Отсюда вытекает необходимость для историка русской мысли быть не только философом, но также археографом, лингвистом, специалистом по истории и богословию. Здесь одного знания истории развития основных философских систем мало. Для убедительного доказательства самого наличного бытия древнерусской философской мысли надо обладать полидисциплинарными познаниями, что в полной мере было присуще Флоровскому.

Архивные материалы, проливающие новый свет на наследие Флоровского, содержатся в очередном, 37-м, томе «Записок русской академической группы в США», вышедшем под редакцией А.Е.Климова, известного американского исследователя наследия Флоровского. Эти «Записки», основанные русскими эмигрантами в США, внесли значительный вклад в современную историографию русской философской мысли [17].

Новые ценные материалы, характеризующие позднее мировоззрение Флоровского, когда он стал знаменитым богословом и одним из основателей американских *Russian studies*, опубликованы также Владимиром Янценом [18]. В изданной им послевоенной переписке Флоровского с известным славистом Д. Чижевским появляются скорректированные с поправкой на западную аудиторию методологические идеи Флоровского относительно русской философской мысли, которые он стремился передать западным учёным. В этом отношении весьма знаменательным представляется обсуждение Флоровским теоретической программы конференции в Колумбийском университете на тему «Религия и философия в России. 1789—1917» (письмо Чижевскому от 23 августа 1949 г.). Флоровский пишет: «Нужно не только давать факты, но выдвигать проблемы и показывать русскую мысль на фоне и в контексте “европейской” мысли. Моя очередная и ударная тема и задача... — опровергнуть опасный предрассудок, что русская философия и культура “совсем особенная” и даже категории у них совсем другие. Я же уверен, что русская философия XIX в. есть просто глава истории “европейской” философии» [18].

Конечно, высокая планка, заданная работами Федотова и Флоровского, практически неизвестными в СССР, далеко не была характерна в целом для работ западных авторов второй половины XX в. Но несомненно то, что вплоть до начала 90-х гг. прошлого столетия западным русистам практически принадлежала монополия в области историографии русской религиозной философии ввиду практического отсутствия в СССР соответствующих трудов, посвящённых философии Соловьёва, славянофилов, Данилевского, Леонтьева, Бердяева и русскому религиозному ренессансу начала XX столетия. Более того, исследования по русской религиозной философии рассматривались в качестве приоритетных, поскольку могли быть интерпретированы в качестве различных вариантов христианского социализма и «идеалистического либерализма» как «русские альтернативы марксизму». Такова, вкратце, была концепция американского автора Дж.Ф.Патнэма, изложенная в его монографии [22].

Рассматривая социально-философские построения С.Н.Булгакова и П.И.Новгородцева, Дж.Патнэм вполне убедительно критиковал позиции догматического марксизма, обосновывающие прямую связь между философскими воззрениями и классовыми буржуазными установками. Ведь существует множество различного рода интеллектуальных течений, в которых бесполезно искать какое-либо воплощение классовых интересов. Так, и «философский персонализм» Новгородцева, и «христианский социализм» Булгакова вовсе не были выражением какого-то классового редукционизма, но, напротив, выступали в защиту «политической свобо-

ды, социальной справедливости, экономического изобилия, совершенствования личности» [22, с. 158].

Нельзя не отметить и тенденцию, проявляющуюся на Западе в связи с современным ростом дехристианизации европейского сознания. Озабоченные этим процессом представители католических кругов обращают свои взоры на Россию и русскую религиозную мысль. Особо надо выделить работы недавно ушедшего из жизни кардинала Томаша Шпидлика, ведущего специалиста Ватикана по истории русской религиозной мысли. Он является автором более 20 книг на эту тему, написанных, главным образом, на французском языке. Среди его работ выделяется фундаментальная монография «Русская идея: Иное видение человека», переведённая на несколько языков [8]. В этой книге особо подчёркивается значение русской религиозной мысли для современного человека как философии сердца в отличие от западной философии, где остро ощущается дефицит сердца и любви.

Особенностью современного этапа историко-философского россиеведения стал переход от комплиментарного изложения идей русских религиозных мыслителей, представленных в своё время в виде исторических альтернатив марксизму, к их критической оценке. В настоящее время центр зарубежных исследований русской философии переместился в Европу, главным образом во Францию и Германию — туда, где они первоначально зарождались (первая книга о русской философии, опубликованная в 1913 г. на немецком языке, принадлежала перу чешского философа и политика, впоследствии президента Чехословакии, Томаша Масарика) [7].

Интенсивность русских исследований в США заметно снизилась. В 1983 г. Конгресс США принимает закон о «Советско-восточноевропейских исследованиях и обучении» (Soviet-Eastern European Research and Training Act of 1983). Это был последний публичный федеральный закон, нацеленный на регулирование Russian studies. После распада СССР подобных законов уже не принималось, русские исследования были переданы в ведение Государственного Департамента в качестве грантовой программы под названием «Программа исследований и обучения Восточной Европы и СНГ (бывшего Советского Союза)» (Program for Research and Training on Eastern Europe and the Independent States of the Former Soviet Union (Title VIII)). Это локальная грантовая программа Государственного Департамента, по своему масштабу она не выдерживает никакого сравнения с первым американским законодательным актом в этой области — NDEA от 1958 г.

После распада СССР западные приоритеты в оценке русской философии изменились. К преемникам бывших советологов пришло осознание

того, что русская религиозная философия гораздо более враждебна по отношению к Западу и западным ценностям, чем коммунистическая марксистско-ленинская идеология. Об этом пишет, например, в своей докторской диссертации голландский учёный Эверт Ван Дер Зверде, ныне являющийся профессором католического университета Наймеген в Нидерландах [18]. Это действительно так, ибо марксизм и коммунизм, несмотря на свою антикапиталистическую направленность, являются плоть от плоти детищами Запада. В конце концов, марксизм родился не в Китае и не в Индии, а представлял собой новейшее слово европейской философии.

Сегодня на Западе можно наблюдать — в противоположность тому, что было во времена существования СССР — резкий критицизм в адрес антизападнического содержания оригинальной русской философско-политической традиции. В связи с этим явно несостоятельным выглядит тезис французской исследовательницы евразийства Марлен Ларюэль о «евразийском империализме», который якобы стремился лишь узаконить масштабы Российской империи в пределах Евразии [19]. Представляя евразийцев русскими националистами, взявшими на вооружение средневековую идею «Москва — Третий Рим», М.Ларюэль ничего не говорит о том, что данная идея вовсе не являлась русским изобретением, а распространялась по всей средневековой, в том числе католической, Европе как идея *Roma Aeterna* (Рим вечный). В Европе на роль третьего Рима претендовал также Краков, а в России — не только Москва, но и Псков. Эта христианская концепция специально изучается в рамках постоянно действующего международного научного семинара «*Da Roma alla Terza Roma*» [20].

Иное, по сравнению с западным, отношение к русской философии наблюдается в современном Китае, который в настоящее время становится одним из мировых центров русских исследований. Эту констатацию автор может подтвердить на основе опыта чтения в Пекинском Педагогическом университете курса лекций по истории русской философии (в 2014 г.). Китайские учёные рассматривают русскую философию в качестве оригинального варианта поиска национальной идеи в условиях глобализации, несущей угрозу потери национального своеобразия различных культур. В Китае наблюдается впечатляющий прогресс в области изучения русской философии, публикуются переводы русских текстов, проводятся научные конференции, защищаются диссертации. Один из лидеров китайской философской русистики, профессор Пекинского Народного университета Ань Цинянь считает, что современное значение русской философии и культуры в целом заключается в осуществлении «глубокой, системной критики западной индустриальной цивилизации и её культуры» [1, с. 368]. Русское

философское наследие, считает китайский учёный, может указать пути выхода из кризиса, который переживает современный Запад: «Я имею полное основание верить в то, что если бы западные мыслители и политики смогли бы своевременно провести равноправный диалог с русской культурой, извлечь из критики русских учёных по своему адресу полезные идеи, можно было бы избежать созданного западными странами состояния серьёзного отчуждения человека, более того, современного кризиса, угрожающего самому существованию человечества» [1, с. 369].

Уменьшение масштаба западных *Russian studies*, связанное прежде всего с распадом СССР и завершением холодной войны против коммунизма, не могло не сказаться на том, что в центр западной историографии русской мысли выдвинулись собственно научные исследования реальных проблем русской философской мысли XIX–XX вв., лишённые прежней идеологической предвзятости (работы Маризы Денн, Франсуазы Лесур, Хольгера Куссе, Петера Элена и др). На Западе появилось молодое поколение учёных, не приученное к специфическим советологическим предубеждениям. Одна из них, Алисса Де Бласио, американская специалистка в области истории русской философии, отмечает изменение ментальности современных российских авторов, в результате чего они работают в «новой интеллектуальной парадигме», несколько не противоречащей подходам западных учёных [21]. В ответ на это позитивное высказывание следует выразить надежду на расширение диалога с западными учёными и со всеми, кто проявляет интерес к России и русской культуре.

Примечания

1. Философия в диалоге культур. Всемирный день философии (Москва — Санкт-Петербург, 16–19 ноября 2009 г.). Материалы. М., 2010.
2. Маслин М.А. Русская философия как диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1.
3. Маслин М.А. Зарубежная историография русской философии // Философское образование. 2012. № 1.
4. United States Statutes at Large. Vol. 72. P. 1580–1605.
5. Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А.Маслина. Изд. второе, доработанное и дополненное. М., 2014.
6. Ваньчук Д., Мильчарек М. Исследования русской философии в Польше // Русская философия: Энциклопедия. С. 238–239; Б.Пантелич, В.Меденица. Исследования русской философии в Сербии // Там же. С. 239–241; Г.Е.Аляев, Т.Д.Суходуб. Исследования русской философии в Украине // Там же. С. 241–

- 243; Кусенко О.И. Исследования русской философии в Италии // Там же. С. 237–238.
7. Русский перевод первого европейского труда, посвящённого русской философии, был опубликован лишь недавно: Масарик Т.Г. Россия и Европа: В 3 т. СПб., 2000–2003.
 8. Шпидлик О.Томаш. Русская идея: Иное видение человека / Пер. с французского В.Зелинского, Н.Костомаровой. СПб., 2006.
 9. Перу Скэнлана принадлежит одна из лучших книг о философии Ф.М.Достоевского: Scanlan J. P.Dostoevsky the Thinker. Ithaca and London, 2002. Русский перевод: Скэнлан Дж. Достоевский как мыслитель. М., 2006.
 10. Советским ответом на подъём западных Russian studies была публикация коллективного научного сборника, где говорилось о необходимости любыми средствами разоблачать буржуазные фальсификации истории русской философии, не вступая в диалог и оставаясь на позициях марксистско-ленинской партийности: Против современных фальсификаторов истории русской философии / Под ред. И.Я.Щипанова. М., 1960.
 11. Цит. по: Фрейнкман-Хрусталёва Н., Новиков А. Эмиграция и эмигранты. СПб., 1995. С. 99.
 12. Berlin I. Russian Thinkers. N.Y., 1979. О роли Исайи Берлина в развитии зарубежной историографии русской философии см.: Ванчугов В.В. Берлин Исайя // Русская философия: Энциклопедия. М., 2014. С. 51–52.
 13. Fedotov G. The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries. Cambridge, Mass., 1946; Fedotov G. A Treasury of Russian Spirituality. N., 1948; Fedotov G. The Russian Religious Mind. Vol. 2: The Middle Ages: The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. Cambridge, Mass., 1966.
 14. Монография Г.П.Федотова «Русская религиозная мысль» была опубликована в русском переводе в 2001 г. (перевод С.Бычкова) в качестве X тома собрания сочинений Г.П.Федотова в 12 томах. Однако название тома в русском переводе, звучащее как «Русская религиозность», не точно передаёт замысел Г.П.Федотова. Дело в том, что Федотов остановился на англоязычном термине «Russian religious mind» (по-русски звучащем буквально как «русская религиозная мысль» из-за стремления избежать того, что в других европейских языках звучит как «религиозность» — нем. Religiosität, франц. sentiment religieux). Поэтому во введении к своей монографии он акцентирует то, что по-русски определяется как «религиозное сознание», а по-английски ассоциируется именно с интеллектуальной, рациональной деятельностью, а не с религиозностью как таковой. Он пишет: «Мой интерес сосредоточен на сознании человека: религиозного человека и его отношении к Богу, миру, собратьям; это отношение не только чисто эмоциональное, но также рациональное и волевое, то есть проявление всего человеческого существа» (Федотов Г.П. Русская

- религиозность. Ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М., Мартис, 2001. С. 29).
15. Биллингтон Дж.Х. От автора // Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 8.
 16. Маслин М.А. Анджей Валицкий как историк русской философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 6. С. 110.
 17. Записки русской академической группы в США. Т. XXXVII / Ed. by Alexis Klimoff. N.Y., 2012.
 18. Zweerde Vander E. Soviet Historiography of Philosophy: Istoriko-filosofskaja Nauka. Hague: Mouton, 1997.
 19. Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи / Перевод с франц. М., 2004. См. также серию работ Марлен Ларюэль на английском языке: Laruelle M. Russian Eurasianism: an ideology of Empire. Washington, D. C.; Baltimore, Md., 2008; Laruelle M. Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia. London: Routledge, 2010; Laruelle, M. In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in Contemporary Russia. N. Y.: Palgrave/MacMillan, 2009.
 20. Об этом см.: Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
 21. DeBlasio A. Writing the history of Russian philosophy // Studies in East European Thought. 2011. Т. 63. №. 3. С. 203–222.
 22. Putnam G.F. Russian Alternatives to Marxism. Christian Socialism and Idealistic Liberalism in Twentieth Century Russia. Knoxville: University of Tennessee Press, 1978.

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Н.П.Генералова, В.А.Лукина*

Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1859–1866)

В статье представлены результаты первого года составительской работы над «Летописью жизни и творчества И.С.Тургенева» за 1859–1866 гг., в ходе которой удалось

выработать основные методологические принципы подачи материала, обработать значительное число архивных и печатных документов, уточнить многие даты, выявить новые факты биографии Ивана Сергеевича, новые данные о творческой истории произведений, созданных в указанный период, расширить представление о круге общения Тургенева как в России, так и за рубежом, обнаружить неизвестные ранее сочинения писателя.

Заявленная часть «Летописи жизни и творчества И.С.Тургенева», охватывающая период с 1859 по 1866 гг. включительно, — недостающее звено в серии уже вышедших в 1995–2003 гг. четырёх томов «Летописи жизни и творчества» писателя [1]. При всей ценности выпущенных издательством «Наука» томов «Летописи» отсутствие книги, которая должна была стать второй по счёту, сделало этот проект в целом незавершённым и на протяжении многих лет вызывало немало недоразумений. Поскольку вышедшие тома не имели порядковых номеров, читателям казалось, что они пропустили том. Не только читатели, но и сотрудники библиотек неоднократно обращались в дирекцию Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Группу по изданию Полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева в 30 томах с просьбой разъяснить ситуацию и восполнить пробел в «Летописи», что и побудило сотрудников Группы взяться за подготовку недостающего тома. Так или иначе, но неполнота изданной «Летописи» заставила вернуться к вопросу об актуальности

* **Генералова Наталья Петровна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, главный редактор рабочей редколлегии Полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева в 30 томах, руководитель проекта «Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1859–1866)» (14-04-00457а).

Лукина Валентина Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заместитель главного редактора рабочей редколлегии Полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева в 30 томах, исполнитель того же проекта.

«Летописи жизни и творчества И.С.Тургенева», подготовленной ещё в 1930-е гг. известным тургенеvedом М.К.Клеманом [2]. Излишне объяснять, что это издание за истекшие 80 лет не могло не устареть, не говоря о том, что оно давно стало библиографической редкостью (рис. 1).

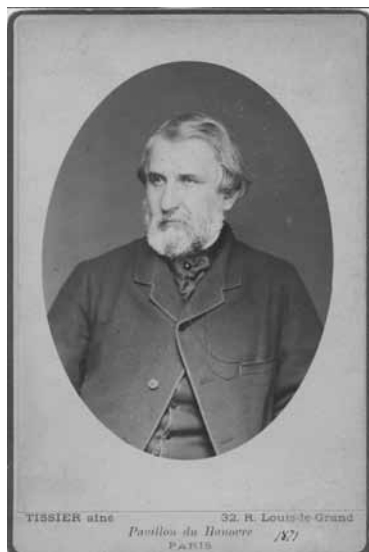

Рис. 1. И.С.Тургенев. Фотография Э.Каржа (надпись Tissier aîné означает, что портрет продавался в ателье Тисье-старшего). Париж, октябрь 1861 г. (записанная чернилами от руки А.Ф.Онегиным дата «1871» является ошибочной).
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Необходимость «закрыть пробел» в серии опубликованных томов «Летописи жизни и творчества И.С.Тургенева» обусловлена и тем, что означенные годы — 1859–1866 — были временем наивысшего расцвета творчества писателя. Накануне, поздней осенью 1858 г., Иван Сергеевич завершил работу над романом «Дворянское гнездо», который появился в первой книжке журнала «Современник» за 1859 г., а в январе 1859 г. писатель приступил к разработке замысла следующего романа — «Накануне», который будет завершён в ноябре того же года. В то же время впервые после отдельного издания «Записок охотника» (1852), за которое Тургенев был отправлен в ссылку в Спасское, в мае 1859 г. выходит второе издание цикла, вновь привлекавшее внимание русского общества к его творчеству. Укрепляются связи писателя с литературным миром Западной Европы. Вскоре по выходе в свет «Дворянского гнезда» появляются его отдельное издание и перевод на французский язык [3]. Конец года ознаменован написанием статьи «Гамлет и Дон-Кихот» и чтением лекций о Пушкине.

Канун знаменательного года отмены крепостного права, которую Тургенев считал главным событием эпохи, вызвал в русском обществе небывалый подъём, что не могло не отразиться на судьбе писателя: пользуясь послаблением цензурного режима, он много печатается, выступает с публичными лекциями, участвует в различных общественных мероприятиях, впервые после запрета на упоминание имени В.Г.Белинского печатает в «Московском вестнике» воспоминания о критике и своих встречах с ним, задумывает и осуществляет первое собрание своих сочинений в 4 томах [4]. Немало времени и сил требует улаживание отношений с собственными крестьянами. На любительской и столичной сценах возобновляются постановки пьес Тургенева. В этот период написаны повести «Первая любовь», «Довольно», «Призраки», наконец, роман «Отцы и дети», ставший вершиной творчества писателя (рис. 2).

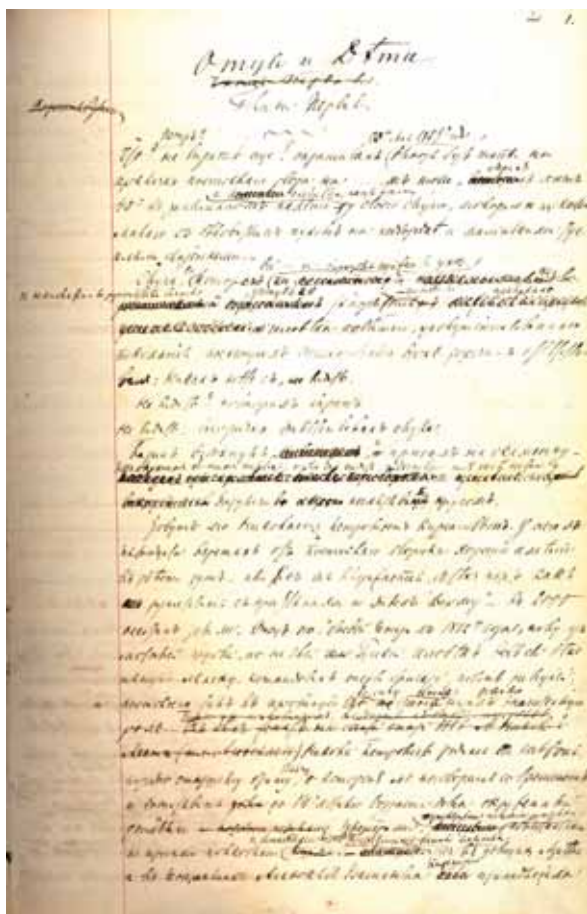

Рис. 2. Черновой автограф романа «Отцы и дети». Первая страница.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

В то же время именно в этот период происходят обострение отношений с радикальным составом редакции журнала «Современник» и разрыв с ним, долгой и бурной полемикой завершаются многолетние отношения с А.И.Герценом, третейским судом заканчиваются отношения с И.А.Гончаровым, несправедливо обвинившим Тургенева в плагиате, едва не дуэлью — ссора с Л.Н.Толстым. Круг общения писателя в период подготовки реформы и первое время после неё чрезвычайно широк, он становится одной из ключевых фигур общественно-литературного процесса конца 1850-х — начала 1860-х гг., активно выступая в различных жанрах (повести, романы, статьи, рецензии, предисловия, речи, переводы) в ведущих периодических изданиях («Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки» и др.), в том числе и заграничных («La Revue des deux mondes», «La Revue contemporaine» и др.). Каждое новое произведение Тургенева встречается разногласной критикой, его имя не сходит со страниц газет и журналов. Наконец, ожесточённая критика «Отцов и детей», прозвучавшая от представителей прямо противоположных группировок, вызывает у писателя резкий спад творческого настроения и глубокий психологический кризис. В 1862 г. против него начинается процесс в особой следственной комиссии по делу «о лицах, обвиняемых в сношении с лондонскими пропагандистами», который завершится лишь в январе 1864 г. после вызова Тургенева в Сенат и его допроса. Тогда же он принимает решение навсегда обосноваться в Германии вместе с семьёй Виардо.

Тяжёлое моральное состояние сказалось в романе «Дым», задуманном ещё в 1862 г., но написанном лишь в 1865—1866-м (завершён в январе 1867 г.), а также в повестях «Призраки» и «Довольно». В 1863 г. Тургенев знакомится с Г.Флобером и сближается с писателями его круга, становится постоянным членом так называемых обедов пяти. В том же году выходит перевод «Отцов и детей» на французском языке с предисловием П.Мериме. Особенно близкие отношения, переросшие в настоящую дружбу, завязываются с Флобером. Тургенев много переводит, в том числе Пушкина и Лермонтова, следит за переводами своих произведений на иностранные языки. В 1864 г. начинается выпуск нового (пятитомного) собрания сочинений Тургенева в Карлсруэ. Личная жизнь писателя тоже налаживается. В 1864 г. он начинает в Баден-Бадене постройку собственной виллы, в начале 1865 г. ему удаётся выдать замуж свою дочь Пелагею за французского предпринимателя Гастона Брюэра, он пробует силы в новом для себя жанре либреттиста и пишет несколько либретто оперетт, музыке к которым сочиняет П.Виардо.

Даже такое краткое изложение основных событий личной и творческой жизни писателя даёт представление о том, сколь насыщенными

были как в творческом, так и в биографическом отношении годы, указанные в заявленном томе «Летописи». Нетрудно предположить, что последовательное изложение событий столь значительного во всех отношениях этапа жизни писателя потребовало обработки большого количества самого разнообразного материала, начиная с писем самого Тургенева за указанный период, пополнившихся за истекшие со времени первой «Летописи» М.К.Клемана годы десятками и сотнями новых текстов, и заканчивая многочисленными публикациями в отечественной и зарубежной периодической печати.

В рамках выполнения исследовательского проекта составителям удалось прежде всего выработать композицию и основные принципы подачи материала, а также обработать значительное число архивных и печатных документов. Просмотр в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга следующих периодических изданий: «Биржевые ведомости», «Весть», «Московские ведомости», «Московский вестник», «Наше время», «Отечественные записки», «Русская речь», «Русский», «Русский вестник», «Русский инвалид», «Русское слово», «Орловский вестник», «Орловские губернские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Современная летопись», «Современник», «Эпоха» и др., а также ряда иностранных периодических изданий: «La Revue des deux mondes», «La Revue contemporaine», «La Revue européenne», «Le Correspondant», «La Revue nationale et étrangère», «Le Nord», «St.-Petersburger Zeitung», «St.-Petersburger Herold» и др., дал не только новые, но подчас и неожиданные результаты. Так, в ходе разысканий в прессе удалось уточнить ряд датировок русских и зарубежных публикаций произведений Тургенева, ввести в научный оборот сведения о ранее не учтённых переводах (полных и частичных), прежде всего в немецких и французских периодических изданиях, а также установить авторство ряда переводов, выявить ранее неизвестные отклики на произведения писателя («Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети» и др.). Обследование комплекса периодических изданий более позднего времени (1860-е — 1915) позволило выявить малоизвестные воспоминания современников о Тургеневе, имеющие отношение к рассматриваемому периоду, и другие данные биографического характера.

Значительные дополнения к указанному тому «Летописи» обнаружены при систематическом просмотре томов «Литературного наследства», собраний сочинений и Летописей жизни и творчества Н.А.Некрасова, Ф.М.Достоевского, А.И.Герцена, И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого, А.Н.Островского и др. Проведена работа в архивохранилищах Санкт-Петербурга (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,

Российская национальная библиотека, Российский государственный исторический архив, Петербургский филиал Архива академии наук) и Москвы (Российская государственная библиотека, Государственный литературный музей, Российский государственный архив литературы и искусства, Государственный Толстовский музей) на предмет критической проверки уже известных источников и выявления дополнительных документов, относящихся к периоду 1859—1866 гг. жизни и деятельности Тургенева. В результате обнаружен ряд новых материалов: биографические документы, письма разных корреспондентов к Тургеневу, переписка современников о писателе и отзывы о его произведениях — использованы материалы фондов (а также бумаги в фондах других лиц) П.В.Анненкова, Аксаковых, Н.Н.Страхова, Жемчужниковых, М.Н.Каткова, К.Д.Кавелина, Н.В.Павлова, А.Н.Плещеева, Я.П.Полонского, Л.Н.Майкова, А.А.Фета, Н.В.Щербаня, Н.В.Ханькова, Н.Я.Макарова, М.А.Маркович, Б.М.Маркевича и др., дневниковые записи, воспоминания и другие материалы. Составителями обследованы также каталоги аукционных фирм, в которых выявлены новые письма Тургенева и его корреспондентов (рис. 3).

Одним из наименее изученных аспектов многообразной деятельности Тургенева является его работа как переводчика и редактора переводов на иностранные и с иностранных языков. В связи с этим составители были вынуждены начать подбор материалов, имеющих отношение к переводам произведений Тургенева на иностранные языки и их последующей публикации, а также к переводам на иностранные языки и с иностранных языков произведений других авторов, сделанным самим Тургеневым (М.Ю.Лермонтов, А.С.Пушкин, М.А.Маркович, Ш.Перро, Э.Мёрике и др.). Проведена работа по уточнению степени участия в переводе лиц, сотрудничавших с Тургеневым (П.Мериме, Л.Виардо, Г.Флобер, Л.Пич и др.), поскольку вопрос этот остаётся дискуссионным.

В процессе составления «Летописи» высветилась необходимость изучения деятельности Тургенева как редактора переводов своих произведений и произведений других лиц на русский и иностранные языки. Проведённые разыскания выявили ряд новых лиц в ближайшем окружении Тургенева, которые переводили с русского и на русский язык (К. фон Глюмер, А.Богомолец, Н.В.Щербань, Н.Н.Рашет и др.). Систематическое обращение к переводам произведений Тургенева способствовало установлению личности ряда переводчиков (V.Desloges, И.Делаво, В.Вольфзон, Г.фон Ланкенау и др.). В этой части «Летописи» будут содержаться значительные дополнения к уже вышедшим в свет томам Сочинений и Писем Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

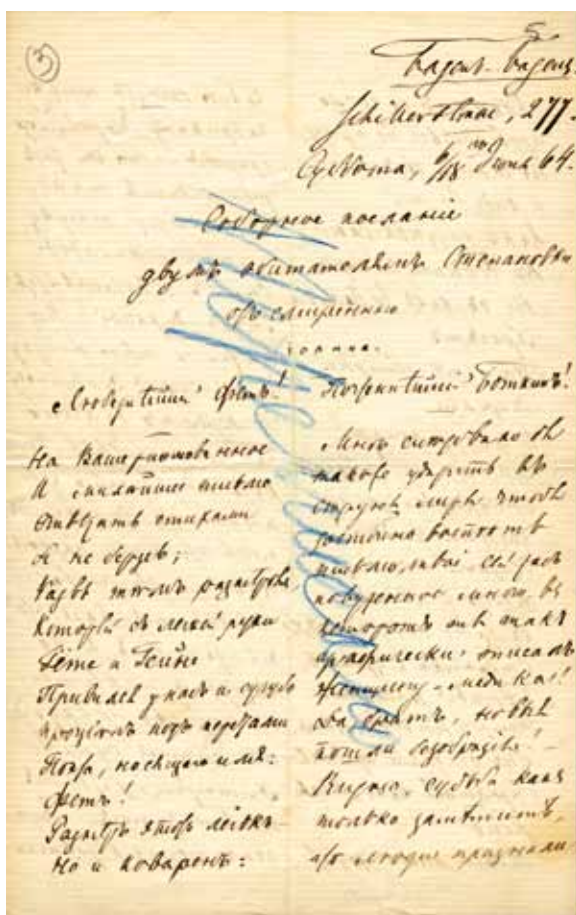

Рис. 3. Стихотворное послание И.С.Тургенева к А.А.Фету и В.П.Боткину от 6 (18) июня 1864 г. Первая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

В связи с поступлением в Хоутонскую библиотеку (Houghton Library) Гарвардского университета неизвестной ранее части архива Полины Виардо, содержащей значительное количество тургеневских материалов, было предпринято изучение описей этого архива и сделан заказ на копирование части документов, в частности, писем к Тургеневу следующих корреспондентов: Э.Абу, Ж.Адан, А.Доде, А.Франс, Ш.Гуно, Ф.Гиллер, М.Гартман, П.Гейзе, А.Мартен, Ж.Мишле, Г.Тудуз, С.К.Кавелина, Э.Золя, Ж.Санд, П.Мериме, Ж.Валлес. Изучены переписка семьи Виардо и также (частично) дневник П.Виардо, впервые раскрывающие некоторые эпизоды биографии Тургенева. Обследование архива Виардо выявило ряд неизвестных произведений Тургенева, относящихся к 1860-м гг. (либретто и подготовительные материалы к опереттам «Игра в вист», «Вечер

св. Сильвестра»), а также редакций известных произведений Тургенева (в частности, «Бригадир», «Воспоминания о Белинском», «Людоед», «Слишком много жён», «Последний колдун» и др.), которые готовятся к публикации в очередных сборниках серии «И.С.Тургенев: Новые исследования и материалы» [5].

Архивные разыскания не только существенно дополнили наши представления о таких малоизученных сферах деятельности Тургенева, как переводческая, редакторская и театральная, но и в значительной мере расширили сведения о круге его зарубежных связей, позволив впервые документировать и датировать его многочисленные знакомства, встречи и т.д.

10 ноября 2014 г. в рамках исследовательского проекта по подготовке «Летописи» в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН была проведена научная конференция «Проблемы научной биографии И.С.Тургенева». Большая часть докладов была посвящена углубленному изучению биографии и творчества Тургенева в 1859–1866 гг. В докладе О.Б.Кафановой «Жорж Санд в биографии и творчестве Тургенева: факты и парадоксы» было обращено особое внимание на неоднородную оценку французской писательницей значения творчества Тургенева. Несмотря на раннее знакомство (1845), Ж.Санд долгое время считала Тургенева второстепенным писателем, и лишь в конце 1860-х — 1870-е гг. её мнение на этот счёт кардинально изменилось. Последний период отношений двух писателей характерен высочайшей оценкой Жорж Санд произведений Тургенева.

Обратившись к личности Ипполита Делава как переводчика произведений Тургенева («Записки охотника», «Накануне», «Яков Пасынков» и др.), Л.Сундквист (Швеция) выдвинул убедительную гипотезу, что именно И.Делава принадлежит вышедший в 1863 г. в издательстве Шарпантье французский перевод романа «Отцы и дети», а также, возможно, «Дневника лишнего человека» и «Где тонко, там и рвется», причём во всех переводах, выполненных Делава, деятельное участие принимал сам Тургенев (рис. 4).

Е.Н.Ашихмина (Орёл) посвятила свой доклад «Сосед Тургенева Мардарий Милуков» отношениям писателя с семьёй известного общественного деятеля М.Милукова, прославившегося также своим участием в нескольких военных кампаниях.

Важное методологическое значение для составления «Летописи» имело сообщение М.Ю.Степиной (Санкт-Петербург) «Воспоминания П.В.Анненкова о Тургеневе и принципы освещения биографии». Особое место в нём было уделено методологическому приему гипотетической реконструкции событий, которые не поддаются полному документированию, но в то же время должны быть отражены как в научной биографии, так и в Летописи жизни и творчества писателя.

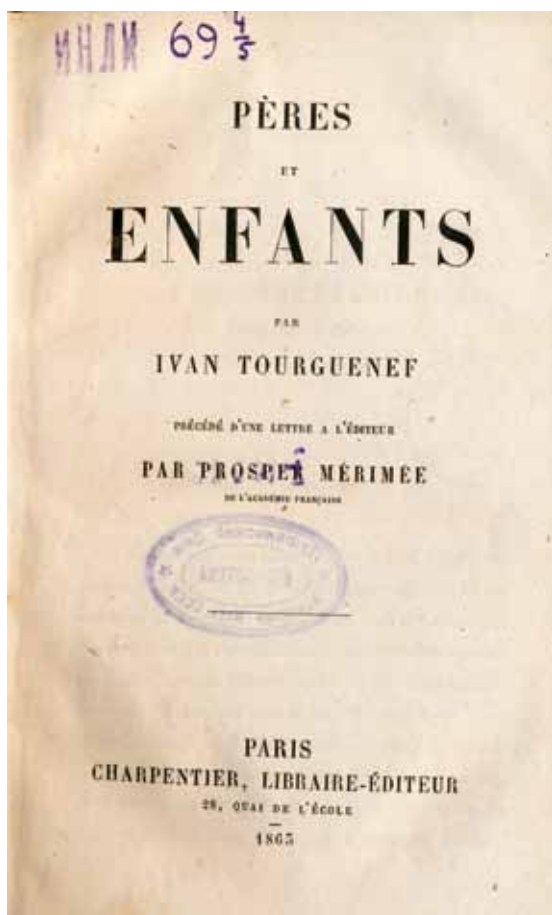

Рис. 4. Первое издание французского перевода романа «Отцы и дети» (Париж, 1863).
Титульный лист

Сообщение В.А.Доманского (Санкт-Петербург) «Биография Тургенева в школьном литературоведении» показало, что отсутствие научно документированной популярной биографии писателя плачевным образом сказывается на так называемом школьном литературоведении, где нередко учителя вынуждены пользоваться случайными исследованиями, имеющими субъективную окраску. В этом отношении значение таких трудов, как «Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева», состоит в том, что они должны помочь школьным учителям донести до учеников основные вехи творческого пути писателя.

Сообщение Г.Н.Павловой (Орёл) «Забывтое слово о Тургеневе» было посвящено речи на панихиде в Орле священника орловской Анненской церкви Александринского института благородных девиц

А.Вознесенского, произнесённой 27 августа 1883 г. в дни траура по писателю. Наряду с другими выступлениями подобного плана эта речь, по мнению докладчицы, ввиду её глубокого проникновения в нравственное значение творчества писателя, должна быть учтена в «Летописи», поскольку является составляющей частью многочисленных откликов на его смерть в церковной среде. В этом отношении Г.Н.Павлова справедливо указала на неполноту уже вышедшего заключительного тома «Летописи жизни и творчества И.С.Тургенева (1876—1883)», в котором отсутствует раздел, посвященный похоронам и связанным с ними мероприятиями, в то время как подобные разделы представлены, например, в Летописях жизни и творчества Ф.М.Достоевского, Н.А.Некрасова и др.

Непосредственное отношение к биографии Тургенева имело, как показала в своём докладе С.А.Ипатова (Санкт-Петербург), Первое собрание писем И.С.Тургенева (1884). По сути, это издание стояло у истоков научной биографии писателя, причём особого внимания заслуживает переписка составителей издания, современников Тургенева — В.П.Гаевского, М.М.Стасюлевича и др.

Неизвестным эпизодам отношений Тургенева и А.А.Григорьева был посвящён доклад М.Я.Сарриной (Санкт-Петербург) «Тургенев и Ап.Григорьев в Петербурге в конце 1850-х гг.: продолжение диалога». Сопоставляя переписку Тургенева со статьями Григорьева, докладчица установила, что писатель и критик неоднократно встречались в Петербурге в 1859 г. Попытка реконструировать содержание их бесед дала М.Я.Сарриной основание считать, что эти беседы оказали решающее влияние на Ап.Григорьева не только в восприятии романа Тургенева «Дворянское гнездо», но и других его произведений, в частности сказались на концепции статьи Григорьева «После “Грозы” Островского».

Предпринятое специально для готовящегося тома «Летописи» обследование материалов, связанных с известной ссорой Л.Н.Толстого и Тургенева в 1861 г., дало возможность А.Г.Гродецкой (Санкт-Петербург) не только обобщить известные материалы, но и дать новую интерпретацию биографической ситуации. Её оценка новых данных о ссоре Тургенева с Толстым, в частности — недавно опубликованных писем И.П.Новосильцева к А.А.Фету, позволила усомниться в фактической точности свидетельства Новосильцева, которое, будучи обнародовано много лет спустя, могло носить следы контаминации нескольких сюжетов.

В докладе «Тургенев — Ренан — Тэн: две встречи с большими последствиями» Н.П.Генералова (Санкт-Петербург) на материале более позднего времени (1870-е гг.) показала возможности метода гипотетиче-

ской реконструкции событий, которые должны быть отражены в «Летописи жизни и творчества» Тургенева. Дополняя уже вышедший заключительный том тургеневской «Летописи», докладчица обратила внимание, что нередко более поздние свидетельства дают возможность уточнить события многолетней давности, в частности, было установлено, что знакомство Тургенева и Эрнеста Ренана состоялось гораздо раньше, чем было принято считать.

В.А.Лукина в докладе «Тургенев и Анджело Де Губернатис: только ли заочное знакомство?», опираясь на оставшиеся вне поля зрения исследователей письма Губернатиса к Тургеневу, обнародованные итальянской исследовательницей Р.Казари, не только подтвердила факт и дату личной встречи писателя с итальянским публицистом в мае 1878 г., но и сделала попытку реконструировать содержание их беседы. Выявленные докладчицей новые данные будут учтены в разделе «Дополнения», которым предполагается завершить готовящийся том «Летописи» [6].

Полученные результаты убеждают, что предпринятый труд, хотя и должен был появиться ранее, тем не менее является необходимым и своевременным, а ход работы над ним даёт уверенность в благополучном его завершении в назначенный срок.

Литература

1. Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1818–1858) / Сост. Н.С.Никитина. СПб., 1995; Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1867–1870) / Сост. Н.Н.Мостовская. СПб., 1997; Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1871–1875) / Сост. Н.Н.Мостовская. СПб., 1998; Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1876–1883) / Сост. Н.Н.Мостовская. СПб., 2003. Последние три книги выпущены при поддержке РГНФ (проекты 95-06-17204 (2 книги), 99-04-00123а и 02-04-16069 (последняя книга)).
2. Клеман М.К. Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева / Ред. Н.К.Пиксанов. М.; Л., 1934.
3. Первоначально перевод романа, выполненный В.А.Сологубом и Альфонсом де Калонном, вышел в журнале «La Revue contemporaine» (1859. Vol. 8–9), а затем, в 1861 г., — отдельным изданием у Этцеля.
4. Имеется в виду четырёхтомное издание: Тургенев И.С. Сочинения, исправленные и дополненные. М., 1860–1861.
5. См.: И.С.Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н.П.Генералова, В.А.Лукина. М.; СПб., 2009. Вып. 1 (исследование осуществ-

влено при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-04-00231а); М.: СПб., 2011. Вып. 2 (издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-04-16170д); М.: СПб., 2012. Вып. 3 (издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-04-16132д).

6. Результаты конференции подробно отражены в составленной Н.П.Генераловой и В.А.Лукиной Хронике: Проблемы научной биографии И.С.Тургенева // Русская литература. 2015. № 3 (в печати).

Г.И.Кустова*

Семантические механизмы грамматических изменений: теория и словарь

Теоретической основой развиваемого подхода является понятие парадигматического обособления. Исследованы группы предложных конструкций с абстрактными существительными (*на футболе, в плену*). Парадигма употреблений такой конструкции сопоставима с парадигмой употреблений глагольных форм (предикат, адвербиал, атрибут). Обоснован подход к описанию адвербиальных дериватов (*в ожидании, в сопровождении*) существительных по аналогии с глагольными формами — причастными и деепричастными. Исследованы механизмы семантических сдвигов при переходе причастий в прилагательные. Исследованы механизмы перехода отдельных форм знаменательных глаголов в показатели иллокутивной функции: *Валяй; Давай; Идет; Брось!* и др.

Создан словарь (в форме компьютерной базы данных) «Адвербиальные конструкции».

Традиционный подход к описанию набора форм и значений слова, отражённый в словарях и грамматиках, можно назвать номинативным (применительно к словарям) или парадигматическим (применительно к грамматикам). И в словаре, и в грамматической парадигме слова представлены своей начальной формой: существительные — номинативом, глаголы — инфинитивом. Все формы из одной парадигмы соотносятся с исходной и в этом смысле равноценны. В силу этого номинативный подход (отражённый в «номинативных» словарях) рассматривает происходящие со словом или его отдельными формами семантические и следующие за ними грамматические изменения как утрату, редукцию первоначальных свойств. Семантические изменения действительно нередко приводят к редукции исходных языковых свойств и дефектности парадигмы (например, глагол *говорить* в значении способности, свойства (*Ребёнок уже говорит*) не имеет пассива — в силу аспектуального сдвига и невыразимости объекта). Однако оборотной стороной этого процесса является приобретение новых свойств, которые номинативный подход, основанный на тождестве слова, не может учесть в полной мере.

В данном проекте акцент был перенесён с редукции на деривацию, а именно: семантические и грамматические изменения некоторой единицы

* **Кустова Галина Ивановна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН, руководитель проекта «Семантические механизмы грамматических изменений: теория и словарь» (11-04-00223а).

(формы) рассматривались не как угасание её исходных свойств, а как реализация в определённых контекстных условиях её потенциальных возможностей, приводящая к образованию новой единицы. Мы исходили из того, что отдельные формы в грамматической парадигме слова, «отрываясь» от исходной парадигмы, могут получать самостоятельное существование и вступать в системные связи с другими парадигмами: причастия — с прилагательными, предложно-падежные формы имён — с адвербиалами, имена в предикативной позиции — с предикатами в собственном смысле и т.д. (именно этот языковой материал и был основным предметом рассмотрения в проекте).

В рамках такого теоретического подхода становится актуальной задача описания форм-«мигрантов» в рамках «принимающей» парадигмы — с фиксацией и интерпретацией произошедших грамматических изменений. Отсюда, в свою очередь, возникает задача разработки лингвистических словарей нового типа — неноминативных словарей, включающих информацию о таких обособившихся единицах (см. [1]).

Семантические изменения, сопровождающиеся грамматическими сдвигами, могут быть как уникальными, так и массовыми. Предметом исследования являлись в большей или меньшей степени системные сдвиги, которым подвергаются значительные классы слов, и системные условия, в которых эти сдвиги происходят. Применительно к языковому материалу проекта такими условиями, т.е. факторами семантических и последующих грамматических сдвигов, являются:

- особенности конкретной **грамматической формы**;
- **синтагматические связи** с определёнными словами и формами в контексте;
- **синтаксические позиции**;
- **коммуникативные** намерения говорящего.

Работа над проектом была ориентирована на выявление тех реперных точек на шкале семантических изменений, где происходит переход в другую парадигму значительных классов форм, и охватывала два основных направления, в которых «движутся» формы, обособившиеся от исходной парадигмы, — I. грамматическое и II. иллокутивное (коммуникативное).

I. Грамматические изменения

В рамках грамматического направления были исследованы несколько типов конструкций с абстрактными существительными — (1) предложные предикатные, (2) конструкции с инфинитивом, (3) предложные адвербиальные (эти три типа сдвигов иллюстрируют смещение существительного

от субстантивной парадигмы в сторону предикатной или адвербиальной), а также (4) изменения в семантике причастий, которые приводят к их переходу в прилагательные.

(1) Абстрактные существительные в предложных конструкциях.

Некоторые группы абстрактных существительных с определёнными предлогами образуют такие конструкции, которые по типу функционирования близки к глаголам. Наиболее многочисленными являются обороты, которые можно условно назвать ситуациями (*на футболе, в отъезде, на дежурстве, на лекции, в плену*) и эмоциями (*в негодовании, в печали*).

СИТУАЦИИ обозначают определённые отрезки (интервалы) с определённым типом занятости — фрагменты жизни человека: *Полк на параде; Начальник в отъезде; Дети на уроках; Брат на тренировке*. Совершенно не случайно, что в русском языке так много оборотов, обозначающих конвенциональные типы занятости. Далеко не для всех ситуаций есть специальные глаголы, но если и есть, они, как правило, не вмещают того объёма информации, который связан с оборотом. Например, оборот «*на рыбалке*» нельзя приравнять к глаголу «*рыбачить*» или сочетанию «*удить рыбу*», так как оборот «*на рыбалке*» вмещает в себя целый «пакет» более или менее конвенциональных действий, из-за чего и является особой словарной единицей.

По семантическим и синтаксическим свойствам ситуации максимально близки к полноценным глагольным предикатам. Хотя обороты, в отличие от глаголов, не имеют парадигмы словоизменения, они имеют ПАРАДИГМУ УПОТРЕБЛЕНИЙ, сопоставимую с парадигмой употреблений глагольных форм. Глагол употребляется в личной форме как сказуемое; в форме деепричастия — как обстоятельство (времени: *Уходя из дома, забыл выключить свет* ('когда уходил'); причины: *Испугавшись медведя, охотники бросились бежать* ('так как испугались'), условия: *Доверившись безответственному человеку, не жди ничего хорошего* ('если доверишься') и др.); в форме причастия — как определение. Аналогично, обороты-ситуации употребляются:

— в функции сказуемого при личном подлежащем (разумеется, со связкой): *Никого нет, все на футболе*;

— в обстоятельственной функции — в качестве так называемого детерминанта: *На футболе я сломал четвёртый палец на левой ноге; Вечером на футболе я видел артиста Крючкова** ('когда был на футболе');

— в атрибутивной функции: **Человек на войне и человек в плену** — это два разных человека.

* Все литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), далее — Корпус.

Другой большой класс существительных с развитой парадигмой предложных конструкций — ЭМОЦИИ. Точнее, у этих существительных — две парадигмы: одна — парадигма самих конструкций, причём у разных эмоций — разный набор предложных конструкций (ср.: *в ужасе, с ужасом, от ужаса, к ужасу* (кого); *в злобе, со злобой, без злобы, от злобы, из злобы, со злобы, по злобе*); другая — парадигма употреблений отдельной конструкции, т.е. возможные для данной конструкции синтаксические функции и синтаксические позиции. Основной является *V*-конструкция, так как только она может выступать в позиции **предиката**, ср. *Врач в негодновании; Дед был в печали*; возможны также позиции **ко-предикатива**: *Вы больше не проснётесь утром в грусти и раздражении; Петр сидел в разочаровании; обстоятельства: Какой там кот? — в злобе закричала девица, — осёл у нас в филиале сидит!* Обороты с другими предлогами — *С, БЕЗ, ОТ, ИЗ, ПО, К* — не бывают предикатами, а бывают только обстоятельствами (или несогласованными определениями), зато они выражают значения, нехарактерные или даже невозможные для *V*-конструкций, — образ действия, причина, метатекстовое (вводная конструкция с предлогом *к*): *Я только любитель, — повторил он с грустью; Ловко вложил ему в руку целковый, принятый спокойно, без благодарности; Потом почти плакал от грусти и от бессилия; Некоторые меня отговаривали писать из злобы, другие из зависти; А если и ярился на вас, то не по злобе; И со злобы эту бутылку об стену как шарахнут; Мы, к сожалению, находимся скорее в обороне, чем в наступлении.* Некоторые конструкции могут употребляться при прилагательном (ср. **необузданные в страсти женщины; злые от грусти глаза**), а иногда и при существительном (*женщины с непередаваемой грустью в глазах*). Кроме того, конструкции могут иметь «расширенную» реализацию — с прилагательным, ср. с **глубокой благодарностью, с невыразимой грустью**; с заполненной валентностью существительного: *в злобе на студию; от беспокойства за неё*.

Свойства таких оборотов не могут быть отражены в полном объёме в обычном словаре и должны фиксироваться в специальном неноминативном словаре. Само наличие того или иного оборота как особой единицы также не может быть предсказано и является предметом словарной фиксации. Например, исходя из существования оборота *для храбрости* (*выпил для храбрости*), можно предположить, что обнаружится и оборот *для смелости*. И действительно, в Корпусе имеются соответствующие примеры: *Для смелости сдвинул кепчонку вбок; Для смелости, чтобы выглядеть более раскованным, в самолёте пригубил несколько граммов...; Маленков вскочил со стула, кашлянул для смелости*. Однако на сочета-

ние для *отваги* примеров в Корпусе нет, хотя это существительное — из той же семантической группы.

(2) Абстрактные существительные в предикативных конструкциях с инфинитивом.

Предикатные, прежде всего отглагольные, существительные, участвуют в двух типах процессов (сдвигов), приводящих к изменению их грамматических свойств: они могут смещаться в зону адвербиалов или в зону собственно предикатов. В первом случае они могут терять некоторые исходные «глагольные» валентности или, во всяком случае, возможность их синтаксической реализации, см. пункт (3). Во втором случае, наоборот, может происходить приращение валентностей, которых не было в исходном значении. Так, есть существительные, которые в силу своей семантики (чаще всего — модальной) могут присоединять инфинитив (*возможность, желание, попытка, способность [выигрывать]* и т.п.). Другие существительные в исходном значении (ср. *смысл, польза, выгода, энтузиазм, нервы, закон* и под.) такой валентностью не обладают, ср. *смысл слова; приносить пользу людям; во всём ищет выгоду; не вижу энтузиазма; все нервы вымотал; нарушил закон* и т.п.

Однако абстрактные существительные рассмотренных групп приобретают способность присоединять инфинитив в определённых конструкциях: в бытийной (*Есть причины бояться*); в отрицательно-бытийной (*Нет причин бояться*; ср. также: *Не вижу пользы туда ехать; Я не понимаю выгод служить в департаменте* [Н.В.Гоголь]); в риторическом вопросе (разновидность отрицательно-бытийной: *Какой смысл бежать?*; *Какая мне выгода / Что мне за выгода туда ехать?*). К ним примыкают количественные конструкции, которые могут соотноситься как с бытийными, так и с посессивными ('иметь'): *У нас много / достаточно / хватает причин молчать*. Валентность на инфинитив конструктивно обусловлена и в других синтаксических конструкциях не реализуется, ср: *Какой смысл бежать?*; *Не вижу смысла бежать VS. Он поинтересовался смыслом бежать* (при правильном: *Он спросил, какой смысл бежать*). В ходе корпусного исследования обнаружены лексемы, для которых способность присоединять инфинитив не только не отмечена в словарях, но её вообще вряд можно предположить: *А я вот не обернусь. В натуре, какой мне понт оборачиваться?* [Растаманская сказка про войну (1995)]; *Какой вам прикол писать в женских топиках?* [Красота (форум) (2005)].

Таким образом, данная конструкция, включающая абстрактное существительное и другие элементы (отрицательный, бытийный), выполняет функцию модального предиката и приобретает соответствующее свой-

ство — подчинять инфинитив, который формально присоединяется именованно к абстрактному существительному, ср.: *Нет причин бояться* ≈ *Не нужно / не следует / не стоит бояться*; *Какой смысл его просить* ≈ *Бессмысленно его просить*.

(3) Адвербиальные дериваты абстрактных существительных.

Адвербиальные дериваты — это один из этапов процесса грамматикализации на пути превращения номинализаций (отглагольных существительных) в производный предлог.

Отглагольные существительные описывались с разных точек зрения: в терминах полной / редуцированной диатезы (см., например, [2]), с точки зрения особенностей заполнения глагольных валентностей адвербиальных дериватов по сравнению с глаголом (см., например, [3]). В данном проекте теоретически обоснован подход к описанию адвербиальных дериватов существительных по аналогии с глагольными формами — причастными и деепричастными (с редуцированной предикативностью)*.

«Обычные» номинализации — их удобно называть управляемыми номинализациями — выполняют функции подлежащего и дополнения в контексте полнозначных глаголов (*удивить просьбой*; *За жалобой последовала просьба*) или служебных глаголов (в составе аналитических оборотов) типа *обратиться с просьбой* (≈ *попросить*). У управляемых номинализаций теоретически можно выразить все глагольные валентности: *просьбы жильцов [субъект] к администрации [адресат] и милиции пресечь [содержание] незаконную уличную торговлю*, — а невозможность выражения какой-либо валентности при самой номинализации зависит от контекста, и обычно эта валентность выражена при другом слове: **жильцы обратились с просьбой жильцов*.

Адвербиальный дериват рассматривается, во-первых, как **дополнительная** предикация, т.е. если в случае управляемой номинализации рассматривается одна предикация, то в случае адвербиала — две: главная (сказуемое) и дополнительная (адвербиал). Во-вторых, адвербиал рассматривается как **редуцированный** предикат, имеющий ограниченные возможности выражения семантических валентностей как по сравнению с глаголом, так и по сравнению с отглагольным существительным.

* В «Толково-комбинаторном словаре современного русского языка» ([4]), воплощающем основные идеи теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» (см. [5]), имеются лексические функции типа Adv1, Adv2, которые учитывают роль участника ситуации: Adv1 — «типичное обозначение действия i-го участника ситуации в виде наречия» [4, с. 84], например: Adv1 (победа) = с победой [4, с. 595]. Однако там, поскольку речь идёт о словарной характеристике, адвербиал характеризуется по отношению к одноимённой ситуации (с победой — победа). В настоящем проекте адвербиал будет рассматриваться по отношению в другой ситуации, обозначаемой сказуемым.

Выявлены основные типы адвербиалов в зависимости от соотношения адвербиала с главным глаголом и синтаксических свойств адвербиала (возможности / невозможности выражения валентностей).

К **первому типу** относятся адвербиалы, которые описывают действие того же субъекта, что и главный предикат. В этом типе системно НЕ выражается субъект адвербиала — он кореферентен субъекту главного глагола, т.е. совпадает с подлежащим, — поэтому такие адвербиалы условно можно назвать **кореферентными**. При этом вторая валентность адвербиала (если она есть) — объектная или иная — может выражаться: *Пассажиры стояли на остановке в ожидании автобуса* = X стоял, X ждал (→ автобус); *Пришёл в надежде поговорить* = X пришёл, X надеялся (→ поговорить); а может не выражаться: *Пассажиры в волнении ходили по перрону* = X ходил, X волновался (из-за чего-то).

Кореферентный адвербиал условно соответствует деепричастию: деепричастный оборот имеет такое же соотношение с главным глаголом. Аналогичное соотношение субъектов (совпадение) может встречаться в главном и придаточном предложении (ср. придаточные цели с инфинитивом: *Пришёл, чтобы поговорить* — X пришёл, X хочет поговорить).

Ко **второму типу** относятся адвербиалы, которые описывают действие другого субъекта (Y), отличного от субъекта главного глагола (X). Поэтому их условно можно назвать **некореферентными**. Во второй группе субъект адвербиала не совпадает с субъектом главного предиката, поэтому он системно выразим: *Он [X] пришёл на переговоры в сопровождении референта [Y]* = сопровождаемый референтом; *Спортсмен [X] делал упражнения под наблюдением тренера [Y]* = «наблюдаемый» тренером.

Такой оборот, вообще говоря, соответствует страдательному причастию (или «некореферентному» деепричастию в тех языках, где такие деепричастия имеются).

Наконец, есть **третий вид** адвербиалов, которые имеют оба типа употребления — и кореферентное, и некореферентное — например, с **временн ым** значением:

При проверке финансовых документов аудиторы обнаружили недостачу = 'когда X проверял, X обнаружил'; *При проверке документов Багдасарян и Степанян сбежали, оставив сумку с устройством в зале* = 'когда Y проверял документы, X сбежал'.

Среди **условных** адвербиалов также встречаются как кореферентные (*При утере [X] документа немедленно сообщайте [X] дежурному*), так и некореферентные (*При попытке [X] открыть замок включается [Y] сигнализация*) употребления.

Таким образом, временные и условные адвербиалы похожи скорее не на деепричастные и причастные обороты, у которых есть строгие (системные) ограничения на выражение того или иного актанта и на соотношение с главной предикацией, а на обстоятельственные придаточные, в которых, вообще говоря, могут выражаться разные актанты подчинённой предикации.

(4) В проекте были исследованы семантические механизмы адъективации причастий и выявлены основные модели значений отпричастных прилагательных:

— мотивирующее событие (*приглашённый профессор, разрешённый митинг, согласованное шествие, запрещённые препараты*): событие V ('пригласили', 'разрешили' и т.д.) объясняет, почему предмет так называется, хотя и не может быть реконструировано по внешнему виду предмета;

— «настоящий» перфект (*окрашенные волосы, воспалённые глаза, обветренное лицо, изношенные ботинки*): традиционно понимаемое перфектное значение — состояние (изменение) в результате предшествующего события, воздействия;

— компаративная модель (*завышенные требования, замедленное развитие, облегчённая конструкция, обновлённая версия, расширенная программа, улучшенная планировка, упрощённая процедура регистрации*): отпричастные прилагательные от глаголов, в свою очередь образованных от прилагательных (иногда — от компаративов типа *лучше, меньше*), выражают значение 'более X-овый';

— количественная модель, или «достаточная степень», — адъективное значение содержит компонент 'много': *насыщенный раствор* — 'содержит много растворённого вещества'; *осведомлённый источник* — 'имеет много сведений'; *распространённое мнение* — 'его придерживаются многие люди';

— качественная модель, или «слабая оценка», — адъективное значение содержит компонент 'хорошо' или 'плохо': качественное значение *воспитанный юноша* отражает не любой результат воспитания, а совершенно определённый — положительные качества, хорошее поведение; *запрещённый приём* (в полемике) — это аморальный, неодобряемый прием, которым не следует пользоваться, как если бы его запретили.

В ходе исследования показано, что единицы, «поставляемые» процессом адъективации причастий (а эта группа лексики постоянно пополняется), отвечают номинативным потребностям говорящих: отпричастные прилагательные содержат важные семантические модели интерпретации признака, которых нет у других классов прилагательных и которые формируют недостающие типы характеристик объектов.

II. Иллокутивные изменения

В проекте исследованы механизмы парадигматического обособления, когда одна из форм знаменательного глагола отделяется от парадигмы, приобретает особое значение и специализируется на выполнении определённой иллокутивной функции: РАЗРЕШЕНИЕ: [— *Можно я на велосипеде покатаюсь?*] — *Валяй; Давай* [*дал; *дам]; СОГЛАСИЕ: [— *Встретимся завтра в пять*] — *Идёт* [*илю; *идёмь; *иду; *иди и т.д.]; *Годится; Давай*; ТРЕБОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ + НЕОДОБРЕНИЕ: *Брось!; Перестань!; Прекрати!; Кончай!; Хватит!; Будет!; Опомнись!; Уймись!*; ЗАПРЕТ + НЕОДОБРЕНИЕ: *Не выдумывай!; Даже не думай!; Забудь об этом!; И не пытайся!*; ЗАПРЕТ + УГРОЗА: *Только посмей!; Только попробуй!; Только пикни!; Поговори у меня!*; УГРОЗА: *Ну, погоди!; Ну, берегись!; Смотри [у меня]!; Ну, держись!; Ты меня вспомнишь!* и др.

В традиционных словарях такие случаи трактуются как особые значения, присущие одной или нескольким формам глагола (а некоторые вообще не отмечаются). Поскольку речь идёт о специализации какой-либо грамматической формы из парадигмы глагола, специальные функции форм типа *Давай* или *Будет!* обычно интерпретируются в рамках процесса грамматикализации (см., например, [6]). В ходе работы над проектом показано, что хотя у парадигматического обособления есть сходство и с фразеологизацией, и с грамматикализацией, однако обособившаяся форма в большинстве случаев переходит из сферы лексики не в сферу грамматики, а в сферу иллокутивных показателей. Принципиальное отличие «новых» значений от исходных не в том, что у них только одна форма, а в том, что они выступают в составе определённого речевого акта. Грамматические и семантические изменения являются лишь следствием этого.

По итогам работы над проектом разработана концепция неноминативного словаря и создан электронный словарь (база данных) «Адвербиальные конструкции». Единицы в этом словаре снабжены следующими видами лингвистически релевантной информации:

— адвербиальная парадигма существительного (т.е. обособившиеся падежные и предложно-падежные формы), например: **расчёт**: с *расчётом* (по одной штуке); из *расчёта* (2 конфеты на ребёнка); в *расчёте* + на вин. (в *расчёте* на смягчение своей участи); в *расчёте* + инфинитив (в *расчёте* устроиться на работу); с *расчётом* (это сделано с *расчётом*); с *расчётом* + на вин. (построено с *расчётом* на века); с *расчётом* + род. (с *расчётом* использования); с *расчётом* + инф. (украл мешок картошки с *расчётом* получить по лагерной справке паспорт); с *рас-*

чётом + на то, что Р (поставила печать задним числом с расчётом на то, что в России можно находиться без регистрации в течение трёх дней); с расчётом + на то, чтобы Р (почему было не объявить решение летом 2004 года, с расчётом, чтобы Кабаева и Чащина пропустили Олимпиаду); нет расчёта + инф. (нет расчёта ехать); какой (кому-л.) расчёт + инф. (какой тебе расчёт ехать); по расчёту (всё делает по расчёту);

— семантический класс исходного существительного ('ментальная сфера', 'природное явление', 'мероприятие' и т.п.);

— грамматические характеристики и синтаксические функции производного адвербиального оборота (предикатные формы, обстоятельственные обороты, производные предлоги);

— способы выражения валентностей, например: из опасения + что Р / как бы не Р / чтобы не Р / инф. (из опасения утомить читателя) / род. (Вода не применялась из опасения её испарения и запотевания иллюминатора. [«Спортсмен-подводник», 1965]) / за вин.;

— семантический класс адвербиального оборота ('время', 'способ', 'причина' и т.п.);

— примеры из Национального корпуса русского языка.

Словарь будет размещён на сайте Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

Литература

1. Кустова Г.И. О «неноминативных» электронных словарях // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог-2008». М., 2008. С. 297–302.
2. Падучева Е.В. Актантная структура и диатеза отлагольного имени // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2010. № 6. С. 24–30.
3. Богуславский И.М. Актантное поведение адвербиальных дериватов // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сборник статей в честь Е.В.Падучевой. М.: ЯСК, 2008. С. 110–128.
4. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка / Под ред. И.А.Мельчука и А.К.Жолковского. Вена, 1984.
5. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Текст». М., 1999 (1-е изд. — 1974).
6. Шигуров В.В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе речи (материалы к транспозиционной грамматике русского языка). М., 2009.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Е. В. Куфтяк*

Совладающее поведение супругов в контексте устойчивости семьи

В статье представлены результаты исследования семейного совладания, отражающего динамический процесс взаимоотношений личности и социального окружения. Выделены три формы совладания: индивидуальный, диадический и семейный копинг. Прослежена динамика выбора способов совладания супругами от этапа молодой семьи без детей до этапа семьи подростка. Представлен вклад каждого из супругов в развитие семейной устойчивости, демонстрирующий зависимость продуктивного совладания супругов от внутрисемейных характеристик.

Семья — это особая сфера жизни человека, где каждый из её членов оказывается включённым в систему внутрисемейных взаимоотношений и сферу её жизнедеятельности. Уникальность семьи заключается в сложности и своеобразии взаимоотношений между людьми, составляющими сеть отношений, что естественно определяет их взаимодействие, в том числе в трудных жизненных ситуациях [6, 10]. Супруги поддерживают друг друга в проблемных ситуациях, помогают справляться с индивидуальными стрессами и согласовывают совместные действия.

Совладающее поведение — это одна из разновидностей социального поведения людей. Понятие «совладающее поведение» (*coping*) используется для обозначения поведения личности в любых ситуациях, категоризируемых человеком как критические или трудные. В обобщённом виде совладающее поведение — это стили и стратегии поведения, которые представляют вариативные усилия (осознаваемые — неосознаваемые, просоциальные — асоциальные, когнитивные — поведенческие, эмоциональные — проблемные) по решению человеком возникающих перед ним жизненных проблем и разрешению трудных жизненных ситуаций [5].

Именно совладающее поведение человека помогает ему лучше адаптироваться к требованиям ситуации, позволяя ей овладеть, ослабить или

* **Куфтяк Елена Владимировна** — доктор психологических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова, руководитель проекта «Психологические механизмы совладающего поведения как условие устойчивости семейной системы» (11-06-00812а).

смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним, чтобы снизить воздействие стресса. В семье как особой сфере жизни человека, связанной со сложностями межличностного взаимодействия, оказываются доступны специфичные стили совладания для преодоления трудных ситуаций. Известная классификация стилей / стратегий совладающего поведения, предложенная Р.Лазарусом и С.Фолкман, выделяющая проблемно-ориентированное решение задачи, а также изменение собственных установок в отношении ситуации или эмоционально-ориентированные способы преодоления, описывает индивидуальные стили поведения человека [13, 14]. Семейное совладание позволяет поддерживать равновесие множества параметров семейной жизни, поэтому имеет специфическое понимание и сложную структуру.

Работы последних лет смещают фокус внимания при изучении совладающего поведения с индивида на группу. Теоретические и прикладные исследования зарубежных психологов свидетельствуют о том, что копинг-поведение не является отдельным, независимым явлением, это неотъемлемая часть сложного, динамического процесса личности, социального окружения и их взаимоотношений [7, 12]. В зарубежной психологии для обозначения социального контекста копинг-поведения широко используется понятие «коллективный/совместный копинг» (*communal coping*).

Наша позиция основывается на интеграции современных концепций стресс-копинг процесса и ведущих положений системного подхода, что позволяет нам полипарадигмально подойти к теоретической разработке конструкта «семейное совладание» и провести ряд исследований, дающих веские аргументы в пользу наших конструктов [9]. Целью настоящей работы было изучение структуры, динамики и форм совладающего поведения в семье.

Методы

В исследовании приняли участие семьи на разных этапах жизненного цикла семьи (молодые семьи, семьи с детьми младенческого и дошкольного возраста, семьи с детьми-подростками), нормально функционирующие и дисфункционально функционирующие семьи, семьи с проблемным членом семьи (семьи, воспитывающие детей с отклонениями в развитии). Всего в исследовании приняли участие 198 семей, в них 148 супружеских пар, возраст супругов 19–51 лет, 90 родителей (в возрасте 21–39 лет), воспитывающих детей с различными отклонениями в развитии.

Для оценки показателей выбора стратегий совладания и механизмов защиты использовались многообразные современные методики, предназначенные для исследования стратегий супружеского и диадического совладания, механизмов психологической защиты, показателей функционирования семьи.

Динамика и вариативность выбора стилей / стратегий совладания супругами

Изучение динамики и вариативности выбора способов совладания супругами на разных этапах семейного развития (от этапа диады / молодой семьи без детей до этапа семьи, воспитывающей подростка) позволило установить, что формы совладания соотносятся с разными уровнями системы семьи: индивидуальным, внутрисемейным и семейным (табл. 1). Так, были выделены и проанализированы три формы совладания: индивидуальный, диадический и семейный (групповой) копинг [4].

Таблица 1

Формы совладания в соотношении с уровнями семейной системы

Уровни системы	Формы совладания	Задачи совладания
Индивидуальная подсистема	<i>Индивидуальный копинг</i>	Обеспечение роста и развития отдельного члена семьи
Внутрисемейная подсистема	<i>Диадический копинг</i>	Поддержание семейной организации и единства семьи (общего и в подсистемах)
Общесемейная подсистема	<i>Семейный копинг</i>	Осуществление контроля внешних / внутренних требований, превышающих уровень доступных семейных ресурсов

Индивидуальный копинг понимается как актуальные (когнитивные, поведенческие и эмоциональные) ответы человека на воспринимаемую угрозу. В случае неудачных попыток индивидуально совладать с ситуацией члены семьи (партнёры) прибегают к выбору диадического или группового (семейного) копинга.

Получены интересные данные, указывающие, что выбор индивидуальных стратегий психологического преодоления соотносится с этапом семейного развития (табл. 2). Совладающее поведение супругов на первом этапе (молодая семья без детей) семейного развития отличается нормативностью в распределении ответственности за решение проблем: мужчины чаще жен фокусируются на проблеме и её разрешении.

Таблица 2

Общие показатели выраженности основных стилей совладания у супругов на разных этапах жизненного цикла семьи

Основные стили совладания	Группы							
	Формирующаяся семья, без детей		Молодая семья на этапе принятия факта появления в семье ребёнка		Семья, воспитывающая ребёнка-дошкольника		Семья, воспитывающая подростка	
	M (SD)		M (SD)		M (SD)		M (SD)	
	жёны n = 27	мужья n = 27	жёны n = 46	мужья n = 46	жёны n = 25	мужья n = 25	жёны n = 50	мужья n = 50
Проблемно-ориентированный копинг	54,4 (11,1)	60,0* (11,4)	55,4 (8,5)	58,3 (7,6)	57,6 (7,1)	58,0 (9,5)	60,7 (8,3)	57,9 (9,2)
Эмоционально-ориентированный копинг	45,6 (9,3)	45,2 (9,7)	43,6** (9,6)	37,1 (9,0)	45,0* (11,7)	36,3 (8,7)	41,6* (8,9)	37,5 (8,6)
Копинг, ориентированный на избегание	35,6 (9,2)	35,2 (6,8)	41,0 (8,5)	40,2 (8,2)	38,7 (9,7)	37,0 (8,2)	43,7*** (9,1)	38,1 (9,1)
Отвлечение	17,7 (4,5)	17,2 (4,0)	17,0 (5,5)	17,5 (5,2)	16,5 (5,4)	16,0 (4,5)	19,3* (5,1)	17,2 (4,7)
Социальное отвлечение	11,5 (3,3)	10,9 (2,3)	15,4 (3,1)	14,6 (2,9)	14,8 (3,3)	13,8 (3,6)	16,0*** (3,4)	13,7 (3,4)

Примечания: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$ (критерий Манна-Уитни). M — среднее значение, SD — стандартное отклонение.

Интересен тот факт, что мужчины в зрелости (на этапе семьи, имеющей подростка) уходят от активного разрешения проблем (*проблемно-ориентированный копинг*), в отличие от женщин. *Отвлечение* внимания от трудностей и проблем и фокусирование на собственных переживаниях (*самообвинение*) становится предпочтительным на более зрелом этапе семейного развития (этап семьи с подростком). В то же время *эмоциональное реагирование* в трудной ситуации с переходом семьи к зрелости супруги выбирают реже.

Диадический копинг рассматривается как копинговые усилия одного из партнёров, направленные на улучшение, усиление функционирования другого партнёра и их взаимоотношений [12].

Результаты наших исследований (табл. 3) позволили констатировать, что позитивный стиль, направленный на улучшение эмоциональных отношений в паре, приходится на более ранние этапы семейной жизни и чаще выбирается в семьях мужьями, чем жёнами.

Таблица 3

Общие показатели выраженности копинг-стратегий у супругов на разных этапах жизненного цикла семьи

Копинг-стратегии в супружестве	Группы							
	Формирующаяся семья, без детей		Молодая семья на этапе принятия факта появления в семье ребёнка		Семья, воспитывающая ребёнка-дошкольника		Семья, воспитывающая подростка	
	M (SD)		M (SD)		M (SD)		M (SD)	
жёны n = 27	мужья n = 27	жёны n = 46	мужья n = 46	жёны n = 25	мужья n = 25	жёны n = 50	мужья n = 50	
Конфликтный стиль	33,6 (8,1)	31,5 (9,1)	35,1** (8,4)	30,3 (7,5)	33,4 (6,7)	36,2** (6,8)	37,8* (9,2)	33,8 (9,5)
Самообвинение	37,8* (7,7)	32,7 (8,2)	39,1*** (10,2)	32,6 (6,6)	37,7 (9,9)	32,6 (6,4)	42,9** (9,3)	37,5 (8,1)
Позитивность	47,8 (7,9)	50,3* (6,6)	42,6 (9,5)	44,4* (7,5)	42,2 (8,0)	42,1 (5,4)	37,9 (7,8)	41* (8,7)
Эгоистичный стиль	21,2 (4,4)	23,3 (4,8)	21 (5,1)	22,6 (4,6)	21,0 (3,1)	20,2 (4,2)	23,6 (5,1)	23,2 (4,5)
Избегание	27 (4,8)	27,2 (4,5)	28,1 (4,6)	29,6 (4,7)	28,5 (4,4)	30,6* (3,3)	28,4 (5,1)	29,3 (5)

Примечания: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$ (критерий Манна-Уитни). M — среднее значение, SD — стандартное отклонение.

Жёны в семьях, ожидающих появления ребёнка и имеющих дошкольника, чаще мужей в трудных ситуациях склонны к *личному общению* в стрессовой ситуации.

Важнейшим результатом исследования диадического копинга является дополнение существующих представлений о его типологии. Так, было выделено две формы копинга: симметрический и комплементарный диадический [8]. *Симметрическое копинг-поведение партнёров* выражается в сходном выборе стратегий совладания. При *комплементарном копинге* один из партнёров находится в более *успешной / адаптивной* позиции по сравнению с другим.

Семейный копинг рассматривается как взаимодействие и объединение копинг-усилий членов семьи, что помогает создать более функциональную зависимость между требованиями среды и семьи. Семейный копинг является единым процессом с участием обоих партнёров, включающим индивидуальные и диадические стили совладания каждого из супругов.

На основе факторного анализа мы выделили три стиля семейного coping:

1) стиль «эмоциональной направленности супруга» в структуре семейного совладания, включающий фокусирующиеся на эмоциональных проявлениях стратегии совладания со своими негативными переживаниями и тревожными мыслями о травмирующих событиях (уход от развивающегося конфликта); ориентацию на личные интересы и потребности; проявление настойчивости при решении проблем и погружение в эмоции;

2) стиль «семейная эмоциональная регуляция — проблемно-ориентированность», направленный на отстранение от себя и изменение трудной ситуации путём поиска средств её преодоления, рассматривается как групповой стиль совладания семьи;

3) стиль «семейной эмоционально-позитивной включённости», проявляющийся в обращении в трудной ситуации к эмоциональной составляющей супружеских отношений путём демонстрации супругами чувств, переживаний и физической привязанности по отношению друг к другу, что отражает специфичность совладания в семье как целостной структуре, основанной на близких эмоциональных отношениях.

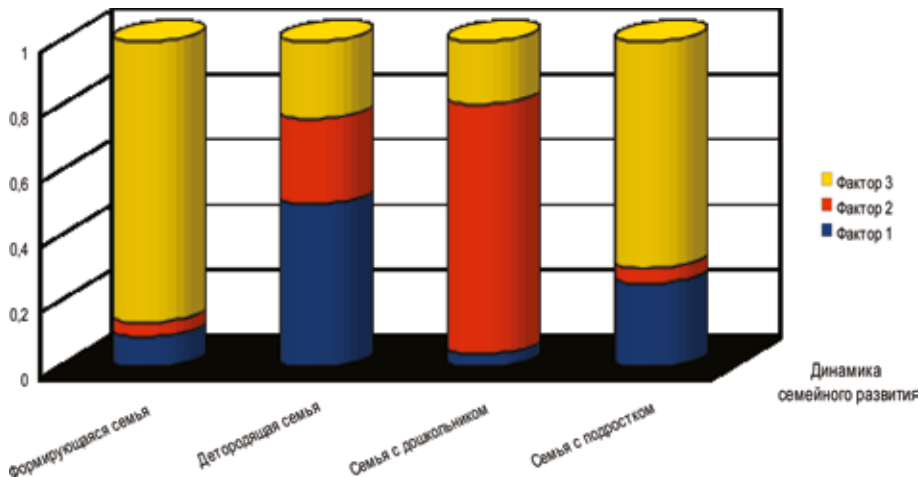

Рис. 1. Вклад стилей семейного совладания в совладающее поведение на разных этапах жизненного цикла семьи

Примечание. Фактор 1 — стиль «эмоциональная направленность супруга»; фактор 2 — стиль «семейная эмоциональная регуляция — проблемно-ориентированность»; фактор 3 — стиль «семейной эмоционально-позитивной включённости».

Результаты позволили нам установить (рис. 1), что стиль «эмоционально-позитивной включённости» наиболее выражен на этапе формирования семьи и семьи, имеющей ребёнка-подростка. На этапе детородящей семьи наибольшим весом обладает стиль «эмоциональной направленности супруга»: в ситуации ожидания и появления ребёнка характерно осознание мужчинами ощущения незаменимости в решении многих вопросов. Наибольший вес стиля «семейная эмоциональная регуляция — проблемно-ориентированность» установлен на этапе семьи, имеющей ребёнка-дошкольника, что позволяет справиться с кризисами личностного развития супругов.

Можно сделать вывод, что выявленный вес того или иного семейного стиля совладания обусловлен задачами семейной жизни и нормативной ситуацией семейного кризиса, что позволяет семье функционировать.

Психологические защиты и стратегии совладания в супружеской паре: поиск интеграции

Классические и современные психологические подходы ориентированы на поиск единых механизмов человеческой адаптации, выделение общей направленности защитных и совладающих стратегий на разрешение субъективно сложной ситуации [1, 2].

Концепция копинг-стратегии происходит от социально-психологической традиции, тогда как концепция защитных механизмов — от психоаналитической. Стратегии совладания относятся к мыслям и действиям индивида, которые применяются для управления внутренними или внешними потребностями либо одновременно обеими, которые снижают или увеличивают их психологические возможности [14]. Напротив, механизмы защиты определяются как автоматические и ненамеренные психологические процессы, которые защищают человека от беспокойства осознания внутренней / внешней стрессовой ситуации.

Полученные нами результаты свидетельствуют о двух вариантах связи копинг-стратегий и психологических защит: адаптивном и неадаптивном пути решения жизненных трудностей. Результаты показывают, что зрелые защитные механизмы и стратегии «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы» положительно ассоциируются с семейным приспособлением. Это означает, что чем функциональнее семья, тем в большей степени партнёры способствуют передаче информации в супружеской подсистеме; стараются изменить свои агрессивно направленные усилия и мысли; позитивно настроены в отношениях с супругом; стараются смотреть на позитивную сторону вещей; прилагают совместные усилия

к преодолению трудностей. В итоге, чем больше супруги чутки к чувствам партнёра, демонстрируют просоциальное поведение, предпринимают намеренные действия, чтобы изменить ситуацию и стараются быть оптимистами при столкновении с семейными трудностями, тем в большей степени они приспособлены к семейной жизни.

Полученные результаты показывают также, что незрелые защитные механизмы и стратегии «дистанцирование», «бегство — избегание» негативно соотносятся с семейной функциональностью. Это означает, что чем больше супруги недовольны своей семейной жизнью, тем более они становятся агрессивными при столкновении с трудностями; действуют импульсивно, если что-то их беспокоит; стараются избегать решения общих проблем; стремятся скрыть свои чувства. Это означает, что поведение и сознание, которое создаёт или увеличивает напряжение между супругами, ограничивает регуляционные и восстановительные процессы в семье, усиливает внутрисемейное напряжение и дисфункциональность.

Изучение вклада индивидуальной устойчивости в устойчивость семьи

Рассмотрение устойчивости в контексте семьи побуждает изучать вклад устойчивости каждого партнёра. Мы исследовали связи характеристик индивидуальной устойчивости и показателей, характеризующих устойчивость семьи [11].

Корреляционный анализ значимых связей показал, что семейная сплочённость, адаптация и функциональный ресурс семьи связаны с выбором супругами копинг-стратегий в ситуации стресса. Наличие в семье единства и общих друзей, близкие отношения между супругами, схожесть взглядов, совместное принятие решений (что характеризует семейную устойчивость) способствуют продуктивному совладанию супругов с трудностями (рис. 2).

Таким образом, проведённое исследование показало, что устойчивость семьи к трудностям связана с такими характеристиками супругов, определяющими индивидуальную устойчивость, как базовое доверие к миру (вовлечённость); контроль эмоций и поведения в трудной жизненной ситуации; направленность на взаимодействие с социальным окружением (поиск социальной поддержки); активное решение проблемы (планирование решения проблемы) (рис. 3).

Сопряжённость характеристик индивидуальной устойчивости с параметрами семейной сплочённости и функциональным ресурсом семьи позволяет сделать вывод о влиянии индивидуальной устойчивости супругов на функциональность семьи и сохранение её целостности в трудных жизненных ситуациях.

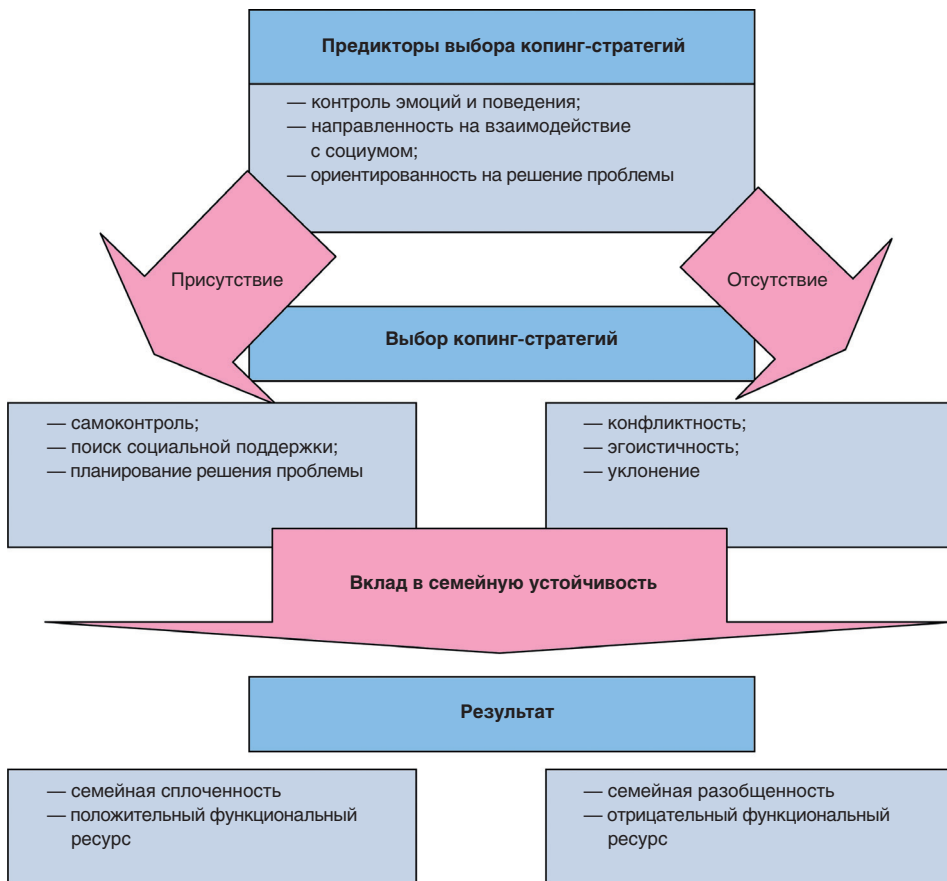

Рис. 2. Схема вклада индивидуальной устойчивости в устойчивость семьи

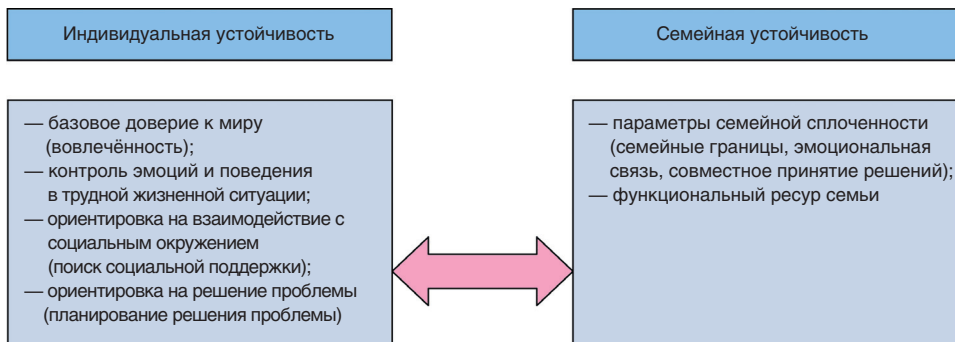

Рис. 3. Взаимосвязь индивидуальной и семейной устойчивости

Как показало краткое обобщение экспериментальных исследований, поле научных проблем психологии семейного совладания достаточно широкое как

по решаемым задачам, так и по разнообразию изучаемых ситуаций. Обращение к совладающему поведению сквозь призму семейного развития и функционирования позволяет говорить о том, что оно порождается семейными элементами. Поэтому семейное совладание необходимо рассматривать как механизм поддержания / неподдержания или порождения целостности и равновесия множества параметров семейной жизни. Концептуализация и эмпирическая разработка психологии семейного совладания и устойчивости открывает новые перспективы для детального изучения и углублённого осознания психологических механизмов организации, саморегуляции и восстановления семейного функционирования в различных стрессогенных событиях.

Литература

1. Абитов И.Р. Особенности совладания со стрессом в норме и при психосоматических и невротических расстройствах // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 86–96.
2. Ветрова И.И. Сравнение динамики психологических механизмов регуляции поведения (совладания, психологических защит и контроля поведения) // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2009. Т. 15. № 4. С. 23–32.
3. Куфтяк Е.В. Изучение устойчивости в развитии семьи // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 2 / Отв. ред. А.Л.Журавлёв, В.А.Кольцова. М.: Изд-во ИП РАН, 2012. С. 294–296.
4. Куфтяк Е.В. Концепция семейного совладания: основные положения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 5 (16). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 02.04.2014).
5. Куфтяк Е.В. Психология семейного совладания: Монография. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2010.
6. Куфтяк Е.В. Психология семьи: регуляция и защита: Монография. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2011.
7. Психология семьи: стресс, совладание и устойчивость: Монография / Под ред. Куфтяк Е.В. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012.
8. Куфтяк Е.В. Развитие психологии семейного совладания // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2013. № 3. Т. 19. С. 139–144.
9. Куфтяк Е.В. Семейное совладание: концептуальные положения и исследование // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 16–31.
10. Никольская И.М. Клиническая психология семьи: основные положения. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 4. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 02.03.2014).

11. Сизова М.А. Связь семейной устойчивости с совладающим и защитным поведением супругов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова: Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2013. Т. 19. № 2. С. 107–110.
12. Bodenmann G. Dyadic coping and its significance for marital functioning // Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping / Eds. T.A.Revenson, K.Kayser, G.Bodenmann. Washington: DC: American Psychological Association, 2005. P. 33–49.
13. Folkman S., Moskowitz J.T. Coping: pitfalls and promise // Annu. Rev. Psychol. 2004. Vol. 55. P. 745–774.
14. Lazarus R.S. Stress Appraisal and Coping / R.S.Lazarus, S.Folkman. N. Y.: Springer, 1984.

**С.Д.Поляков, И.А.Семикашева,
Г.А.Стрюкова***

Повседневная деятельность современного учителя: опыт междисциплинарного исследования

В статье приводятся результаты междисциплинарного исследования повседневной профессиональной деятельности современного российского учителя. Анализируются представленность профессиональных действий в сознании педагогов; различия видения учебной реальности учителями, учениками и квалифицированными наблюдателями; личностные предпосылки педагогов, предрасполагающие к определённому видению своих профессиональных действий.

В социологии образования выделяют, как правило, три области исследований: социологию образования как социальной подсистемы, социологию педагогов как социальной группы, *социологию педагогической деятельности*.

Такое понимание структуры социологии образования позволяет различать проблематику исследований, посвящённых собственно социологическим явлениям, закономерностям, прежде всего изучению места и функций образования в социальной реальности, и проблематику анализа социологических закономерностей *внутриобразовательных* явлений процессов.

Одним из предметов «внутренней» части социологии образования является социология педагогической деятельности: изучение особенностей и распространённости тех или иных форм и методов педагогической работы, их типологии и массовой трансформации.

* **Поляков Сергей Данилович** — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета (УлГПУ) им. И.Н.Ульянова, руководитель проекта «Теоретические и эмпирические основы социолого-педагогического анализа повседневной профессиональной деятельности педагогов общеобразовательной школы». (13-06-00710).

Семикашева Инна Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии УлГПУ им. И.Н.Ульянова, исполнитель того же проекта.

Стрюкова Галина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии УлГПУ им. И.Н.Ульянова, исполнитель того же проекта.

В статье использованы данные членов исследовательской группы П.Г.Аверьянова и Н.С.Кривцовой. Авторы благодарят коллег за возможность использования их научных разработок.

Но существующие социологические исследования современного российского учительства акцентируют своё внимание не на профессиональной деятельности учителей, а на социальном статусе педагогов, их социальном самочувствии, ценностях, отношении к изменениям в образовании. Социологическому и социолого-педагогическому анализу собственно педагогического, точнее педагогическо-технологического, аспекта деятельности учителей (распространённости тех или иных способов педагогической работы, отражении их в массовом сознании педагогов и учащихся) уделяется гораздо меньше внимания, чем другим темам социологии образования.

Недостаточность относительно достоверных данных о повседневной массовой профессиональной деятельности современных педагогов затрудняет и решение ряда проблем управления образованием. Это касается как управления педагогическими процессами в масштабах образовательной организации, так и вопросов управления образовательной сферой в масштабах региона, страны, в частности — в связи с введением ФГОС общеобразовательной школы.

Нельзя сказать, что такие исследования полностью отсутствуют.

Но проблема не только в редкости исследований повседневной деятельности учительства, но и в их методологической непроработанности. Не обозначен отчётливо даже предмет такой работы.

В каком смысле должна трактоваться педагогическая деятельность:

— Как наблюдаемая экспертами сторона действий педагога?

— Как представления учителей о своей повседневной деятельности?

— Как воспринимаемая и осознаваемая школьниками сторона педагогического труда?

В имеющихся обследованиях массового учительского труда эти аспекты деятельности педагогов, как правило, не разводятся.

Наше исследование претендует на расширение как теоретического, так и эмпирического «поля» анализа повседневной профессиональной деятельности педагогов в средних общеобразовательных учреждениях. Предмет нашего исследования — массовая повседневная профессиональная деятельность педагогов общеобразовательных учреждений.

Основная гипотеза исследования: междисциплинарный подход к предмету исследования, использование идей и методов социальной антропологии, социологии образования, психологии идентичности предположительно позволит выявить объективные и субъективные характеристики повседневной профессиональной деятельности педагогов общеобразовательных учреждений, ранее не рассматривавшиеся в педагогической науке.

Базовая модель предмета нашего анализа метафорически выглядит как «тризеркалье»: отражение деятельности педагогов в профессиональном

сознании самого учителя, отражение его действий в сознании учеников, непосредственно контактирующих с данным педагогом, и отражение профессиональной деятельности учителей в «зеркале» непосредственного восприятия членов исследовательской группы.

С точки зрения используемой нами методологии все три образа равноправно участвуют в построении социолого-педагогической картины массовой повседневной профессиональной деятельности педагогов общеобразовательных учреждений.

С целью уточнения, какие именно аспекты педагогической деятельности рассматриваются в современных психологических и педагогических исследованиях, были проанализированы учебные книги по педагогической психологии и педагогике, статьи в психологических и педагогических журналах, материалы докторских психологических и педагогических исследований [1, 2].

Основные итоги этого анализа:

— В ряде как педагогических, так и психологических учебных изданий педагогическая деятельность как теоретический конструкт вообще не описывается (!).

— В значительном числе учебных книг и статей педагогическая деятельность трактуется не как деятельность в психологическом смысле этого понятия, а как синоним педагогического труда или, в другой терминологии, профессиональной работы педагога.

— В ряде учебников по педагогической психологии педагогическая деятельность рассматривается как *взаимодействие* или *воздействие*, а не как система действий.

Наиболее обширный анализ концепций педагогической деятельности и её структуры в учебной литературе проведён И.Ф.Демидовой. Автор выделяет структурно-функциональный подход (основная характеристика — соотношение качеств личности и требований к профессии), концепции, акцентирующие формирование индивидуального стиля деятельности, и концепции, основанные на общепсихологической теории деятельности.

Из проанализированных докторских диссертаций, посвящённых психолого-педагогическим аспектам личности и деятельности учителя, наиболее корреспондируют с темой нашего исследования (выявление действий «массового» педагога в их соотношении с образами этих действий в сознании педагогов и учащихся) представления М.Н.Фроловской [3] о профессиональном образе мира как детерминанте педагогической деятельности и тезис А.П.Фомина [4] о селекции прецедентов педагогической практики для конкретной социальной ситуации.

Анализ данных источников в их соотношении с предметом нашего исследования позволил нам сформулировать рабочее определение педагогической деятельности. *Педагогическая деятельность есть система (комплекс) действий педагога, направленных на достижение учебных (воспитательных) результатов в соответствии с профессиональной позицией педагога, его жизненными и профессиональными ценностными ориентациями, мотивами педагогической деятельности, установками, реализуемыми в контексте культуры образовательной организации.*

Исходя из данного определения, изучение педагогической деятельности (в рамках нашего исследования) — это выявление действий педагога в их соотношении с образами этих действий в сознании педагогов и учащихся.

Но о каких действиях учителя идёт речь, ведь классификация профессиональных действий педагога может быть проведена на основе различных параметров:

- обращённости к отдельным учащимся или группам;
- содержания действий (для обучения — предметного содержания, для воспитания — тематического содержания воспитательных акций);
- степени стимулирования действиями педагогов активности учащихся.

В нашем исследовании мы будем использовать последний подход.

В рамках данной классификации мы выделяем типы действий педагогов: *стимулирующие относительную пассивность учащихся*, проявляющуюся в восприятии, запоминании, действиях репродуктивного характера, и *стимулирующие относительную активность*, проявляющуюся в интеллектуальном и социальном мышлении.

Педагогическо-методическими предпосылками стимулирования относительной пассивности являются традиционные (трансляционные, репродуктивные) методы педагогической работы.

Образ учителя в этой традиции складывается из представлений об учителе как об источнике информации и носителе образцов действий.

Образ «правильного» учащегося в этой традиции репрезентует школьника как человека, стремящегося в той или иной мере освоить предъявляемые знания и действия (как умения) в том виде, как они предъявляются педагогом.

Представление о базовых психологических условиях успешности деятельности педагога в данной традиции — это доверие к учителю как источнику информации и носителю образцов действий и доверие к самим знаниям и способам действий.

Педагогическо-методическими предпосылками стимулирования относительной активности выступают «активные», относительно нетрадиционные (проблемные, кооперативные, проектные) методы педагогической работы.

Образ учителя в этой традиции складывается из представлений об учителе как об организаторе деятельности учащихся, носителе возможных способов этой деятельности и личного отношения к содержанию организуемой деятельности (Г.А.Цукерман).

Образ «правильного» учащегося в этой традиции репрезентует школьника как человека, стремящегося в той или иной мере освоить способы предлагаемой деятельности и выработать личное отношение к предлагаемым знаниям (открыть личные смыслы осваиваемых знаний и действий).

Представление о базовых психологических условиях успешности деятельности педагога в данной традиции — это доверие к умениям учителя как организатора и регулятора деятельности учащихся и интерес к выявлению индивидуальных смыслов содержания организуемой деятельности.

Опираясь на данную характеристику типов педагогической деятельности, мы, проведя экспертную работу в форме фокус-групп учителей, группового интервью студентов педагогических вузов и пилотажных, пробных исследований, разработали модели деятельности «традиционного учителя» и деятельности учителя, стимулирующего активность учащихся [5].

К базовым действиям «традиционного» педагога как учителя мы отнесли опрос по изученному дома материалу; выполнение тренировочных заданий, упражнений; письменную проверку знаний (контроль); рассказ нового материала учителем; оценивание работы учеников на уроке и ряд других.

К базовым действиям педагога, стимулирующего активность учащихся, мы отнесли организацию работы в микрогруппах; разработку и обсуждение с учениками цели и плана урока; организацию работы в парах; организацию проблемной учебной дискуссии; организацию учебного самооценивания и взаимооценивания и ряд других.

Конкретизация гипотезы исследования в этой части работы формулировалась так: в массовой практике в сознании учителей 6–9 классов представлены, прежде всего, часто используемые ими формы, приёмы действий «традиционных педагогов». Распространённость такого типа действий учителей в их сознании ожидалась не менее чем в 70% от всех представленных в сознании действий.

Эмпирическая часть исследования, излагаемая в данной статье, имела три задачи и, соответственно, три метода исследования:

1) Выявление представленности учебно-организующих действий учителя на уроке в массовом педагогическом сознании (метод — бланковый опрос).

2) Выявление в идений учебно-организующих действий учителя на уроке: самим учителем, учениками и квалифицированными наблюдателями (методы: бланковый опрос, интервью, структурированное наблюдение).

3) Анализ личностных особенностей учителей как предпосылок преимущественной ориентировки на действия, стимулирующие относительную пассивность, и на действия, стимулирующие относительную активность учеников (методы: бланковый опрос, тест Роршаха).

В первой части исследования приняли участие учителя, работающие в 6–9 классах общеобразовательных школ 20 регионов (географический масштаб опроса — от Республики Карелии до Сахалинской области).

В обработку приняты результаты 1730 респондентов.

Опрос учителей был посвящён выявлению частоты использования на уроках приёмов организации учебной работы, стимулирующих относительно пассивную позицию учащихся (их активность, прежде всего, перцептивного плана) и стимулирующих относительно активную позицию (активность деятельностного плана) [6].

Учителям предлагалось оценить, насколько часто они используют на своих обычных уроках формы, приёмы организации действий учеников, заданные в бланке.

При этом для каждого из приёмов (форм) предлагалось выбрать оценку, отражающую частоту применения соответствующего приёма. Предлагался следующий «набор» оценок: применение соответствующего приёма более чем на 80% уроков, на 50–80% уроков, на 30–50% уроков, на 10–30% уроков, менее чем на 10% уроков.

Результаты опроса:

1. «Видят» более чем на половине своих уроков формы работы, стимулирующие относительную пассивность, — 60,3% учителей, формы, стимулирующие относительную активность — 42,2% учителей. Применение критерия ϕ -Фишера показало, что это различие статистически достоверно на 1%-м уровне значимости (расчётное $\phi = 10,71$).

2. При использовании более «сильных» границ (применение данного приёма, формы более чем на 80% уроков) «видят» на своих уроках формы работы, стимулирующие относительную пассивность, — 29,6% учителей, «видят» формы, стимулирующие относительную активность, — 12,0%. Применение критерия ϕ -Фишера показало, что это различие статистически достоверно на 1%-м уровне значимости (расчётное $\phi = 13,05$).

Эти данные позволяют сделать вывод: в современной массовой практике ведения уроков в 6—9 классах «пассивные» приёмы называются учителями статистически достоверно чаще, чем «активные».

Этот вывод справедлив по отношению к использованным выборке и методике исследования.

Ещё раз акцентируем, в силу метода и методологической ориентации исследования речь идёт не о реальной частоте называемых в исследовании приёмов организации учебной работы, а об их представленности в сознании учителя. Тем не менее, преобладание пассивных приемов организации учебной деятельности, даже в субъективной реальности педагога, может указывать на слабую представленность «идеологии» деятельностного подхода в обучении, на который ориентируется Федеральный государственный стандарт общего образования.

Но как это в идение педагогами своих уроков соотносится с реальностью? Попытка ответа на этот вопрос — вторая часть нашего исследования.

Метод этой части работы — тройная оценка одних и тех же уроков: учителем (в форме интервью), учениками (в форме бланкового «экспертного» листа) и двумя подготовленными наблюдателями. Во всех оценках предъявлялся список форм, приёмов работы на уроке, который использовался в массовом опросе.

Перед учениками, учителем и наблюдателями ставилась одна и та же задача — отмечать факт использования на уроке каждой формы, приёма.

Называние данной формы (приёма) считалось исследовательским фактом в интервью учителя, если он указывал конкретный приём как реализованный на уроке.

Фактом в опросе учащихся считалось называние более 73% учеников данного класса конкретного приёма учебной работы как реализованного на данном уроке (эта граница была введена на основе процедуры выделения статистически значимого большинства в групповых опросах с применением критерия Фишера).

В наблюдении конкретный приём (форма) учебной работы на уроке считалась фактом, если её указывали оба (работающих независимо друг от друга) наблюдателя. Таким образом зафиксированный результат наблюдения в рамках нашего исследования считался фактом педагогической реальности.

Всего были проанализированы 35 уроков. По итогам опроса учеников к обработке были приняты 694 бланка.

Число совпадений фактов реальности (оценки «наблюдателей») от числа приёмов (форм), представленных в сознании учителей, — 72,2%,

т.е. педагоги «видели» на 27,8% больше «фактов», чем наблюдатели.

Ещё больше разница между оценками наблюдателей и «в идением» учеников — только 50,3% совпадений. Ученики «видят» на 49,7% больше фактов действий учителей, чем наблюдатели.

Эти данные позволяют сделать вывод по второй части исследования: учителя, школьники и наблюдатели «видят» реальность урока неодинаково.

В третьей части исследования сравнивались глубинные психологические характеристики учителей (использовался тест Роршаха в модификации М.А.Ассанович, J.Ехner [7, 8]), «видящих» чаще на своих уроках «активные» формы, и учителей, выделяющих «пассивные» формы (по данным бланкового опроса).

Кластерный анализ, применённый к полученным данным, показал, что группа учителей, «видящих» на своих уроках больше активных форм (АП), характеризуется более благоприятными параметрами, отражающими уровень их личностной и профессиональной самоактуализации. Учителя, «видящие» в большей мере пассивные формы организации урока (ПП), демонстрируют личностные особенности, которые не только ограничивают их профессиональный уровень, но и не способствуют полноценной личностной самореализации.

В качестве таких особенностей выделим нарциссизм, самопоглощённость, стремление к когнитивному упрощению восприятия реальности, отсутствие интереса к другим людям и трудности в понимании мотивов поступков в межличностном общении. Однако показатель депрессии (который в целом был выявлен у большого числа испытуемых во всей выборке) оказался выше у учителей, использующих активные приёмы педагогической деятельности.

Возможным объяснением данного факта являются выявленные М.Селигманом закономерности восприятия реальности депрессивными людьми [9]. В его исследовании была обнаружена связь депрессии с более реалистичными представлениями о жизни. Таким образом, мы можем предположить, что отсутствие такой мощной защитной стратегии, как упрощённое восприятие реальности, приводит к более глубокому пониманию и переживанию реальности, что, в свою очередь, отражается на эмоциональном состоянии групп учителей АП. Кроме этого, следует учесть и фактор эмоционального выгорания, которое развивается вследствие постоянных психологических нагрузок от интенсивного межличностного взаимодействия. Если учителя группы ПП организуют данное взаимодействие, не затрагивая глубокий уровень личностного общения и не вовлекаясь в него эмоционально, то учителя группы АП затрачивают значительное

количество личностных ресурсов — как когнитивных, так и эмоциональных, что не может не сказываться на их психологическом функционировании.

Представляется, что обсуждаемые параметры имеют важное значение для организации практической психологической работы с учителями.

Вероятно, обе группы учителей могут нуждаться в психологической помощи.

Для группы учителей ПП было бы полезно организовать серию тренингов личностного роста и самоактуализации для развития навыков кооперации, преодоления личностных конфликтов и барьеров, препятствующих установлению полноценных отношений с людьми.

Учителя группы АП могут нуждаться в восполнении ресурсов, и для них могут быть полезны тренинги или индивидуальные занятия, направленные на обучение методам коррекции негативных эмоциональных состояний и обретению ресурсных состояний.

Выводы:

1. В научной (и учебной) педагогической, социологической и психолого-педагогической современной литературе исследований и описаний педагогической деятельности, опирающихся последовательно на известные психологические концепции деятельности, недостаточно. Такие исследования — скорее исключение из общей массы научной литературы, чем правило.

2. Исследование показало, что — в рамках использованных выборок — в сознании педагогов преобладают формы организации учебной работы, стимулирующие пассивные позиции школьников по отношению к учебному содержанию. Правда, распространённость такого типа действий в сознании учителей оказалась несколько меньше (60,2%), чем ожидаемая (70%).

3. В сознании учителей (в рамках нашего исследования) урок представлен большим числом форм и приёмов учебной работы, чем их существует в оцениваемой педагогической реальности. Ещё больше эта разница заметна при сравнении «в идений» урока школьниками и наблюдателями.

4. Исследование глубинных психологических характеристик учителей показало их различие у педагогов, ориентированных на стимулирование относительно пассивной и относительно активной позиций школьников.

5. Наше исследование подкрепляет эмпирическими данными необходимость решительной перестройки педагогического образования в соот-

ветствии с деятельностной «идеологией» ФГОС [10] и свидетельствует о слабой готовности учителей подростковых классов к ожидаемому в 2014–2018 гг. внедрению ФГОС в основной школе.

Примечания

1. Временной диапазон анализа — преимущественно 2003–2013 гг. Общее число проанализированных изданий (учебников, статей, диссертаций) — 72.
2. Аверьянов П.Г., Кривцова Н.С., Поляков С.Д., Семикашева И.А., Стрюкова Г.А. Представление о педагогической деятельности в психологической и педагогической литературе // Повседневная профессиональная деятельность современного учителя. Материалы исследования / Под ред. С.Д.Полякова, И.А.Семикашевой. Ульяновск: УлГПУ, 2013.
3. Фроловская М.Н. Становление профессионального образа мира педагога / Автореф. дисс... докт. пед. н. Новокузнецк, 2011.
4. Фомин А.П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности: Автореф. дисс... докт. филос. н. СПб., 2009.
5. Работа велась с участием членов студенческой лаборатории «Антропология школы — 2». Авторы выражают благодарность студентам, членам лаборатории.
6. Использовался список из 14 приёмов (7 «пассивных» и 7 «активных»), в том числе тех, которые приведены в описаниях «традиционного» педагога и педагога, стимулирующего активность школьников.
7. Ассанович М.А. Тест Роршаха на основе адаптированной Интегративной Системы Экснера: теоретические и прикладные аспекты // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 4.
8. Exner John E. The Rorschach: A Comprehensive System. Vol. 1. Basic Foundations and Principles of Interpretation. 4th edition. John Wiley & Sons. N.Y., 2003.
9. Селигман М. Как научиться оптимизму. М.: Альпина Паблишер, 2013.
10. Маргулис А.А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога: предложения к реализации деятельностного подхода в подготовке педагогических кадров // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» Psyedu.ru. 2014. № 2.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вл.В.Седов*

Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря

В 2013 г. Новгородский архитектурно-археологический отряд Новгородской археологической экспедиции ИА РАН при поддержке РГНФ начал работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (фото 1). Разведочные работы принесли главное — уверенность в том, что в восточной половине собора, относящегося к ключевым памятникам новгородского зодчества начала XII в., сохранились конструкции того времени и декоративные фресковые композиции на стенах, а также, что в подсыпках под позднейшими полами собора содержится большое количество фрагментов первоначальной фресковой живописи.

В 2014 г. раскопки были проведены внутри собора на большой площади. Эти работы принесли исключительный по значимости научный результат. В восточной части собора были открыты большие участки первоначального пола, несколько редчайших богослужебных конструкций (основания иконостаса, престолы, синтрон), целый комплекс декоративных фресок XII в. на стенах и десятки тысяч фрагментов сбитой росписи XII в., из которых состояла подсыпка под пол собора 1820-х гг., поднятый на высоту более одного метра относительно первоначального уровня. Среди этих фрагментов наиболее яркими находками являются обломки с ликами святых и других персонажей росписи (их найдено более десятка — и это не считая отдельных фрагментов с частями лиц), а также обломки с надписями-граффити, иногда очень пространственными и подробными, иногда содержащими лишь обрывок надписи — несколько букв.

Первому описанию этих находок археологического сезона 2014 г. и посвящена настоящая статья.

До этого археологические работы проводились в соборе и рядом с ним в 1930-е (М.К.Каргер) и 1970-е гг. (Вал.А.Булкин). М.К.Каргер снял поздние наслоения в западной части собора и понизил до уровня пола XII в. значительную часть внутреннего пространства. Раскопки останавливались на уровне пола из крупных плит или, где этих плит не было, — на уровне известково-цемяночной заливки под этот пол. Ниже этой поверхности раскопки проводились только там, где древний пол был нарушен погребениями [1].

* **Седов Владимир Валентинович** — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, руководитель проектов «Пантелеймоновский, Благовещенский и Воскресенский монастыри в Великом Новгороде. Археологические исследования» (13-01-18080е) и «Юрьев, Пантелеймоновский, Воскресенский на Мячине монастыри в Великом Новгороде. Археологические исследования» (14-01-18073е).

Фото 1. Георгиевский собор Юрьева монастыря.
Вид с юго-востока

В процессе раскопок М.К.Каргер обнаружил много фрагментов первоначальной фресковой росписи, некоторые из них сохранили части ликов святых или полные изображения ликов.

Статья М.К.Каргера о раскопках 1933–1935 гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (фото 2) стала одним из важнейших источников по истории культуры, архитектуры и живописи Древней Руси. В 1950-е гг. в соборе устроили музей, в котором демонстрировались древние погребения, вернее, их саркофаги. В.Л.Янин, отталкиваясь от работы М.К.Каргера и проведя дополнительный осмотр находящихся в соборе экспонированных погребений, опубликовал материал по некрополю Георгиевского собора [2].

Материалы небольшого раскопа Вал.А.Булкина, расположенного у северного портала собора, не были, насколько нам известно, опубликованы.

Фото 2. Интерьер Георгиевского собора до раскопок.

Вид с запада

В дальнейшем материалы по фресковой росписи собора публиковал В.Д.Сарабьянов. В отдельной работе, посвящённой фрескам основного объёма собора, до сих пор известным по немногим фрагментам, довольно сильно отличающимся от фресок в лестничной башне того же собора (результат изучения росписи лестничной башни В.Д.Сарабьянов представил в отдельной статье [3]). Исследователь говорит о двух манерах письма ликов в основном объёме собора [4]. Первая манера связана с более характерной для византийской живописи XI в. системой тонкого и сплавленного письма в сочетании с крупной пластической моделировкой и находит аналогии в других новгородских росписях начала XII в.; тогда как вторая манера, свободная и графическая, а также рельефная и контрастная, для других

новгородских росписей начала XII в. совсем не характерна, она находит себе продолжение в новгородском искусстве середины XII в., времени архиепископа Нифонта. В.Д.Сарабьянов говорит о том, что эта вторая манера преобладала в росписи Георгиевского собора, а также предполагает, что «роспись в пропорциональном отношении была довольно мелкого масштаба и, по всей видимости, имела подробную повествовательную программу».

Специальную статью, посвящённую обновлению Юрьева монастыря при архимандрите Фотии (1822—1838 гг.), опубликовал К.И.Маслов, который привёл новые архивные сведения, касающиеся перестройки и росписи собора в 1820-е гг. [5].

Отметим также статью В.Д.Сарабьянова о судьбе фресок Георгиевского собора, в которой рассказывается о том, как при архимандрите Фотии в 1820 г. были сбиты первоначальные фрески, о том, как роспись времени Фотия была записана и сбита в начале XX в., а также о тех фрагментах первоначальной росписи, в том числе с ликами, которые были обнаружены при разборке засыпки пазух сводов стоящего к востоку от Георгиевского собора Орловского корпуса, сооружённого в 1820-е гг. [6]. В статье содержится предположение о том, что новые фрагменты фресок могут быть обнаружены в разных местах монастыря в подсыпках, содержащих остатки сбитой росписи XII в. Это предположение полностью оправдалось.

Результаты работ 2014 г. никак нельзя назвать окончательными, хотя бы из-за того, что раскопки, по всей видимости, будут продолжены, а также из-за того, что уже полученные сведения ещё не полностью осмыслены и исследованы. Но уже эти не до конца изученные и совсем не окончательные результаты представляют исключительную ценность, причём как для византийской и древнерусской архитектурной археологии, так и для истории древнерусской живописи и архитектуры, а также истории русской церкви.

Открытый раскопками 2014 г. первоначальный пол Георгиевского собора состоял из крупных известняковых плит небольшой толщины (6—8 см), положенных на известково-цемяночную подготовку, залитую, в свою очередь, на песчаную подсыпку (фото 3). Такие полы в других памятниках новгородского зодчества начала XII в. пока неизвестны (там были полы наливные, известково-цемяночные, иногда с использованием керамических плиток, положенных поверх наливного пола). Пол Георгиевского собора представляет собой уникальное сооружение — как по своей редкости, так и по величине и тщательности обработки использованных для мощения известняковых плит.

Фото 3. Участок в средней абсиде, открытый в 2013 г.

Обнаруженный в средней абсиде собора синтрон (буквально — сопредстолие) — скамья для восседания священников в определённый момент службы — принадлежит к редчайшим образцам богослужебных устройств домонгольского времени. Это невысокая каменная скамья, идущая по периметру абсиды. В средней его части располагался епископский трон, который до нашего времени не дошёл; сохранилось лишь полукруглое очертание его основания — в виде выломанного участка пола.

В процессе раскопок обнаружены три древних престола: в каждой из трёх абсид собора имелся свой престол, что говорит о том, что храм был «трёхпрестольным». То есть, кроме основного престола в средней абсиде, который наверняка был посвящён Георгию Победоносцу, должны были существовать два других, расположенных в боковых абсидах. Это подтверждает и то, что в процессе раскопок были открыты древние ниши в северных

частях обеих боковых абсид; эти ниши служили, вероятно, жертвенниками для боковых престолов.

Открытые под поздним престолом в средней абсиде основания древнего престола — две каменные «ножки». Так что это был престол-стол — как в новгородском Софийском соборе. А престолы в боковых абсидах были «коробчатыми» и сложены из кирпича, из плоской плинфы, причём не из простой, из которой сооружены стены собора, а из «зубчиков» с треугольным концом, из которых сложены «бровки» над окнами. Южный престол сохранился только на уровне основания, тогда как северный дошёл до нас практически на всю высоту, даже с первоначальной обмазкой и с «окошком», заделанным позднее, через которое внутрь этой коробчатой конструкции вкладывали мощи, необходимые для освящения престола.

При входе в боковые абсиды были найдены основания алтарных преград, ещё не иконостаса (который разовьётся в высоту 200 лет спустя после строительства Георгиевского собора), а низкой алтарной преграды с основанием в виде бруса и с вертикальными стойками, для которых были устроены специальные камни с прямоугольными отверстиями, также открытыми во время раскопок.

На стенах всех трёх абсид и на восточных столбах храма были открыты фресковые росписи начала XII в. Это замечательные свидетельства того, как художники украшали нижние части стен, встраивая роспись в архитектуру храма: внизу в рамках красного цвета они помещали или композиции с растительным орнаментом, или так называемые мраморировки. В Георгиевском соборе открыто несколько замечательных орнаментальных панно и целый ряд мраморировок. Мраморировки собора принадлежат к наиболее развитым композициям такого рода. Они поражают изобретательностью, с какой художники старались воспроизвести на стенах те пластины полированного мрамора, которые украшали (и украшают по сей день) стены некоторых византийских храмов. В тех случаях, когда достать такие пластины было невозможно, художники делали живописные композиции на тему «полилитий» (многокаменя — так можно перевести это слово) или мраморировок.

На стенах собора сохранились исключительно орнаментальные и декоративные композиции, так что сейчас входящий в алтарь может только догадываться о том, что выше были фигуративные композиции, что там разворачивался огромный цикл повествовательных «картин», и, кроме того, что выше были изображены рядами избранные святые. Только одна маленькая деталь сохранилась на стене северной боковой абсиды: здесь на зелёном фоне изображена жёлтая, «телесного» цвета нога какого-то персонажа (и, кажется, крохотный фрагмент другой ноги), остальная фигура которого полностью утрачена.

Но в подсыпках под поздние полы, устроенных последовательно в XVII и начале XIX в., содержалось, как уже было сказано, огромное количество фрагментов фресок, причём фрагменты были как маленькие, около 1 см в диаметре (на таких трудно что-то разглядеть), так и крупные — до 10, а то и 15 сантиметров в диаметре. Когда сотрудники экспедиции только начали разбирать эти слои, как-то не верилось, что могут найтись новые лики. Да, конечно, два или три лика были найдены в раскопках М.К.Каргера 1930-х гг., ещё два или три — при ремонтных работах начала 1990-х гг., но чтобы вот сейчас — ещё хоть один — в это не верилось. Не добавляло уверенности и то, что в шурфах 2013 г. фрагментов было много, но все или с однотонным фоном, зелёным или светло-синим, или с орнаментами, причём настолько фрагментарными, что орнаменты эти не «прочитывались».

Но уже в самые первые дни работ нашлись фрагменты с ликами. Первым появился лик молодой женщины в накидке-мафории, интерпретированной нами как лик Богородицы (фото 4). Этот фрагмент вызвал крайнее удивление своей графичностью, даже определённой жёсткостью очеркового изображения лица молодой женщины восточного типа. Следует сказать о том, что в дальнейшем к этому фрагменту подклеился ещё один кусок, что сама фреска была промыта, и на ней открылись участки с тонкой цветовой отделкой, но главного эти дополнения не изменили: мы встретились с графичной манерой письма небольших по размеру, но чрезвычайно выразительных ликов. Об этой манере говорил уже, на основании немногих фрагментов, В.Д.Сарабьянов, но теперь эта манера получила «продолжение».

Фото 4. Лик Богородицы после отмытки и дополнения найденным позднее фрагментом

Дело в том, что таких небольших графичных ликов в 2014 г. было найдено более десятка, причём это как изображения юных, безусых и безбородых персонажей, так и проникновенные образы молодых людей с курчавыми волосами и бородами, а также лики средовеков и старцев. Перед нами оказался большой массив обломков фресок с личным письмом, который, помимо полностью или частично сохранившихся собственно ликов, включает фрагменты с усами, носами, глазами и волосами. Все эти лики и их фрагменты принадлежат к свободной и графичной манере, за одним исключением.

Это исключение — крупный женский лик с мягким, сплавленным письмом и монументальной трактовкой. Он характерен для первой из двух выделенных В.Д.Сарабьяновым манер. Найден он был в южной абсиде. Увидев этот лик, искусствовед Т.Ю.Царевская предположила, что это может быть лик царицы Елисаветы из композиции «Чудо Георгия о змие» (фото 5). Отметим, что расположение этой композиции, если она правильно разгадана, полностью совпадает с её расположением в другом известном Георгиевском храме — в Ладого (Старой Ладого). Там тоже «Чудо Георгия о змие» было размещено в южной абсиде, справа от основного алтаря, где, вероятно, был особый придел.

Фото 5. Лик царицы (царицы Елисаветы?)

Предположение о том, что в южной абсиде Георгиевского собора располагался не дьяконник, а придел в честь Чуда св. Георгия, в какой-то мере подтвердилось находкой шести фрагментов с чешуей змея. Найденная в этом же месте фрагментарная живописная надпись (дипинти) с довольно крупными белыми буквами на светло-синем фоне, возможно, подтвердит предположение о сюжете композиции в южной абсиде собора.

Важно подчеркнуть, что в процессе раскопок было открыто «море» фрагментов древней живописи. Эти фрагменты, переданные в Новгородский музей-заповедник, до сих пор не пересчитаны, сам процесс их подсчёта займёт длительное время. Сейчас они исчисляются или в подвалах (два подвала музея заняты под потолок стеллажами с фресками), или в планшетах (мы передали в музей несколько тысяч планшетов), или в отвалах (сотрудники экспедиции и сотрудники музея совместно перебрали 5 отвалов, содержащих фрагменты фресок). В переборке отвалов, обеспыливания фресок и закреплении декоративных фресок на стенах участвовали реставраторы Новгородского музея Т.К.Федоренко и Т.А.Ромашкевич, а также подключившаяся несколько позже к переборке отвалов реставратор Т.И.Анисимова со своей бригадой.

Помимо описанных ликов и их фрагментов этот новонайденный массив фресок 1120-х гг. включает тысячи фрагментов с орнаментами, фрагментами одежд, рук, ног, деталями пейзажа, фонами, буквами живописных надписей. Этот массив нужно будет разбирать и систематизировать (и реставрировать, конечно) много лет, но уже на первых этапах этой работы видно, что нам открылся новый фресковый цикл первой трети XII в., характеризующийся особой, неповторимой манерой, в основном — графической, а также небольшими размерами ликов и, следовательно, фигур. После осуществления росписи в 1120-е гг. Георгиевский собор представлял собой удивительное зрелище: сотни небольших фигур с крайне выразительными ликами одновременно воздействовали на зрителя, как будто включая его в сложную живописную композицию со множеством персонажей и детализированным письмом, позволяющим и даже иницилирующим внимательное разглядывание с близкого расстояния.

В процессе раскопок и при разборке отвалов найдено несколько десятков фрагментов фресок с процарапанными кириллическими надписями — граффити XII и XIII вв., некоторые из них имеют дату, содержащуюся в самом тексте. Этими надписями уже начали заниматься историки и лингвисты, специалисты по древнерусской эпиграфике, И.Ю.Анкудинов и А.А.Гипшиус. Кроме того, были найдены три глаголических надписи (что является большой редкостью для начала XII в.); эти надписи будет исследовать С.М.Михеев.

Но об одной надписи, найденной в проходе из южной абсиды в среднюю, у восточного торца крестообразного юго-восточного столба собора, следует сказать особо. Эта надпись начала складываться прямо на раскопе, сейчас она состоит из 29 частей, склеенных в большой фрагмент. На нынешний момент это одна из самых больших древнерусских надписей-граффити, может быть — самая большая. Собственно, это не одна надпись, а две: вверху расположена запись о смерти в 1232 г. новгородского архиепископа Антония, а внизу помещена более пространная надпись

о смерти в 1198 г. князей Изяслава и Ростислава Ярославичей, малолетних сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича (фото 6).

Фото 6. Надписи-граффити на фресках: надпись о смерти архиепископа Антония в 1232 г. (вверху) и надпись о смерти княжичей в 1198 г. (внизу)

Запись о смерти этих князей (или княжичей) содержится в Новгородской Первой летописи, но найденная в Юрьеве монастыре надпись-граффити уточняет и дополняет летописное сообщение. Надпись из Георгиевского собора была, безусловно, официальной записью события, упоминавшей, в том числе, игумена Юрьева монастыря и говорившей о том, что княжичи были погребены в том же соборе. Можно даже наблюдать пространственную связь между надписью, расположенной, напомним, в южной части алтаря собора, и двойным каменным гробом княжичей, находящимся в южной части западной трети того же храма. Надпись, сделанная в алтаре — в пространстве для немногих, — рассказывала об обстоятельствах погребения, устроенного в том же соборе. Это было не только летописное сообщение, являющееся частью подобных записей на стене собора, но и своеобразная

мемориальная запись, обращение к которой могло объяснить обстоятельства смерти и погребения юных Рюриковичей в монастырском храме.

Подводя первые итоги, мы можем сказать, что экспедиционный сезон 2014 г. принёс исключительные по значимости научные и культурные результаты. Уровень пола в Георгиевском соборе Юрьева монастыря почти на всей поверхности теперь выведен на уровень XII в., что создаёт основания для реставрации интерьера столь важного для истории русской архитектуры памятника. Вновь увидели свет такие редкие первоначальные формы интерьера, как каменный пол, престолы, синтрон, основания алтарной преграды. Найдены и закреплены на стенах уникальные декоративные фресковые композиции, составлявшие первый ярус первоначальной фресковой росписи собора. Тысячи фрагментов этой первоначальной росписи извлечены на свет и переданы в музей, среди этих драгоценных объектов выделяются фрагменты с ликами и фрагменты с надписями-граффити. Раскопки в Георгиевском соборе будут продолжены, надеемся, что они принесут ещё значимые научные и культурные результаты.

Литература

1. Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // Советская археология. Вып. VIII. М.; Л., 1946. С. 175–224.
2. Янин В.А. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 89–118.
3. Сарабьянов В.Д. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 365–398.
4. Сарабьянов В.Д. Фрески XII в. в основном объёме Георгиевского собора Юрьева монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 232–239. В более поздней работе исследователь говорит о «великокняжеском заказе» и тяготении этой части росписи к «передаче пространственности и формы». См.: Сарабьянов В.Д. Заказчик и стиль в древнерусских росписях XII века // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 4. Великий Новгород, 2011. С. 45–46.
5. Маслов К.И. К истории обновления Юрьев-Новгородского монастыря архимандритом Фотием // Материальная база сферы культуры. Чтения памяти Л.А.Лелёкова. Вып. 4. М., 1998. С. 74–90.
6. Сарабьянов В.Д. О судьбе древних росписей Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: Материалы конференции (Москва, 25–28 мая 2019 г.). М., 2012. С. 357–356.

И.В.Кощненко*

Научная реставрация уникальных рукописных памятников русской литературы и фондов РО ИРЛИ РАН

Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ) является одним из крупнейших хранилищ культурного наследия России. Здесь сосредоточены фонды писателей, учёных, государственных и общественных деятелей XVIII—XX вв. Один из ценнейших фондов — архив М.Ю.Лермонтова (№ 524), основу которого составляют материалы Лермонтовского музея Николаевского Кавалерийского училища. Сегодня Пушкинский Дом хранит черновые и беловые тетради, содержащие тексты стихотворений, поэм, драм, заметок, прозаических набросков, альбомы с автографами и рисунками поэта, письма, документы о службе, дуэлях, смерти и др. Реставрация ряда единиц хранения в фонде № 524 проводилась более 60 лет назад. За это время появилось достаточное количество автографов, требующих реставрации, в том числе повторной.

В Древлехранилище ИРЛИ, где собраны документы XV—XVIII вв., находится коллекция столбцов, или сставов (Р. IV, оп. 26, № 154). Столбцы — форма приказного делопроизводства в государственных учреждениях России XVI—XVII вв., при которой документы хранились в виде склеенных свитков (составы, потом сокращённое до «сставов»). Документы, формировавшиеся в одну единицу хранения по какому-либо признаку, подклеивались друг за другом и образовывали длинную ленту, которая затем сворачивалась в рулон. Подписи подъячих, которые скрепляли дела, состоящие из нескольких листов, делались на оборотной стороне по склейкам. Столбцы, поступившие в Древлехранилище из собрания Б.Л.Модзалевского, представляют собой различного рода документы, датируемые второй половиной XVII в. Среди них — выводные памяти, грамоты, расписки, менные записи, письма, челобитные, указы и др. Они являются важным источниковедческим материалом для историко-литературных исследований.

В отборе документов для реставрации главным критерием был фактор необходимости срочной консервации и стабилизации уникальных документов, хранящихся в Рукописном отделе и Древлехранилище Пушкинского Дома. Рукописи М.Ю.Лермонтова (14 ед. хр.; 121 л.) и сставы XVII в. (40 шт.) были переданы на реставрацию по соответствующим актам. Отобранные для реставрации документы были визуально обследо-

* **Кощненко Ирина Владимировна** — кандидат филологических наук, научный сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, руководитель проекта «Научная реставрация уникальных рукописных памятников русской литературы и фондов РО ИРЛИ РАН» (14-04-18024е).

ны, после чего был разработан общий план реставрационных мероприятий и индивидуальный для каждого документа. Программа составлена старшим научным сотрудником, художником-реставратором 2-й категории ЛКРД СПб АРАН Т.Д.Перовой.

Общий план реставрационных мероприятий включал:

1. Фотофиксацию до реставрации;
2. Удаление поверхностных загрязнений;
3. Исследование состояния основы (бумаги) и техники исполнения (чернил, графита);
4. Водно-спиртовую промывку;
5. Восполнение утрат бумаги и укрепление разрывов;
6. Устранение деформации — прессование в ручном прессе;
7. Упаковку документа — обёртывание документа в микалентную бумагу и изготовление индивидуальной папки для хранения из чертёжной бумаги;
8. Фотофиксацию после реставрации;
9. Составление реставрационного паспорта.

Основные повреждения рукописей М.Ю.Лермонтова: пожелтевшая бумага, загрязнённая, с жёлтыми и коричневыми пятнами; небольшие разрывы бумаги, частичная потеря бумаги на краях листов и в углах; разрывы в корешковой части на месте шитья тетрадей (записи отдельных стихотворений, баллад, повестей; поэма «Вадим»); оторванные от сшитой тетради листы; листы, соединённые металлическими скрепками, со следами ржавчины в местах скрепления (поэма «Боярин Орша»); отдельные листы (стихотворения, письма, рисунки) с вертикальными и горизонтальными перегибами, с деформацией бумаги, полосами вёртой пыли, с заломами, разрывами или частичной утратой бумаги в местах перегибов; повреждения твёрдого переплёта с отставанием рукописного блока (поэма «Демон»).

Большинство из реставрируемых рукописей М.Ю.Лермонтова выполнено железо-галловыми чернилами на пожелтевшей тряпичной бумаге. Проведённые химические и биологические исследования не обнаружили активного роста мицелия; чернила стойкие к намоканию; рН бумаги близка к нейтральному показателю.

Рукописи обеспыливались сухими ватными тампонами; на полях вне текста были очищены мягкой резинкой. Загрязнения бумаги на полях вне текста обрабатывались сильно отжатыми водно-спиртовыми тампонами. Иногда требовалось снятие прежней реставрации: документ «Аул Бастунджи», «Серебряные шпоры» и др.» (Ф. 524. Оп. 1. № 22) поступил на повторную реставрацию (первая проводилась в 1951 г.; паспорт реставрации, т.е. информация о методах и применяемых материалах, отсутствовал) из-за общего загрязнения бумаги и большого вертикального разрыва в месте присоединения листа № 1

к листу № 10. Бумага документа пожелтела, все листы загрязнены по краям и в углах. Каждый лист имел одинаковые повреждения: разрывы и утраты бумаги в корешковой части в месте прежнего шитья. Листы № 1, содержащий изящный тонкий рисунок, и № 10 были промыты на столе на слоях фильтровальной бумаги при помощи отдалённого увлажнения. Также снята укрепляющая разрывы бумага в корешковой части на остальных листах (фото 1).

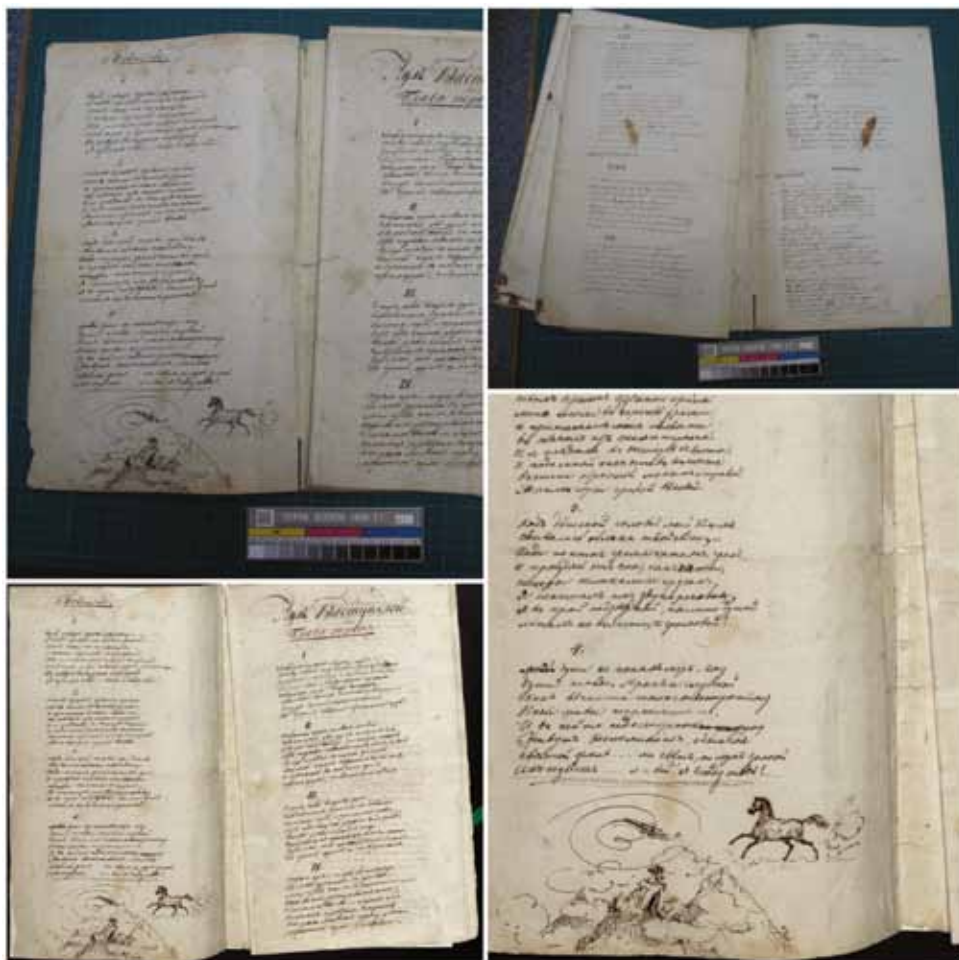

Фото 1

Особые условия потребовались для реставрации нескольких единиц хранения.

1. «Вступление к повести “Джюлио” и “Кавказ”» (Ф. 524. Оп. 1. № 5): рукопись сшита оригинальным шнуром, во избежание его повреждения реставрация производилась без расшивания тетради, что является своего рода инновационным методом (фото 2).

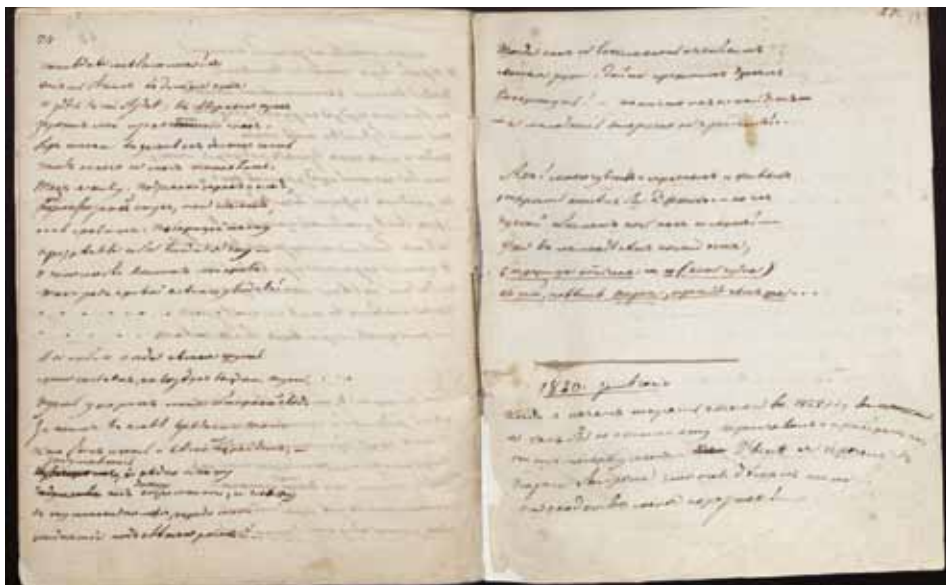

Фото 2

2. «Авторизованные копии и черновики произведений» (Ф. 524. Оп. 1. № 21а), ранее единица хранения была частично реставрирована, паспорт также отсутствовал. Задача состояла в том, чтоб провести новую реставрацию, по возможности не повреждая прежней, при этом очистить рукопись от потемневшего реставрационного клея. В результате листы промыты на столе на слоях фильтровальной бумаги методом тампонирования, в корешковой части в нижнем углу и по нижней кромке заменена реставрационная бумага. Некоторые листы заново укреплены в корешковой части. Утраты бумаги восполнены.

3. Реставрация документов с рисунками. «Отдельные стихотворения. Автографы» (Ф. 524. Оп. 1. № 15), «Рисунки» (Ф. 524. Оп. 1. № 56). Рисунки выполнены графитным или итальянским карандашом на тонкой писчей, тряпичной или плотной бумаге. Они были промыты в дистиллированной воде. Пятна ослаблены (фото 3, 4). «Письма (2) к Марии Львовне Дурново (урожд. Симанской)» (Ф. 524. Оп. 1. № 31): на л. 2 — автограф и рисунок выполнены кровью (помета М.Ю.Лермонтова на рукописи: «своею кровью») на пожелтевшей бумаге с вертикальным перегибом и с пятнами с утратами бумаги ближе к правому краю, оборотная сторона дублирована на двойной лист пожелтевшей бумаги. В результате была очищена оборотная сторона, выявлена надпись рукой неизвестного «Письмо М.Ю.Лермонтова к М.Л.Симанской» (фото 5).

Рукопись «Боярин Орша», кроме укрепления бумаги, потребовался демонтаж скрепок. Листы не сшивались (Ф. 524. Оп. 1. № 12) (фото 6).

Фото 3

Фото 4

Фото 5

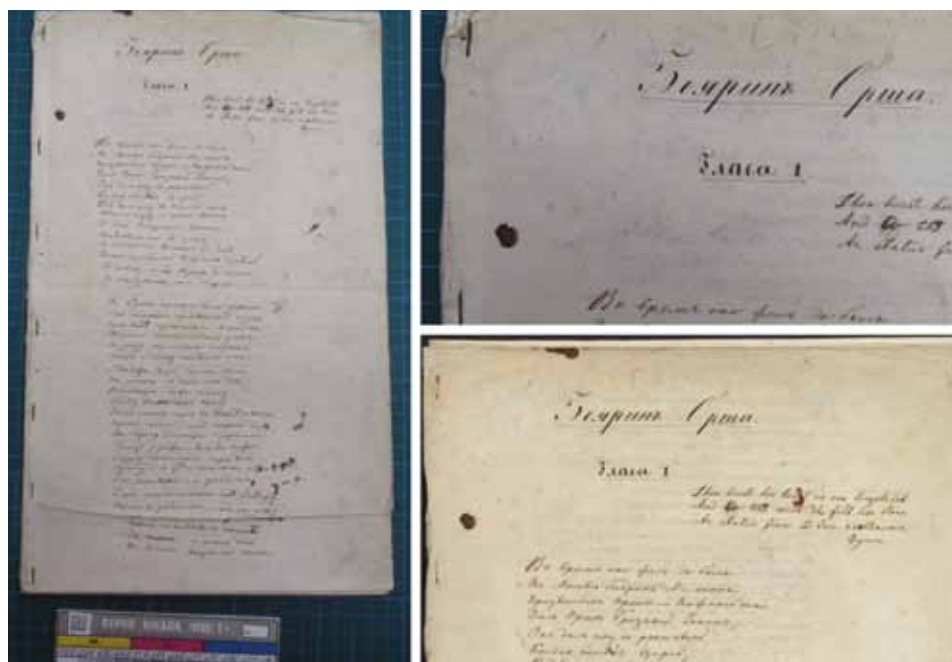

Фото 6

Автограф поэмы «Демон» (Ф. 524. Оп. 1. № 27) в переплёте из ледерина с тиснением, в том числе с «золотым», фрагментарно был оторван от передней крышки. Помимо общего загрязнения рукописи, на обороте последнего листа в нижнем левом углу находилось пятно олифы, выше справа наклейка фрагмента жёлтой бумаги — след чьего-то ремонта. В результате работ пятно олифы максимально счищено скальпелем. Наклейка снята при локальном увлажнении (фото 7). Первоначальное шитьё не сохранилось. Книжный блок побывал в ремонте. Поэтому рукопись была сшита в три тетради с изменением шитья. Вместо прежних шнуров тетради пришиты на ткань. Такое шитьё является щадящим для охватывающих листов и дольше сохранит переплёт от разрывов в корешковой части. Также изменена конструкция форзадных листов. Форзацы пришиты к тетрадам. Книжный блок вклеен в переплётные крышки (фото 8). Изготовлена обложка из плёнки «Мелинекс».

В ходе реставрации утраты бумаги восполнялись бумагой «Основа для пергамента марки “Б”», тонированной прямыми светопрочными красителями, длинноволокнистой бумагой или бумагой ручного отлива, подобранной по цвету и толщине. Ветхие края, углы и разрывы укреплены полосами реставрационной равнопрочной бумаги. В работе использован крахмальный пшеничный клей.

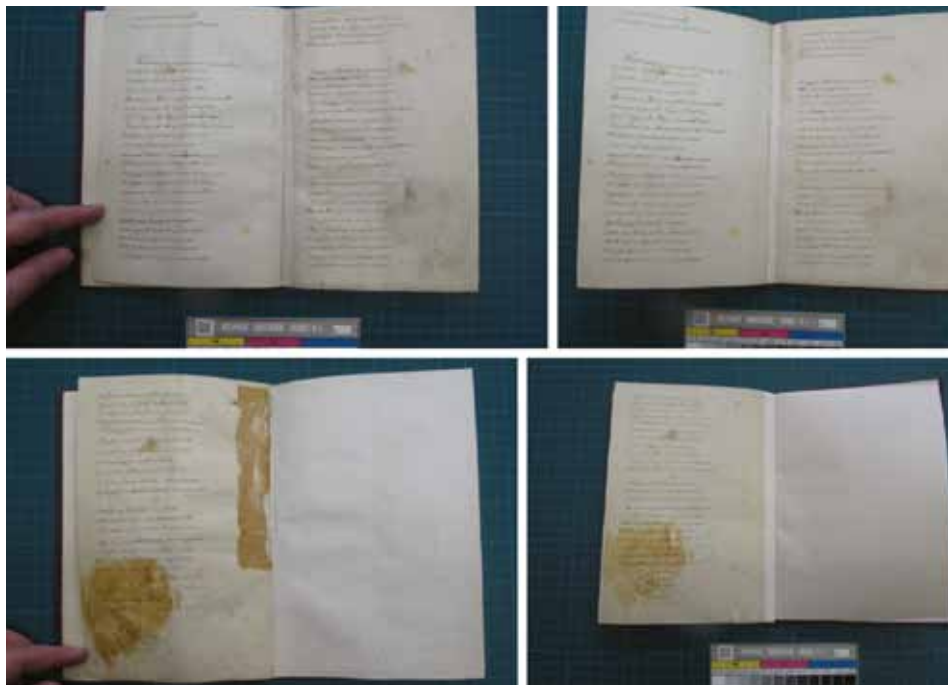

Фото 7

Фото 8

Рукописи отпрессованы в ручном прессе в сукнах и слоях фильтровальной бумаги, обернуты в микалентную бумагу и помещены в специально изготовленную индивидуальную папку для хранения.

15 октября 2014 г. отмечалось 200-летие со дня рождения М.Ю.Лермонтова. Пушкинский Дом как хранитель богатейшей коллекции рукописей и личных вещей поэта принимал самое активное участие в популяризации этого события. Отреставрированные рукописи использовались в выставочных и издательских проектах, съёмках документальных фильмов о Лермонтове.

Обследование сставов показало, что все они выполнены на тряпичной бумаге сохранившимся отливом железо-галловыми чернилами. Отдельные сставы выполнены чернилами с добавлением сажевой копоти, которую подмешивали, когда чернила начинали заканчиваться. Документы пострадали от подмочек, и сажевая копоть растекалась по поверхности листов (фото 9). Общими повреждениями для документов являются ветхость и потёртость бумаги, разрывы в местах сгибов, утраты бумаги, угасание чернил, различные загрязнения, в том числе множество пятен от масла, воска, намокания (фото 10). Некоторые сставы сохранили последовательную склейку (ранее были склеены в длинную полосу — свиток) (фото 11). Некоторые представлены фрагментарно, на отдельных документах присутствуют следы ремонта: наклейки из фрагментов бумаги.

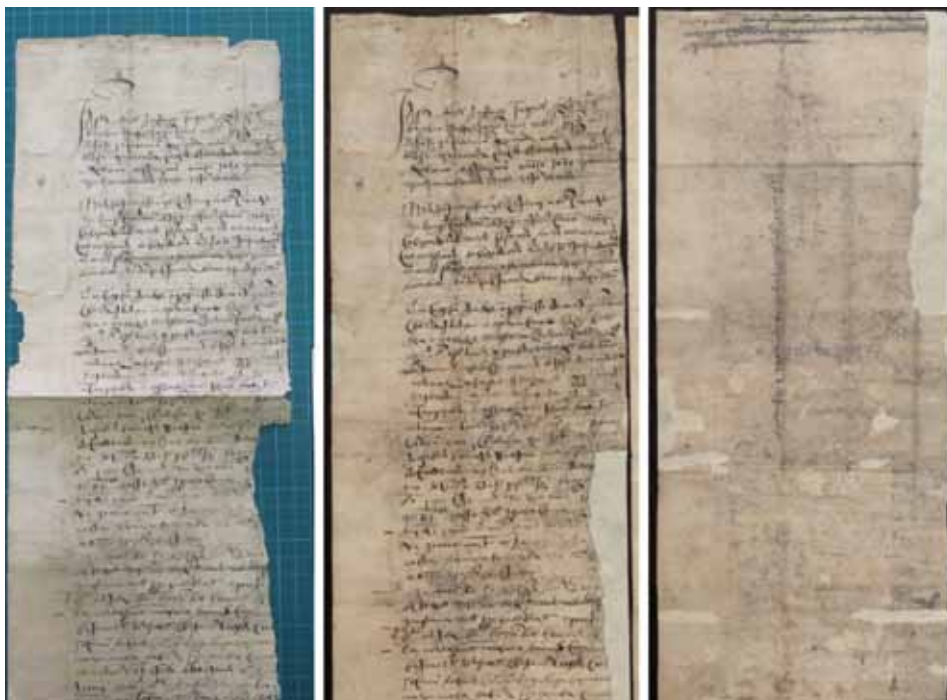

Фото 9

Фото 10

Фото 11

Проведённые химические и биологические исследования не обнаружили активного роста мицелия; чернила стойкие к намоканию; рН бумаги близка к нейтральному показателю. Рукописи всухую обеспылены ватными тампонами.

Ставы промыты на столе на слоях фильтровальной бумаги при помощи отдалённого увлажнения сильно отжатыми водно-спиртовыми тампонами. Снята прежняя реставрация. Ставы разъединены в местах склеек. Утраты бумаги восполнены бумагой ручного отлива, основой для пергамента марки «Б», тонированной светопрочными прямыми красителями. Разрывы укреплены полосами реставрационной равнопрочной бумаги. Некоторые ставы полностью дублированы по оборотной стороне равнопрочной бумагой. В работе использован крахмальный пшеничный клей.

Ставы отпрессованы в ручном прессе в сукнах и слоях фильтровальной бумаги. Каждый обёрнут в фильтровальную бумагу и помещён в специально изготовленную индивидуальную папку для хранения.

Каждый документ был отреставрирован в соответствии с состоянием его сохранности. После произведённых консервационных и реставрационных мероприятий все документы приобрели механическую прочность и долговечность.

Несмотря на успешное окончание работ в рамках проекта, реставрация требуется ещё многим уникальным документам Рукописного отдела Пушкинского Дома. Подобного рода проекты крайне актуальны для архивов, поскольку рукописные памятники являются наиболее уязвимыми в хранении.

И.В.Брежнева*

Научная реставрация фонда редких изданий и рукописей Научной музыкальной библиотеки им. С.И.Танеева Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского

Научная музыкальная библиотека им. С.И.Танеева Московской консерватории имеет богатую историю. Её фонд формировался одновременно с созданием консерватории. В основу было положено библиотечное собрание Московского отделения Русского музыкального общества, включавшее огромный массив партитур и оркестровых голосов, а также пожертвования от музыкальных деятелей и педагогов консерватории — Н.Рубинштейна, В.Одоевского, Г.Лароша, П.Чайковского, С.Танеева, А.Аренского, В.Сафонова, от издателя П.Юргенсона. За полтора века своего существования библиотека Московской консерватории собрала значительное количество редких старинных изданий и рукописей, ставших ценнейшей её частью и выделенных в первой половине XX в. в специализированный отдел.

Фонд библиотеки Консерватории уникален. Многие произведения представлены в прижизненных и первых изданиях: трактаты XVI—XIX вв. по различным областям музыкальных знаний — Дж.Царлино, А.Кирхера, Ф.Рамо, Ж.-Ж.Руссо, Дж.Мартини, И.Фукса, сочинения зарубежных авторов — Л.Бетховена, Ф.Мендельсона, Р.Шумана, Ф.Листа, и русских классиков — А.Алябьева, М.Глинки, А.Даргомыжского, П.Чайковского [1]. От библиотеки бывшего Синодального училища церковного пения Консерватория унаследовала большое собрание духовной музыки. Некоторые из этих произведений, например, Алексея Архангельского, Ив.Большакова, В.Гаврилова, М.Карпова, М.Покидова, не переиздавались до сих пор. Отдельные издания и рукописи имеются только в библиотеке Московской консерватории (к примеру, произведения немецкого композитора И.Геслера (1747—1822)). Множество экземпляров содержит подписи и дарственные надписи выдающихся композиторов и исполнителей (Ф.Листа, П.Чайковского, С.Танеева, В.Сафонова, С.Рахманинова, А.Гольденвейзера, Д.Шостаковича, Э.Денисова, Р.Щедрина), пометки известных музыкантов (Л.Бетховена, В.Одоевского, П.Чайковского, Н.Голованова, А.Гедике).

* **Брежнева Ирина Вячеславовна** — кандидат искусствоведения, заведующая отделом редких изданий и рукописей Научной музыкальной библиотеки им. С.И.Танеева Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского, исполнитель проекта «Научная реставрация фонда редких изданий и рукописей Научной музыкальной библиотеки имени С.И.Танеева Московской государственной консерватории имени П.И.Чайковского» (14-04-18013е).

Особое место в библиотеке консерватории занимает фонд, где собраны древнерусские певческие рукописи, автографы и редкие копии произведений русских и зарубежных авторов, рукописное собрание сочинений А.Верстовского, авторские рукописи М.Ипполитова-Иванова, А.Гедике, С.Василенко, Р.Щедрина, Д.Шостаковича. Большое место занимает собрание рукописных оркестровых голосов с пометками дирижёров и исполнителей. В XX—XXI вв. фонд пополнился рукописями нотных и текстовых материалов современных авторов (Т.Хренникова, Р.Щедрина, Н.Мещанинова) и профессоров Московской консерватории (В.Агафонникова, Ю.Буцко, А.Лемана, В.Борисовского, Л.Ройзмана, В.Протопопова, Ю.Холопова) [2—4].

В библиотеке Московской консерватории хранятся также личные музыкальные библиотеки и коллекции, в том числе книги и ноты, принадлежавшие В.Одоевскому, А.Панаевой-Карцевой, С.Танееву.

За долгие годы библиотечный фонд Московской консерватории пережил многие испытания и неоднократные перемещения, что не могло не сказаться на внешнем состоянии экземпляров. В результате многие рукописи утратили первоначальную сохранность, а их неудовлетворительное состояние стало затруднять полноценное использование, развитие научно-исследовательских и исполнительских процессов. Поэтому проект по реставрации стал для библиотеки Московской консерватории одним из путей сохранения исторических книжных и нотных памятников музыкальной культуры. Реставрация, выполненная художниками-реставраторами комплексного отдела хранения, консервации и реставрации фондов ФГБУК «Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И.Рудомино» И.В.Жандарович и Е.С.Шандаревой с применением высококачественных материалов, проводилась для раритетов библиотеки Консерватории впервые.

На реставрацию была предложена рукописная коллекция, принадлежавшая А.Скарятину и представляющая большую музыкально-историческую ценность. Среди других раритетов она особо выделяется как своим содержанием, так и историей возникновения. Её владелец — русский дипломат, любитель музыки Александр Яковлевич Скарятин — собирал свою коллекцию в Риме, где находился на дипломатической службе в 1840—1850-е гг. В этом ему помогал аббат Фортунато Сантини — композитор, коллекционер и обладатель огромной собственной библиотеки. Сантини вместе со своими помощниками-копиистами переписал Скарятину около 1600 произведений западноевропейской вокально-хоровой музыки Италии, Франции, Испании, Нидерландов XVI—XVIII вв., создав своего рода энциклопедию музыки позднего Возрождения и барокко. Диапазон авторов широк: от известных композиторов, таких как Жоскен Де-

пре, К.Жанекен, К.Гудимель, Х.Моралес, Дж.Перголези, Дж.Палестрина, Н.Йомелли, Дж.Сарти, А.Скарлатти, А.Корелли, до малоизвестных имён — Ф.Анерио, И.Баккузи, Э.Романо, Г.Баллабене. Сочинения самого Сантини посвящены Скарятину в знак расположения и благодарности за большой заказ. В коллекции имеются произведения, мало знакомые слушателям, а часть из них никогда не публиковалась.

Коллекция трижды попадала в поле зрения библиотекарей. После поступления коллекции в 1888 г. в Московскую консерваторию был сделан карточный каталог. В 1974 г. вышел печатный каталог с кратким описанием каждой рукописи и вступительной статьёй об истории создания коллекции (составители С.Ю.Сигида, И.А.Медведева, научный консультант Т.Н.Дубравская) [5].

С 1990-х гг. сотрудники библиотеки Московской консерватории начали сотрудничать с Международным источниковедческим центром РИСМ (RISM — Répertoire International des Sources Musicales) по описанию старинных рукописных источников, что заставило заново обратиться к данному собранию и составить подробные описания нотных рукописей, дополнив их нотными инципитами. Таким образом, сегодня информация о содержании коллекции вошла в электронную базу РИСМа и доступна всем музыкантам и исследователям. Многолетнюю научную работу над коллекцией подытожила большая статья сотрудника библиотеки заведующей сектором рукописей отдела редких изданий и рукописей Г.М.Малининой [6–8].

Из 90 томов альбомного формата для реставрации были отобраны 10 (тома № 57, 60, 65, 67, 83, 84, 85, 87, 88, 90) с наибольшими повреждениями переплёта — отрывом (полным или частичным) крышек, бумажных форзацев и корешков от переплётного блока, расколом блока, сильными потёртостями на крышках. Основной задачей стала реставрация переплётов с восстановлением их физических свойств, фрагментов и элементов конструкции при максимальном сохранении авторского переплёта.

Любое владельческое собрание оценивается с точки зрения не только содержания, но и внешнего вида. Владельческие переплёты позволяют судить об эстетическом вкусе владельца, его материальных возможностях, зрительно представить коллекцию как единое целое, отличить её от других владельческих собраний. Проведённое реставраторами исследование переплётов коллекции А.Скарятина выявило исходное состояние документов, основные характеристики и детали переплёта, бумаги и чернил, дало возможность понять и изучить конструкцию и материалы оригинального переплёта томов. Авторские переплёты XIX в. для всех рукописей были даны в едином стилистическом решении. Для каждого тома мастер создавал твёрдый составной (комбинированный) переплёт: корешки и уголки обтянуты тканью, сторонки покрыты бума-

гой. Для корешка переплётчик использовал хлопковую чёрно-серую матовую ткань с апшретом и декоративным тиснением, на уголках — хлопковую ткань различных цветов (синюю, коричневую, чёрную). В томе № 57 для уголков верхней и нижней сторон была взята ткань разных цветов (синяя и коричневая). Можно предположить, что переплеты изготавливались серийно, в одно время (кроме тома № 90, на корешке которого ткань имеет иной рисунок).

Все корешки оформлены блинтовым тиснением с линейным орнаментом, имитирующим бинты (шесть фрагментов по три полоски). В их верхней части — надпись с названием тома, выполненная при помощи тиснения золотой фольгой, в нижней части — владельческая наклейка из бумаги с номером тома, написанным железо-галловыми чернилами. При реставрации обнаружены следующие особенности: блоки сшиты на трёх пеньковых шнурах с пропилами, небелёными нитями, каждая тетрадь прошита; обрезки бумаги не окрашены, капталы отсутствуют; форзацы сделаны приклеенные и изготовлены из тряпичной гладкой веленовой бумаги различных оттенков. Под приклеенными листами форзацев на сторонках явно проступают стежки шнуров с закреплённым концом.

Для рукописей переписчики (в том числе и Ф.Сантини, основной исполнитель заказа) использовали тряпичную плотную светло-кремовую бумагу толщиной от 80 до 160 г/м². В каждом блоке она различна по толщине и оттенкам, а по полям листов часто встречается оригинальный неровный край — отливная кромка — с неравномерным утолщением и рельефом. Листы во всех томах волнообразно деформированы, особенно по нижнему полю.

Все партитуры были написаны железо-галловыми чернилами различных оттенков, с чётким штрихом (без ореолов), но в местах нанесения пастьозного слоя чернила видны на оборотной стороне листа. Анализ чернил показал, что они стабильны.

На основании проведённой реставраторами экспертизы был сделан важный вывод: подобный способ крепления блока к сторонкам характерен для европейских (вероятнее всего, итальянских) мастерских того времени, что даёт возможность предположить, что переплёт был сделан в Европе или же переплётчик прошёл там специализированное обучение. Эту версию подтвердили и специфическая форма обработки корешка блока, ручная обрезка картонных сторонков после их закрепления на блоке, высокое качество используемого картона, а также чёткая последовательность выполненных технологических операций в работе над переплётом и высокий профессионализм мастера. Такой вывод крайне важен для понимания того, как оформлялась коллекция, и для её полного палеографического описания. Велика вероятность, что коллекция заказывалась и оформлялась в одном месте — Италии.

Десять рукописных томов, поступивших на реставрацию, нуждались, прежде всего, в восстановлении переплётов, так как материалы, использованные при их изготовлении — ткань и бумага, — оказались недолговечными (фото 1).

Фото 1. Пример 1 (том № 57 до реставрации)

Реставрационные мероприятия проводились с минимальной интеграцией в авторскую технику с помощью современных методов консервации документов, отвечающих основным принципам реставрации, таким как целесообразность вмешательства в памятник, обратимость клеевых композиций, долговечность и стабильность материалов (например, реставрационной бумаги), использование в работе аутентичных технологий и инструментов. Реставраторы отбирали материалы, максимально приближенные к исходным, способные наилучшим образом обеспечить их восстановление и защиту от дальнейшего разрушения. Для этого была использована японская бумага (васи), выполненная с учётом вековых традиций ручного изготовления высококачественных бумаг из натуральных волокон растительного происхождения. Она отвечает международным стандартам, обладает великолепной физико-химической прочностью и гибкостью, ценимой реставраторами всего мира, хорошо совместима с материалом оригинала и полностью принимает его физические свойства. Бумага была специально подобрана по цвету и композиционному составу.

Проведение реставрационных мероприятий шло в следующем порядке: фотофиксация до реставрации; общее обеспыливание; наращивание оборванных шнуров; соединение раскола в корешке блока и его укрепление; реставрация тканевого корешка и уголков переплёта; восстановление целостности форзадных листов; консервация бумажного покрытия переплёта с последующими тонировками; фотофиксация после реставрации (фото 2).

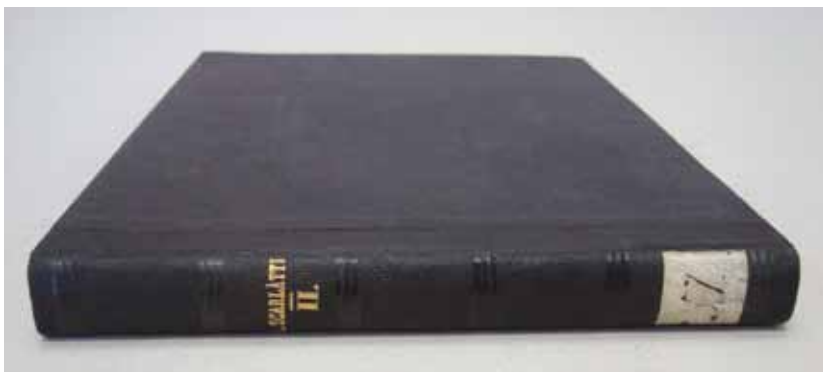

Фото 2. Пример 2 (том № 57 после реставрации)

Для каждого отреставрированного тома были изготовлены микроклиматические контейнеры из цельного куска бескислотного картона для длительного хранения рукописей (фото 3).

Фото 3. Пример 3 (микроклиматический контейнер)

В завершение была оформлена реставрационная документация с приложением фотофиксации, запечатлевшей состояние документов до и после реставрации, а также даны рекомендации по хранению старинных рукописей и отреставрированных документов.

Благодаря реставрационным мероприятиям сотрудники библиотеки получили важные сведения:

- выявлены конструкция и материалы оригинального переплёта коллекции А.Я.Скарятина;
- определена степень сохранности переплёта, бумаги, чернил;
- определено западноевропейское происхождение переплёта.

В заключение отметим, что реставрация уникальной коллекции по времени совпала с двумя датами, связанными с именами её создателей, — 235 лет со дня рождения Ф.Сантини (1778—1862) в 2013 г. и 200 лет со дня рождения владельца коллекции А.Я.Скарятина (1815—1884) в 2015 г. Реставрация, как восстановление и улучшение эксплуатационных свойств ценного исторического документа, с обязательным сохранением признаков подлинности, способствует не только сохранности рукописного памятника, но и обеспечению его доступности для экспонирования, более глубокого и всестороннего изучения.

Литература

1. Научная музыкальная библиотека имени С.И.Танеева: Очерк / Под общей ред. Е.Н.Артемяевой и Н.Н.Григорович. М.: Музыка, 1966. С. 195—218.
2. Рассина Э.Б. Библиотека Московской консерватории: Научная музыкальная библиотека имени С.И.Танеева. М.: МГК, 2006. С. 171—185.
3. Брежнева И.В. К истории рукописного фонда Библиотеки Московской консерватории // Петербургский музыкальный архив: Сборник статей и материалов. Вып. 2. СПб.: Канон, 1999. С. 8—11.
4. Брежнева И.В. Произведения зарубежных композиторов в рукописном фонде библиотеки Московской консерватории // Русские архивы за рубежом. Зарубежные архивы в России: Сборник статей. М., 2000. С. 191—198.
5. Аннотированный указатель к собранию нотных рукописей, выполненных итальянским композитором XIX века Ф.Сантини, из фонда именных коллекций библиотеки консерватории (собрание А.Я.Скарятина) / Сост. и вступ. ст. И.А.Медведевой и С.Ю.Сигиды. М.: МГК, 1974.
6. Малинина Г.М. Коллекция музыкальных рукописей аббата Ф.Сантини в Научной музыкальной библиотеке им. С.И.Танеева Московской консерватории // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России. Вып. 7. М.: МГК, 2015 (*в печати*).
7. Malinina G. Moscow's sight at Fortunato Santini's composer heritage // *Sacrae Musicae Cultor et Protagor. Internationale Tagung zum 150. Todesjahr des Musiksammlers, Komponisten und Bearbeiters Fortunato Santini* / Herausg. von A. Ammendola und P. Schmitz. Münster: Agenda, 2013. S. 152—163.
8. Malinina G. Santini's collection of musical manuscripts in Taneev Library of Moscow Conservatory: relations of two cultures // *Ibid.* S. 145—151.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Е.Н.Швейковская*

XXXIV сессия Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.» (Самара, 22–26 сентября 2014 г.)**

Очередная, XXXIV, сессия Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы была проведена Научным советом по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук и Самарским государственным университетом. Главная проблема «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.» выросла из существа вопросов, которые поднимались в ходе дискуссий по докладам на предыдущих, XXXII и XXXIII, сессиях в Рязани и Брянске.

В работе самарской сессии участвовали учёные из научных учреждений РАН и вузов России от Калининграда и Санкт-Петербурга на западе до Новосибирска и Бийска на востоке, от Вологды на севере, Екатеринбургa на северо-востоке до Краснодара на юге; хорошо представлены европейский Центр — Москва, Воронеж, Коломна, Калуга, Липецк, Ярославль, Рязань, Тамбов и др., и Поволжье — Нижний Новгород, Волгоград, Казань, Пенза, Уфа и, конечно, Самара. Наряду с известными специалистами по аграрной истории на сессии выступали аспиранты и молодые учёные, в том числе коллега Тан Яньфэн из КНР, проходившая стажировку в МГУ. Подтвердилась уже существующая в работе Симпозиума научная преемственность между разными поколениями исследователей.

Всего на XXXIV сессии были заслушаны и обсуждены 68 докладов и сообщений в трёх хронологических секциях и на заседании круглого стола «Первая мировая война и аграрное развитие Российской империи». Выступления по темам каждой из секций соответствовали общей программной проблеме сессии Симпозиума и прошли в обстановке оживлённых творческих дискуссий.

* **Швейковская Елена Николаевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, Председатель Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН, председатель оргкомитета Симпозиума.

** Проект 14-01-14003г.

На пленарном заседании со словами приветствия и пожеланиями успешной работы участникам сессии выступили и.о. ректора Самарского государственного университета И.К.Андроничев и министр сельского хозяйства и продовольствия Самарской области В.В.Альтергот, который осветил состояние и перспективы развития аграрного сектора в регионе (фото 1).

Фото 1. Пленарное заседание

Также прозвучали три пленарных доклада. Автор этой статьи посвятила выступление академику Н.Н.Покровскому, многогранному учёному — историку, археографу, источниковеду второй половины XX — начала XXI в. Участие Н.Н.Покровского в сессиях Всесоюзного симпозиума по изучению аграрной истории занимало значительное место в его научной деятельности. В течение 1970—1980-х гг. он активно откликался своими докладами и/или выступлениями в прениях на обсуждаемые темы, вводил в научный оборот вновь найденные архивные источники, предлагал новые и порой неожиданные трактовки, казалось бы, известных вопросов, что стимулировало появление иных подходов к их интерпретации.

В монографическом творчестве Н.Н.Покровского привлекают внимание два направления. Во-первых, исследования середины 1950-х гг. о роли землевладения чёрных (черносошных) крестьян при формировании феодальной земельной собственности на Руси в XIV — начале XVI в. Учёный

на источниках по Центральной и Северной Руси установил, что в этих двух крупных регионах феодализация реализовалась в разных формах землевладения, одновременно и различными темпами и путями. Независимо от региона чёрные земли (т.е. не принадлежавшие светским и духовным феодалам) находились, как считал Н.Н.Покровский, в верховной собственности государства в лице князя, возглавлявшего феодальную иерархию в данном княжестве. Чернососшные крестьяне, владевшие такими землями, обязаны были платить различные подати и нести повинности в пользу верховного правителя и собственника, будь то князь-суверен и/или государь. В первом же своём исследовании учёный представил данную тему в многомерности, неоднозначности протекавших процессов феодализации в Центре и на Севере страны [1].

Это выдвинуло его в первый ряд отечественных историков средневековой Руси. Как известно, в конце 1950-х гг. оценка значимости чернососшных земель в процессе феодализации была предметом полемики между московскими и ленинградскими учёными, а с начала 1960-х гг. приобрела острую дискуссионность, что продолжалось до конца 1970-х гг. [2].

Во-вторых, изучение важной проблемы общественного сознания и психологии крестьян, заселявших Сибирь в XVII—XVIII вв., к которой Н.Н.Покровский обратился в середине 1960-х гг., переехав в Новосибирский Академгородок. В монографии [3], посвящённой социальному протесту урало-сибирских крестьян-староверов в XVIII в., он сосредоточился на малоисследованном в тогдашней отечественной историографии феномене старообрядчества. Протестующие, установил историк, состояли из разных слоёв крестьян — как старообрядцев, так и православных, т.е. характер протеста был «общекрестьянским». Крестьяне с большим упорством боролись за достижение фискальной независимости, свободы от подушной подати и рекрутчины, за неподконтрольность общинного управления и суда местной власти, за реальную возможность обходиться без попов и консисторских предписаний. Рассматриваемая книга учёного наполнена реально действующими людьми. Она подкупает воссозданием проявляемой крестьянами гибкости, практицизма в определённых ситуациях, но и бескомпромиссной готовностью жертвовать жизнью. Исследованиям Н.Н.Покровского по периоду XV—XVIII вв. присуще глубокое знание источников: актов XIV—XVI вв., судебно-следственных XVII—XVIII вв. и др., применение тонкого источниковедческого анализа разнотипных документальных комплексов, верификационное сочетание их сведений. Всё вместе взятое обеспечило доказательность содержательных трактовок и убедительность выводов, что является характерной чертой творчества учёного.

В пленарном докладе «Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки» В.В.Кондрашин охарактеризовал политику сталинского руководства по заготовке хлеба для нужд форсированной индустриализации, которая проводилась принудительно по принципу продразвёрстки и насильственной коллективизации крестьянства. Учёный по данным источников проследил объёмы заготовок, выросшие в годы первой пятилетки почти в два раза, что превысило возможности сельскохозяйственного производства. Это вело к изъятию из деревни как товарного, так и продовольственного зерна, фуража, необходимых для поддержания жизнедеятельности хозяйств и крестьян. Использование властью мощи административно-репрессивного аппарата нарушило баланс между интересами государства и сельских тружеников, но и сломило сопротивление крестьян хлебозаготовкам и аграрной политике сталинизма. Выкачивание хлеба из крестьянских хозяйств привело в 1932—1933 гг. к голоду более 5 млн человек и небывалой трагедии российской деревни. Объёмы и способы выполнения хлебозаготовок зависели от места региона в товарном зерновом производстве, а не от национальной принадлежности его сельского населения, убеждён историк. Наращивание объёмов заготовок путём принудительного изъятия зерна из хозяйств создало ресурсы, необходимые для проведения индустриализации. Зерновой экспорт обеспечил приток валюты, приобретение станков, оборудования и позволил построить ведущие объекты первой пятилетки. Вместе с тем он способствовал и проведению насильственной коллективизации в СССР.

П.С.Кабытов в пленарном выступлении рассмотрел складывание самарской научной школы по изучению аграрной истории Среднего Поволжья, формировавшейся на базе кафедры российской истории Самарского государственного университета на протяжении 1970—1980-х гг. Региональное объединение историков-аграрников сосредоточилось на введении в научный оборот новых источников, на выявлении особенностей развития региона и отдельных его территорий, на взаимовлиянии культур народов, населявших обширный край на протяжении XVIII — начала XX в. Исследования характеризовали взаимодействие помещичьих и крестьянских хозяйств, развитие зернового производства и животноводства, складывание инфраструктуры, которая способствовала ускорению модернизационных процессов в сельском хозяйстве. Накопление историографического и исследовательского материала позволило в 1990—2000-е гг. создать обобщающие работы как в рамках отдельных территорий, так и в целом по региону Среднего и Нижнего Поволжья с прилегающими к нему областями Приуралья.

Участники секции «Киевская Русь — середина XIX в.» сконцентрировали внимание на следующих блоках тем: фискальная государственная по-

литика; фискальная практика; принципы и единицы обложения, органы взимания налогов; объекты обложения. Большинство исследований опирается на массовые источники XV–XVIII вв.: писцовые книги XV–XVII вв., переписи как государственные подворные, так и внутривотчинные хозяйственные XVII–XVIII вв., материалы генерального межевания XVIII – начала XIX в. На их основе выясняются существовавшая и менявшаяся во времени номенклатура налогов и повинностей, размеры государственных и владельческих платежей, неодинаковые механизмы их взимания, значение крестьянской общины в организации сбора и уплаты налогов. Анализ древнейшей писцовой книги Деревской пятины Новгородской земли конца XV в. позволил А.А.Фролову выявить разные временные срезы и асинхронные сведения в работе писцов. Номенклатуру налоговых сборов и механизмы их взимания в первой половине XVI в. по материалам суздальских Спасо-Евфимьева и Покровского монастырей проследил В.Д.Назаров. Для изучения барщины Д.А.Черненко и П.В.Чеченков (в соавторстве) использовали показатели величины запашки по писцовой книге Нижегородского уезда 1622–1624 г. Роль крестьянской общины в организации сбора и уплаты налогов и применяемые при этом практики в монастырских владениях Центральной России XVII – начала XVIII в. проанализировала Н.В.Соколова. Размер государственных налогов монастырских крестьян Урала в XVII в. установила И.Л.Манькова, сравнив их с платежами монастырских же крестьян Центральной России (фото 2).

Фото 2. В перерыве заседания

Широкий диапазон аспектов фискальной политики на разных этапах российской государственности выразился в выявлении специфики налогового обложения в отличающихся по хозяйственным и рентным условиям регионах России — Новгородской земле в конце XV—XVI в. (Л.Г.Степанова), Центре (особенности перехода к подворной реформе в 70-х гг. XVII в. — В.А.Аракчеев), Севере (налоговые меры государства на Вятке в первой половине XVIII в. — А.И.Комисаренко), влиянии налоговой политики на освоение регионов (Юга в XVII в. — Е.В.Камараули, самарского Заволжья в XVIII — первой половине XIX в. — Ю.Н.Смирнов).

При тесной взаимосвязи вопросов налоговой политики и налогообложения, обсуждаемых в ряде выступлений (М.С.Черкасовой, Э.В.Дмитриевой, Э.А.Тимошенко, Э.Л.Дубмана, А.Г.Иванова, С.В.Черникова, А.И.Акманова), очевидны вариативность видов фискального обложения, как государственного, так и частнофеодального, а также разнообразие применявшихся практик и типов повинностей, обусловленных регионом и хронологическим отрезком XV — первой половины XIX в. С исследованиями китайских историков о налогах и повинностях в России XVIII — начала XX в. познакомил Тан Яньфэн.

На заседаниях секции «Вторая половина XIX — начало XX в.» были рассмотрены взимавшиеся в пореформенное время в различных зонах и областях России налоговые и иные финансовые повинности крестьян, несоответствие их размеров платёжным возможностям хозяйств. Авторы подробно характеризуют земельную обеспеченность и доходно-расходную части крестьянских бюджетов, рост недоимок по налогам и сборам, регулирующую роль сельской общины в этой сфере, значение мирских сборов и расходов на нужды сельского самоуправления в повседневной жизни крестьянских обществ (Н.М.Александров, В.Н.Никулин, М.Д.Карпачев, Н.П.Никитина). Также изучены расходные статьи земских бюджетов, большая часть которых в Тамбовской губернии тратилась на экономические нужды крестьянских хозяйств (Н.В.Токарев).

Уделено внимание развитию кредитной кооперации и значению земств в организации сельских кооперативов мелкого кредита (А.А.Кухаренко, Ю.Б.Будкина). Достойное внимание заняли таможенная и тарифная политика правительства на рубеже XIX—XX вв., направленные на подъём промышленности в целях перевода крестьянской экономики от натурально-потребительского типа к рыночному, что сопровождалось острой борьбой мнений в правящих сферах России (С.В.Беспалов). Прослежены отношения крестьян к посильности налогов и повинностей, их социальные

требования накануне и в период революции, в годы Гражданской войны (О.А.Сухова); отказ от исполнения повинностей как форма крестьянского протеста в конце XIX в., а также в 1919–1922 гг., когда любой протест крестьян оценивался как политический.

Круглый стол «Первая мировая война и аграрное развитие Российской империи» был посвящён анализу аграрной экономики и социальным отношениям в русской деревне в военные годы. В докладах Н.Ф.Тагировой, М.В.Оськина и М.Д.Карпачёва, которые живо и полемично обсуждались, были детализированы вопросы продовольственного состояния страны в годы войны, экономического и финансового положения русского крестьянства, а также правительственной политики в области продовольственного снабжения армии и городов. Полученные конкретные результаты изысканий перспективны для дальнейшего изучения динамики сельской экономики военного времени, выяснения изменений в области землевладения и землепользования, а также для взаимоотношений власти и общества в ключевых сферах народной жизни.

Секция «1917 год — современность» для оперативного и углублённого обсуждения поставленных проблем была разделена на две подсекции с хронологическим рубежом по концу 1920-х гг. Все выступавшие использовали разнохарактерные источники, многие из которых впервые вводились в научный оборот. Среди них — нормативные акты, налоговая и сельскохозяйственная статистика, переписка центральных и местных органов государственного управления, документы крестьянского происхождения. Авторы сосредоточили внимание на следующих вопросах: формы протеста крестьян, направленные против аграрной политики Временного правительства, и их фискальные требования, базировавшиеся на принципе уравнительного обложения земель (Н.Н.Кабытова); неэффективность аграрной политики Комуча при проведении продовольственных заготовок хлеба (В.М.Рынков); методы продовольственной политики советской власти в начальный период её становления, которые претворились в практике продразвёрстки и деятельности продотрядов (В.Б.Безгин, Н.А.Ковалёва). Ряд исследований посвящён реализации налоговой политики советской власти в период нэпа, а именно: взаимосвязям налоговой политики и социально-политической активности крестьян, социопсихологическим проявлениям в настроениях и поведении крестьян, региональным особенностям налогообложения и доле налогов в доходах крестьянских хозяйств (Д.В.Ковалёв, В.Я.Филимонов, А.В.Берлов, Т.Н.Сидоренко, О.В.Бершадская, В.С.Жукова). Блок сообщений был нацелен на анализ различных аспектов сельского налогообложения, которое в конце 1920-х гг. из добровольного сбора на обще-

ственные нужды превратилось в разновидность обязательного денежного налога, поступавшего в государственный бюджет (Е.Г.Иванова, А.А.Иванов, Л.В.Алиева).

Для начала 1930-х гг. первоочередное внимание уделялось становлению и функционированию налогово-податной системы сталинского аграрного социализма и её эволюции в постсталинский период. Подвергнуты детальному разбору система контрактации, превратившаяся со временем из механизма регулирования крестьянского производства в базовую натуральную подать, и сменившая её с 1932—1933 гг. заготовительная, при которой политотделы МТС обладали организационно-производственными функциями в сочетании с репрессивными (В.А.Ильиных, В.В.Наухацкий). Выступавшие охарактеризовали особенности заготовительной политики, размеры и формы заготовок в годы Великой Отечественной войны (Г.Е.Корнилов); превращение натуроплаты колхозов за услуги МТС в 1930—1950-е гг. в элемент налогово-податной системы (В.Н.Томилин); использование повышенных социалистических обязательств в 1950—1970-е гг. для изъятия в колхозах и совхозах дополнительных продовольственных ресурсов (А.И.Шевельков); социально-экономические последствия демонтажа сталинской системы заготовок колхозной продукции в годы «оттепели» (С.Н.Андреев). В выступлениях по постсоветскому периоду анализировались особенности налогообложения основных категорий сельских тружеников и попытки введения единого сельскохозяйственного налога при реформировании аграрного строя в 1990-е гг. (И.В.Логунова, Н.А.Серогодский).

Подытоживая работу XXXIV сессии Симпозиума, следует подчеркнуть, что её центральная проблема обсуждалась сквозь призму взаимоотношений народа и власти, выявления ведущих организационных форм, систем, объёмов налогово-податного обложения и ответа на них крестьянства (фото 2). Эта реакция в определённые исторические этапы разрасталась до противодействия государственной фискальной политике. Сквозной проблемный подход подтвердил свою результативность, раскрыв на этот раз активную роль крестьянской общины на каждом из периодов её многовекового бытования.

Примечания

1. Покровский Н.Н. Актовые источники по истории чернослошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973.
2. Масштабно проблема феодальной собственности и роль различных категорий крестьянства в общественном производстве XI—XVII вв. обсуждалась в 1978 г.

на XVII сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории в Ростове-на-Дону, участником которой был Н.Н.Покровский. См.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: Тезисы докладов и сообщений. М., 1978; Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи // Материалы XVII сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, 1980.

3. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

С.Н.Андреевков, О.Б.Дашинамжилов*

Всероссийская научная конференция «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.» (Новосибирск, 20–22 октября 2014 г.)**

Проведённая в Новосибирском Академгородке научная конференция, посвящённая памяти доктора исторических наук, профессора Николая Яковлевича Гущина — крупного исследователя аграрного и демографического развития региона, была приурочена к 85-летию учёного. Конференция была организована на базе Института истории СО РАН при поддержке РГНФ. К началу работы форума был издан сборник тезисов докладов «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: Материалы II Всероссийской научной конференции» (Новосибирск, 2014).

В конференции приняли участие научные работники, преподаватели высших учебных заведений, аспиранты из академических учреждений и вузов Абакана, Барнаула, Бийска, Екатеринбурга, Кемерово, Красноярска, Нижневартовска, Новосибирска, Омска, Пензы, Тюмени и Якутска. В программу конференции вошли также доклады историков из Украины (Черкассы), Казахстана (Астана, Усть-Каменогорск, Уральск). Участниками мероприятия стали 15 докторов и 10 кандидатов исторических наук, а также один кандидат экономических, один доктор и один кандидат социологических наук.

Открыл конференцию председатель Оргкомитета чл.-корр. РАН В.А.Ламин, который рассказал об основных направлениях научной и организационной работы коллектива Института истории СО РАН. На пленарном заседании были заслушаны пять докладов, в двух из которых освещались актуальные вопросы исторической демографии. В.А.Исупов (д.и.н., Новосибирск), акцентировавший внимание на проблемах становления этой дисциплины, отметил, что в настоящее время приоритетной задачей историков-демографов становится подготовка обобщающих работ (фото). Г.Е.Корнилов (д.и.н., Екатеринбург), рассказавший о демографическом кризисе в уральской деревне второй половины 1940-х — начала 1950-х гг., выявил основные факторы смертности сельского населения в этот период. Вопросы аграрной истории раскрывались в выступлениях

* **Андреевков Сергей Николаевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, член Программного комитета конференции.

Дашинамжилов Одон Борисович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН, учёный секретарь Оргкомитета конференции.

** Проект 14-01-14005г.

В.В.Кондрашина (д.и.н., Пенза), В.А.Ильиных (д.и.н., Новосибирск) и Э.И.Калугиной (д.социол.н., Новосибирск). Первый в своём выступлении, обосновывая тезис о влиянии Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 г. на российскую деревню, указал на то, что данные события спровоцировали аграрно-крестьянскую общинную революцию. В.А.Ильиных проанализировал основные модели решения аграрного вопроса в годы постсталинского десятилетия. По его мнению, в середине 1950-х гг. осуществлялся преобразовательный проект Н.С.Хрущёва, который базировался на идеях социалистической реконструкции сельского хозяйства 1920-х гг. и противопоставлялся сталинской колхозной системе. Э.И.Калугина выявила основные этапы аграрной политики государства 1990—2000-х гг. и отметила её ситуативность, непоследовательность и недостаточную обоснованность.

Фото. Пленарное заседание конференции

Дальнейшая работа конференции проходила в рамках заседаний двух секций. На первой секции, посвящённой вопросам аграрного развития Сибири и сопредельных территорий, были заслушаны 17 докладов и сообщений. История сибирской деревни конца XIX — начала XX в. была представлена в шести выступлениях, раскрывавших проблемы переселенческой политики и адаптации российских крестьян к условиям Азиатской России. С докладами на данные темы выступили М.В.Шиловский (д.и.н., Новосибирск), М.К.Чуркин (д.и.н., Омск), Д.Н.Белянин (к.и.н., Кемерово) и В.Н.Разгон (д.и.н., Барнаул). В сообщении Г.М.Запорожченко (к.и.н., Новосибирск) говорилось о формировании идеологии кооперативной интеграции в Сибири в начале XX в. С.А.Пахомчик (к.э.н., Тюмень) рассказал о роли правительственных агрономов в развитии сельхозпроизводства Западной Сибири в этот период.

Вопросы аграрной истории Сибири 1914–1921 гг. были раскрыты в сообщениях А.П.Шекшеева (к.и.н., Абакан), заявившего о некорректности применения термина «общинная революция» для описания событий 1917 г. в сибирской деревне, В.Г.Кокоулина (д.и.н., Новосибирск), акцентировавшего внимание на аграрной политике и развитии сельского хозяйства в Сибири в 1920 г., и В.М.Рыноква (к.и.н., Новосибирск), выявившего особенности адаптации городского населения региона к продовольственным кризисам. По мнению В.М.Рыноква, в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны горожанам удавалось выживать благодаря расширению городских садово-огородных хозяйств, ставших впоследствии неотъемлемой частью советской повседневности. 1920-е гг. на секции были представлены сообщением Т.И.Морозовой (Новосибирск), в котором членство крестьян в РКП(б)–ВКП(б) было рассмотрено как канал коадаптации власти и общества. В докладе И.С.Кузнецова (д.и.н., Новосибирск) анализировались дискуссионные вопросы отечественной историографии крестьянства 1920–1930-х гг. Тематика 1930-х гг. затрагивалась в выступлении А.А.Пясули (Новосибирск), посвящённом вопросам совхозного строительства в Сибири в этот период.

Анализ проблематики аграрной истории военного и послевоенного периодов был начат в сообщении Л.В.Алексеевой (д.и.н., Нижневартовск), рассказавшей о развитии сельского хозяйства в районах Севера в 1941–1945 гг. С.Н.Андреевков (к.и.н., Новосибирск) сообщил о проблемах функционирования и проектах реформирования системы машинно-тракторных станций в 1946–1958 гг. Д.С.Орлов (к.и.н., Бийск) раскрыл причины кризиса сельхозпроизводства в Кемеровской области в начале 1980-х гг. В выступлении Я.М.Санниковой (к.и.н., Якутск) шла речь о структуре управления сельским хозяйством Якутии в 1985–1991 гг. Постсоветский этап аграрного развития Сибири на секции был представлен докладом О.П.Фадеевой (к.социол.н., Новосибирск), в котором были показаны результаты социологического исследования практик хозяйствования фермеров одного их районов Алтайского края. Автор сделал вывод о том, что мелкие хозяйства в существующих условиях почти не имеют шансов на выживание.

В заседании секции «Демографическое развитие» было заслушано семь докладов и сообщений, посвящённых самым разнообразным проблемам демографического развития регионов Сибири, Урала и Дальнего Востока и хронологически охвативших длительный период с конца XIX по начало XXI в.

Дореволюционному периоду был посвящён доклад В.А.Зверева (д.и.н., Новосибирск) и Ю.В.Линейцевой (Новосибирск), которые на

общероссийском фоне рассмотрели особенности формирования населения Забайкальского казачьего войска. Проанализирован его социальный состав, на основе объёмного источникового материала выявлен вклад естественного и механического прироста в увеличение численности его населения. Сделан важный вывод о последовательном вступлении населения войска в процессы демографического перехода.

Специфика источниковой базы и основные направления изучения семейных отношений оказались в центре внимания доклада О.В.Горбачёва (д.и.н., Екатеринбург). На примере партийной переписи 1922 г. докладчик наглядно продемонстрировал особенности содержательной части этого интересного источника, на основе которого можно сделать обобщающие выводы об уровне доходов, размерах семей, возрастном и социальном составе работников партийного аппарата Екатеринбургской губернии. Автор сделал важный вывод о постепенном вовлечении традиционной семьи в процессы модернизации при сохранении сильных пережитков патриархального строя.

В военное время значительно деформируется эволюционное течение демографических процессов, которые и в послевоенный период несут на себе отпечатки предшествующих, вызванных военными действиями, экономических и социальных потрясений. В связи с этим особый интерес научной аудитории вызвали доклады Р.С.Бикметова (д.и.н., Кемерово), Н.С.Коробейниковой (Новосибирск) и В.Б.Лапердина (к.и.н., Новосибирск). Взрывной рост масштабов принудительных миграций проанализировал Р.С.Бикметов. В его докладе были озвучены формы привлечения рабочей силы на предприятия, её распределение по отраслям народного хозяйства, возрастной, половой и национальный состав, правовое положение, продовольственное и материальное обеспечение. Несмотря на принудительный характер привлечённого на работу контингента, исследователь отметил его сравнительно высокую производственную эффективность, что могло в ряде случаев улучшить правовой статус работников.

Н.С.Коробейникова отметила значительную трансформацию социальной роли женщин в годы войны и резкое повышение уровня их занятости в общественном производстве, что негативно сказалось на рождаемости в этот период. Отрицательное влияние последствий военных действий на брачно-семейные отношения было показано в выступлении В.Б.Лапердина.

В докладе Л.Н.Славиной (д.и.н., Красноярск), освещающем современные процессы народонаселения, на основе переписей 1989 и 2010 гг. охарактеризованы произошедшие сдвиги в демографической и социально-экономической структуре сельского населения Красноярского края. Автор справедливо указал на необходимость более широкого вовлечения стати-

стических источников последней трети XX — начала XXI в. в научный оборот, указав на их высокую информативность при изучении не только современных социально-демографических процессов, но и протекавших в более далекие исторические периоды. Современные проблемы демографического развития также освещены в докладе представителя администрации Алтайского края Н.В.Сапегинной (Барнаул). Она указала на рост внутрирегиональной территориальной экономико-демографической дифференциации субъектов Российской Федерации. Детальный анализ и мониторинг этой проблемы не только актуальны в научном плане, но и особо ценны для региональных государственных органов, в задачи которых входит обеспечение равных социальных условий экономического развития всех административных единиц.

В целом доклады были встречены со значительным интересом у аудитории и вызвали активную научную полемику. Культурная программа конференции включала экскурсию по музеям СО РАН. Участники форума отметили высокий научный и организационный уровень мероприятия и актуальность обсуждаемых вопросов, выразили благодарность за оперативную публикацию материалов, что позволило повысить эффективность работы. Было рекомендовано расширять изыскания по актуальным вопросам аграрной и демографической истории, в том числе на стыке различных отраслей гуманитарных наук; привлекать к работе конференции представителей органов власти и руководителей предприятий АПК; углублять взаимодействие с зарубежными учёными, прежде всего из географически сопредельных стран; более широко пропагандировать результаты мероприятия в средствах массовой информации.

Д.В.Аронов*

Всероссийская научная конференция «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии» (Орёл, 25–26 сентября 2014 г.)**

Изучение истории российского либерализма давно стало одним из устоявшихся направлений современной отечественной историографии. Предметом научного исследования представителей различных направлений гуманитарной науки являются история политических организаций отечественного либерализма, возникновения, становления и эволюции либеральной идеологии во всех самых разнообразных её проявлениях, парламентская составляющая политической истории России, неотрывная от истории либерализма в России.

В конференции «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии» приняли участие известные российские специалисты в области истории либерализма из Москвы, Казани, Тамбова, Минска, Пензы, Череповца, Орла и других городов (фото 1).

Фото 1. Пленарное заседание

* **Аронов Дмитрий Владимирович** — доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса (Орёл), председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 14-01-14001г.

Результаты проведения конференции отражены в сборнике материалов, вышедшем в свет к её открытию (фото 2), что позволило оптимизировать непосредственную работу на пленарном и секционном заседаниях, избавив докладчиков и выступающих от необходимости излагать в развёрнутой форме содержание опубликованных статей и сосредоточиться на дискуссионных моментах [1].

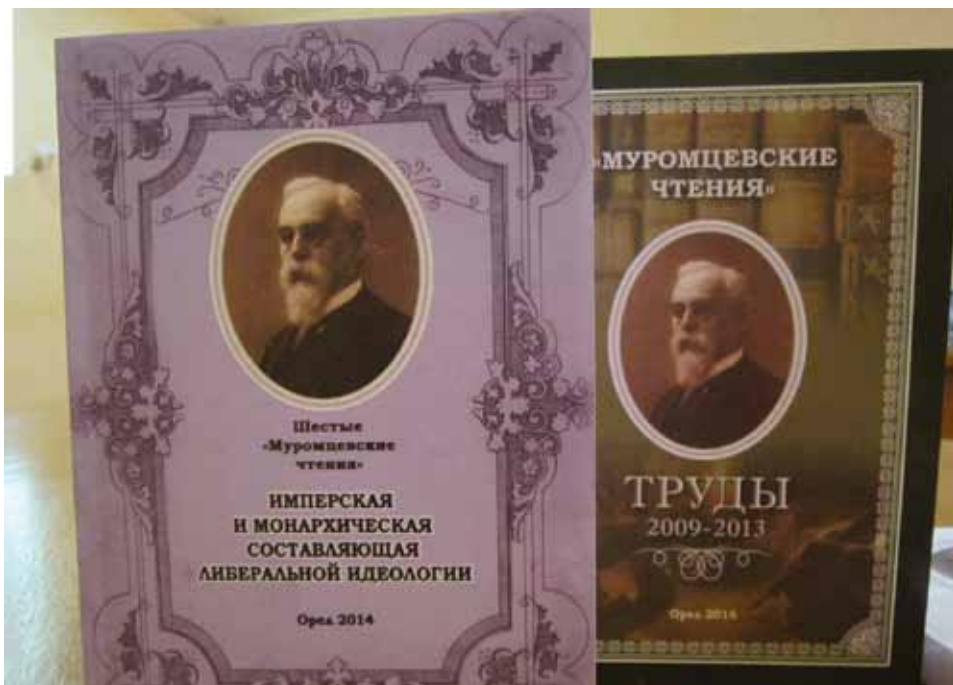

Фото 2. Сборники «Муромцевских чтений»

Анализ опубликованных в сборнике и представленных непосредственно в ходе работы конференции работ выявил как минимум два основных методологических направления в понимании сущности имперского и монархического контента в либеральной идеологии. Первый из них в наиболее полном виде сущностно был представлен в работе В.В.Шелохаева «Имперская и монархическая составляющие либеральной идеологии (к постановке проблемы)». Этот подход предопределил парадигму целого ряда иных работ участников конференции, опирающихся на заложенные в нём методологические принципы понимания сущности имперской идеологии в процессе её трансформации в рамках либеральной идеологии.

Данная концепция прежде всего предполагает наличие внутренней динамики формирования и последующего генезиса имперского и монархиче-

ского концепта в либеральной идеологии. При этом она никоим образом не поступает имманентно присущими ей базовыми ценностями. В центре социума остаётся прежде всего человек с его правами и свободами. Категорически неприемлемо и насилие как средство осуществления общественных преобразований. Имперский и монархический концепт понимаются не как некий частный политический манёвр в либеральной партийно-политической практике на определённом этапе развития, приносящий определённые дивиденды, но как совокупность категорий, присущих ей изначально и изменяющих своё содержание по мере эволюции идеологии российского либерализма.

Второй подход к пониманию места и роли имперской и монархической составляющей в либеральной идеологии концептуально был представлен в выступлении А.А.Кара-Мурзы и работе В.К.Кантора «Империя как европейская идея». Принципиально совпадая в части признания наличия естественной органической связи этих компонентов с либеральной идеологией, этот подход содержал явный акцент на необходимости многофакторного междисциплинарного анализа применительно к конкретной исторической ситуации.

Конференция стала продолжением традиционных «Муромцевских чтений» — ежегодных научных мероприятий, посвящённых одному из выдающихся политических деятелей России, председателю Первой Государственной думы Сергею Андреевичу Муромцеву, чья жизнь и деятельность были тесно связаны с Орловщиной. Начавшись в 2009 г. как сравнительно скромное мероприятие, скорее регионального масштаба, на базе Орловского государственного технического университета (сегодня Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса), они со временем показали, что изучение либерального наследия начала XX в. имеет богатейший потенциал и привлекает известных специалистов в этой области науки.

За время проведения «Муромцевских чтений» (в 2014 г. они были уже шестыми по счёту) сложилось несколько добрых научных традиций, одной из которых стало издание сборника материалов конференции к началу её работы. По традиции, также сложившейся в ходе чтений, каждое выступление сопровождалось обстоятельной дискуссией, непосредственно связанной с его проблематикой.

Работы участников конференции, как правило, конкретизировали одно из указанных выше базовых направлений на примере партийной и/или личностной истории российского либерализма, его политико-правовых практик (Н.Б.Хайлова «Имперская и монархическая идея: взгляд русских либералов-центристов начала XX в.», А.С.Туманова «Либеральные идеи

общественного переустройства в повестке дня Пироговских съездов 1915–1916 гг.»).

Проявлениям имперского и монархического концепта в парламентской деятельности российского либерализма посветили свои исследования Р.А.Циунчук («Позднеимперская российская монархия и новый русский монархический церемониал в мемуарах члена Государственного совета Э.Войнилловича») и Ф.А.Гайда («Правые кадеты: поиски новой повестки для партии (1909–1914)»).

Об этой же проблеме, но на примере либерального законотворчества, говорили Д.В.Аронов («Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в.») и Н.В.Дмитриева («Имперская идея в либеральной модели национально-государственного устройства России начала XX в.»).

К истокам формирования исходных составляющих либеральной идеологии обратился А.Н.Медушевский («Закон Токвиля и русская революция (по документам политических партий начала XX в.)»). Восприятие российским социумом, его отдельными группами носителей данных элементов либеральной идеологии в исторической динамике их развития посвятили свои работы В.В.Вострикова («Либералы начала XX в. о монархии как сущностной составляющей российского исторического процесса») и А.Н.Егоров («Либералы глазами революционно-демократических кругов России второй половины XIX – начала XX в.»).

Личностный аспект восприятия имперского и монархического концептов идеологии в деятельности отдельных представителей политически активной части российского общества начала XX в. раскрыли Л.Г.Протасов («Социалист с душой либерала») и О.А.Жукова («Имперский порядок и метафизика свободы: христианский социализм В.Ф.Эрна»).

Дискуссия, открытая в ходе реализации проекта, может стать основой формирования нового научного направления, показывающего всё богатство либеральной идеологии, в том числе и с точки зрения наличия в ней имперской и монархической составляющих. На настоящий момент это является дискуссионным постулатом для представителей целого ряда научных школ и направлений.

В завершении «Муромцевских чтений», как обычно, состоялось обсуждение темы следующих чтений. Оно прошло в рамках второй части пленарного заседания, на которой были обобщены результаты секционной работы. В итоге будущие, VII, «Муромцевские чтения» намечены на конец сентября – начало октября 2015 г. Научному сообществу предложена следующая проблематика: «Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатич-

ке и политико-правовой практике российского либерализма». Эта тема предполагает, прежде всего, многопрофильность участвующих в ней специалистов по истории российского либерализма.

Литература

1. Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Муромцевские чтения: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Орёл: Издатель Александр Воробьев, 2014; Муромцевские чтения. Труды. 2009—2013: Сборник научных статей. Орёл: Издатель Александр Воробьев, 2014.

А.Г.Ситдиков, Х.М.Абдуллин, Е.Г.Дэвлет*

IV (XX) Всероссийский археологический съезд (Казань, 21–25 октября 2014 г.)**

IV (XX) Всероссийский археологический съезд продолжил традицию проведения крупнейших форумов для обсуждения проблем археологической науки и древней национальной истории. Организаторами съезда выступили Институт археологии им. А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт археологии РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Институт истории материальной культуры РАН.

Подготовка и проведение IV (XX) Всероссийского съезда в Казани осуществлялись при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан и Российского гуманитарного научного фонда.

Традиция археологических съездов, заложенная археологами дореволюционной России, была возобновлена в 2006 г. Новосибирским институтом археологии и этнографии СО РАН. Это позволило консолидировать археологическую и историческую науку после распада СССР, актуализировать вопросы изучения древнего прошлого нашей страны и выработать общие решения по сохранению археологического наследия. Очередной археологический съезд было решено провести в Казани, учитывая достижения археологической науки Татарстана в последние годы, а также принимая во внимание историческую преемственность данного форума с проходившим в Казани в 1877 г. IV Всероссийским археологическим съездом.

Об актуальности и важности данного мероприятия, дающего возможность ознакомиться с результатами научных проектов и обсудить значимые вопросы археологической и исторической науки, свидетельствует быстро растущее число его участников. Так, во II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в г. Суздале в 2008 г. приняли участие более 400 учёных из 190 учреждений 53 субъектов РФ, в III (XIX) Всероссийском археологическом съезде в Старой Руссе и Великом Новгороде в 2011 г. участвовало более 600 учёных, представлявших научные, образо-

* **Ситдиков Айрат Габитович** — доктор исторических наук, директор Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, председатель Оргкомитета съезда.

Абдуллин Халим Миннуллович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, член Оргкомитета съезда.

Дэвлет Екатерина Георгиевна — доктор исторических наук, учёный секретарь Института археологии РАН, член Оргкомитета съезда.

** Проект 14-11-16502 г(р).

вательные и культурные учреждения и организации из более чем 60 субъектов РФ.

В ходе подготовки археологического съезда в Казани оргкомитет получил и рассмотрел около 950 заявок на участие в форуме от учёных из 72 регионов России и 22 стран ближнего и дальнего зарубежья. Учёные представляли более 260 научных организаций, вузов, музеев, а также государственные органы охраны памятников истории и культуры и другие организации. От зарегистрированных участников поступило около 700 докладов для публикации в материалах съезда; все присланные доклады были рассмотрены рецензентами; допущенные к публикации тезисы составили 5-томное издание трудов съезда (изданы четыре тома: Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г.Ситдинов, Н.А.Макаров, А.П.Деревянко; Ред.-сост. Х.М.Абдуллин. Казань: Отечество, 2014. Т. I. — 698 с.: ил., вклейка; Т. II. — 462 с.: ил., вклейка; Т. III. — 702 с.: ил., вклейка; Т. IV — 434 с.: ил., вклейка). Для участников съезда была подготовлена обширная экскурсионная программа, включавшая осмотр двух памятников из списка ЮНЕСКО — Казанского кремля и Болгарского городища, а также острова-града Свияжск.

IV (XX) Всероссийский археологический съезд собрал в итоге около 700 участников, включая делегации из зарубежных стран: Украины, Белоруссии, Казахстана, Финляндии, Эстонии, Германии, Китая и Великобритании. Российские археологи представляли 224 организации из 92 городов, расположенных в 70 регионах страны.

На пленарном заседании Съезда присутствовали и выступили Государственный советник Республики Татарстан, Председатель Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев (фото 1), Министр культуры Республики Татарстан А.М.Сибатуллин, вице-президент АН РТ Д.Ш.Сулейманов, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета И.Р.Гафуров, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик, сопредседатель Российского исторического общества А.П.Деревянко, директор Института археологии РАН, академик Н.А.Макаров, директор Института археологии АН РТ А.Г.Ситдинов, чл.-кор. РАН Н.В.Полосьмак, зав. отделом Института археологии РАН В.Д.Кузнецов. Были зачитаны приветствия от председателя Государственной Думы Федерального собрания РФ, председателя Российского исторического общества С.Е.Нарышкина, Президента РАН В.Е.Фортова, Президента Академии наук Республики Татарстан М.Х.Салахова, Министра культуры РФ В.Р.Мединского.

Фото 1. Открытие IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казанском (Приволжском) федеральном университете. В президиуме (слева направо): А.Г.Ситдиков, Д.Ш.Сулейманов, А.М.Сигабатуллин, М.Ш.Шаймиев, И.Р.Гафуров, Н.А.Макаров, А.П.Деревянко, Р.Р.Хайрутдинов

Заметным событием в работе IV (XX) Всероссийского археологического съезда стала презентация вышедшей накануне форума книги «Научные экспедиции РГНФ» (фото 2), в которой обобщены наиболее важные полевые археологические и этнографические проекты, поддержанные на протяжении всей истории деятельности Российского гуманитарного научного фонда. Результаты многих из этих проектов обогатили источниковую базу отечественной археологии и этнографии, материалы продолжают изучаться с применением новейших методов современной науки, опирающейся на междисциплинарные исследования, а спасённые древности заняли достойное место в музейных собраниях.

В ходе работы съезда было заслушано более 500 докладов, работа велась в рамках 21 секции и 4 круглых столов. На секции «Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии» затрагивались темы первоначального заселения, комплексные проблемы культур верхнего палеолита, взаимодействие неандертальцев с денисовцами. На секции «Культурные процессы в неолите и энеолите Евразии» обсуждение было сфокусировано на рассмотрении факторов и механизмов формирования древнего гончарства, анализе ранних неолитических комплексов.

Блок археологии Поволжья был представлен в методологическом ключе культурно-исторического подхода на секции «Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку», где рассматривались многие дискуссионные проблемы. Здесь же были заслушаны доклады по технологии керамики, междисциплинарным исследованиям и подходам, разным аспектам изучения металлургии и металла рассматриваемого периода.

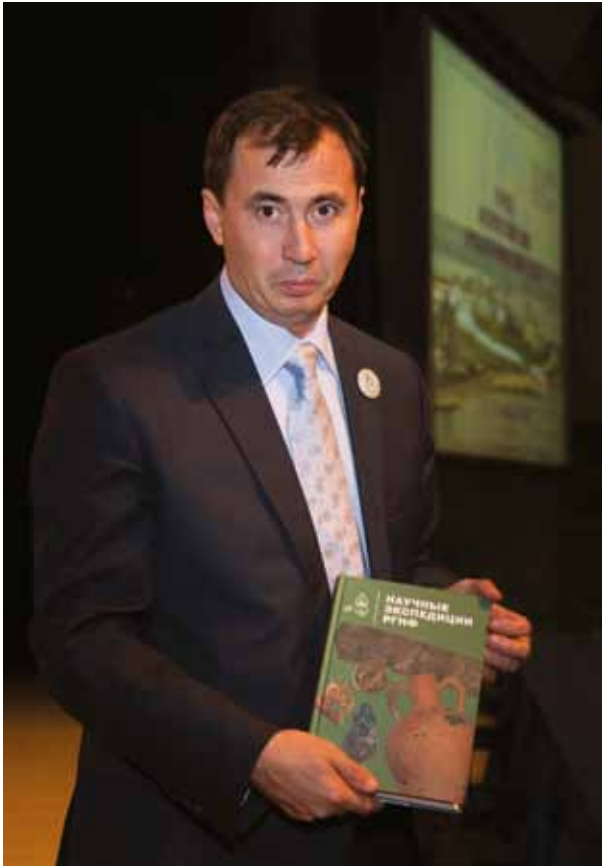

Фото 2. Директор Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ А.Г.Ситдиков с новым изданием «Научные экспедиции РГНФ»

Обсуждение, посвящённое культурным общностям скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях, касалось элементов материальной культуры и технологий.

На секции «Этнокультурные процессы I тыс. н.э. в Евразии» рассматривались проблемы археологического изучения территорий от Прибалтики, Поднепровья—Подонья до Поволжья—Приуралья и Зауралья, а достижения археологов в исследовании древней истории населения восточных регионов были представлены в рамках заседаний секции «Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке».

Активно обсуждались вопросы фортификации городищ, особенностей погребального обряда, последних достижений полевых исследований на секции «Средневековая археология Сибири и Дальнего Востока».

Плодотворно были рассмотрены и проанализированы проблемы «Археологического изучения средневекового города» и «Археологического из-

учения Золотой Орды». Внимание акцентировалось на наиболее важных для этого периода вопросах, среди которых — урбанизация, экономика, уклад жизни средневекового населения городов и взаимодействие с сельской округой, комплексный анализ городищ и поселенческих структур.

Широкая тематика вопросов изучения наскального искусства и предметов мелкой пластики была представлена на секции «Первобытное искусство: проблемы и перспективы исследований», продемонстрирован широкий спектр исследовательских методик и не менее обширный ареал изучаемых памятников.

В ходе работы секции «Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств» обсуждались доклады, посвящённые исследованиям техники изготовления и использования орудий из камня, кости, металла; химическому составу стекла и предметов из цветного металла; технико-типологическому изучению керамики. Подчёркивались необходимость и важность междисциплинарных исследований с привлечением методов естественных наук и специальных технологий при сохранении приоритета решения исторических задач в результате подобных разработок.

На секции «Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания» прозвучали доклады, посвящённые опыту реализации крупных проектов, а также различным аспектам исследований памятников Нового и Новейшего времени.

Тематика докладов секции «История археологических исследований: люди, памятники, идеи» подразделялась на периоды: история науки до 1917 г. и история науки в XX в. Отмечен значительный интерес к истории развития науки, подведению итогов, а также пересмотру некоторых устоявшихся взглядов и мнений на основе новейших достижений и накопления значительного объёма новой информации.

Участники секции «Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии» обсуждали работы в области почвенно-археологических исследований, геоинформационных систем, данных дистанционного зондирования, археологической геофизики и топографо-геодезических работ в разных регионах страны.

В работе секции «Археология северо-восточной Евразии в исторический период XVI—XVIII вв.» отмечены существенно возросшая актуальность направления, его связь с практической жизнью и современной культурой.

В докладах, прочитанных на секции «Естественно-научные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии», представлены результаты крупных комплексных междисциплинарных исследований в ар-

хеологии, палеозоологии, модели взаимодействия человека с окружающей средой и динамика этих процессов, а также наиболее результативные исследования по реконструкции палеосреды.

Новацией съезда стали инициативные секции «Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности и этногенетического взаимодействия древнего населения России», «Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии».

Совместно с Министерством культуры РФ были проведены два круглых стола «Актуальные вопросы сохранения археологического наследия» и «Памятники археологии под открытым небом: проблемы доступа к культурному наследию и сохранения научного потенциала», а также круглый стол, посвящённый проблеме этики в археологии. Участниками круглых столов стали ведущие исследователи, руководители крупных историко-археологических музеев-заповедников и служб охраны культурного наследия России.

Для участников съезда была подготовлена фотовыставка полевых археологических проектов (фото 3).

Фото 3. Фотовыставка полевых археологических проектов

Всероссийский археологический съезд стал значимым событием не только в жизни археологического сообщества. На заседаниях секций и круглых столов, в полемике в кулуарах съезда получили возможность общения представители академической и вузовской науки, сотрудники музеев и органов охраны памятников со всех концов России. Форум позволил обозначить наиболее важные проблемы развития археологии в современном мире и обсудить пути решения актуальных задач формирования гуманитарного знания.

С.В.Дохолян, В.З.Петросянц*

**V Всероссийская научно-практическая конференция
«Региональные проблемы преобразования экономики:
интеграционные процессы и механизмы формирования
и реализации социально-экономической политики
устойчивого развития» (Махачкала, 14–15 октября 2014 г.)****

Главным организатором конференции стал Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН (ИСЭИ ДНЦ РАН). На форум были приглашены видные экономисты, представители научного сообщества, власти и бизнеса из 40 регионов России, а также из Казахстана, Украины, Узбекистана, Азербайджана.

Фото 1. Президиум конференции (слева направо): Председатель Экономического совета при Главе Республики Дагестан, д.э.н., профессор А.М.Гиндиев, директор ИСЭИ ДНЦ РАН, д.э.н., профессор С.В.Дохолян, ректор Дагестанского государственного института народного хозяйства, д.э.н., профессор Я.Г.Бучаев

С приветственным адресом к участникам конференции обратился заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ И.М.-С.Умаханов, в котором было отмечено, что конференция проходит в непростой для страны период; это требует актуализации существующих научных подходов к использованию резервов социально-экономического развития регионов, в том числе интеграционного сотрудничества.

* **Дохолян Сергей Владимирович** — доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, сопредседатель Оргкомитета конференции.

Петросянц Виктор Завернович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, член Оргкомитета конференции.

** Проект 14-02-14007г.

Основной целью конференции было обсуждение и формирование современных научно обоснованных подходов к усилению интеграционных процессов и развитию региональных социально-экономических систем с позиций модернизации и инновационных преобразований экономики.

В докладе Министра промышленности, торговли и инвестиций к.э.н. Ю.Д.Умавова «Проблемы турбулентности в реализации политики устойчивого экономического развития региона» было отмечено, что устойчивость регионального развития подразумевает определённую целенаправленность и стабильность экономических потоков, что крайне затруднительно в период действия санкций, введённых в отношении России и ряда российских организаций странами Евросоюза и США. В условиях достаточно агрессивной внешней среды особую актуальность приобретают проблемы турбулентности как экономического явления, рассматриваемые либо с позиций экономической гибкости и быстроты реакции приспособления, либо с позиций необходимости кардинальных изменений научных подходов к интерпретации современных процессов в экономике и создания абсолютно новых моделей экономического развития.

Старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН, к.э.н. М.М.Чернышов акцентировал внимание на том, что изменения в российской экономике, произошедшие в 2014 г., требуют пересмотра подходов к оценке экономического развития регионов на ближайшую перспективу. Ситуацию в экономике регионов уже с осени 2014 г. нужно оценивать как кризисную. Необходимы принципиально новые бюджетные и инвестиционные решения, а также антикризисная стратегия на период до 2018 г.

Выступление начальника Управления территориального развития и производственного комплекса Министерства экономики и территориального развития РД, д.г.н, профессора Ш.С.Мудуева «Импортозамещение — основа обеспечения продовольственной безопасности Республики Дагестан» актуализировало одну из ключевых проблем современной экономической политики. Высокие затраты на производство продукции в совокупности с дорогими кредитными ресурсами и отсутствием инфраструктуры обслуживания значительно снижают конкурентоспособность сельского хозяйства. Объективно возникает необходимость в серьёзных институциональных изменениях: в совершенствовании системы налогообложения, развитии системы кредитования и системы страхования сельскохозяйственных производств, развитии сельскохозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, поддержке инновационных преобразований.

Директор ИСЭИ ДНЦ РАН, д.э.н., профессор С.В.Дохолян рассмотрел вопросы, связанные с формированием региональной политики

в условиях модернизации и инновационных преобразований экономики. Докладчик определил методологические принципы, на которых осуществляется формирование региональной политики, выделил основные этапы процесса её создания. Были также представлены схема формирования и методика обоснования стратегии социально-экономического развития региона, а также функциональная модель управления инвестиционным процессом, где выделены три основных структурных блока: планирование и координация, регулирование, контроль.

Крайне важная проблема регионального развития — индустриализация экономики — была поднята в докладе ректора Дагестанского государственного института народного хозяйства, д.э.н., профессора Я.Г.Бучаева. Он обратил внимание на то, что в условиях острой нехватки инвестиционных ресурсов обеспечение развития производственной сферы региона связано с определением стратегических приоритетов, способных выступать точками экономического роста и обладающих мультипликативным эффектом. Но сегодняшняя реальность делает проблематичной существенное увеличение объёмов инвестиций в производственный сектор региональной экономики. Возникает объективная необходимость в повышении эффективности использования существующих бюджетных инвестиционных средств, а также в активизации привлечения частных инвестиционных ресурсов в сферу регионального производства.

Не менее значимая проблема, применительно к особенностям Северо-Кавказского региона, была затронута в выступлении зав. кафедрой государственного и муниципального управления ДагГУ д.э.н., профессора А.Д.Айгумова «Национальные традиции и перспективы развития горных районов Дагестана». Он отметил, что в современном мире производство продовольствия в естественных условиях становится глобальным конкурентным преимуществом. Необходимо возродить национальные традиции престижности земледелия, отнестя сельского жителя к высшим ценностям государства, а производство экологически чистой высококачественной сельскохозяйственной продукции считать важнейшей приоритетной задачей в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны, прогресса не только в сельском хозяйстве, но и в экономике в целом.

Формированию сбалансированного рынка труда как инструмента государственной политики занятости населения был посвящён доклад заместителя Министра труда и социального развития РД А.А.Ханипова. Рассматривая различные аспекты в области занятости, он отметил, что разбалансированность рынка труда является серьёзным тормозом в развитии и использовании экономического потенциала. В сфере занятости населения Республики Дагестан сложился существенный дисбаланс между спросом

и предложением рабочей силы на рынке труда, требующий принятия специальных мер государственного регулирования: с одной стороны, ощущается острая нехватка свободных рабочих мест для граждан, ищущих работу, а с другой стороны, остаются невостребованными заявки работодателей по рабочим специальностям. И как это ни парадоксально, но дестабилизатором ситуации является рынок образовательных услуг с его проблемой подготовки специалистов по многим рабочим профессиям.

Старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН, к.э.н. Н.С.Гичиев уделил внимание вопросам влияния современных международных интеграционных процессов на экономическое развитие регионов. В докладе были представлены результаты эконометрических оценок влияния внешних и внутренних факторов на экономический рост субъектов Северо-Кавказского федерального округа, которые показали, что основными детерминантами роста валового регионального продукта и внешней торговли большинства субъектов СКФО являются экзогенные факторы (цена на нефть и валютный курс доллара), что эффективность функционирования региональных социально-экономических систем в значительной степени зависит от мировой конъюнктуры.

Заведующий отделом воспроизводства населения и трудовых ресурсов ИСЭИ ДНЦ РАН, д.э.н. Ш.К.Кутаев отметил, что необходимым условием целенаправленного повышения эффективности трудового потенциала страны и её регионов является эффективное вмешательство государства в процессы его использования и развития, создания рабочей силы, обладающей более высокими способностями и сильной мотивацией к достижению намеченных собственных и общественно-значимых целей. Органы исполнительной власти на местах должны прогнозировать спрос на специалистов в различных отраслях экономики и ориентировать молодёжь на выбор соответствующих профессий, исходя из интересов экономики региона, а также устанавливать квоты учебным заведениям по различным специальностям.

Эти и другие вопросы в области регулирования регионального развития, формирования и развития интеграционных процессов в сфере внешнеэкономического и межрегионального взаимодействия стали предметом обсуждения на четырёх секциях: «Интеграционные процессы как фактор социально-экономического развития региона», «Современная социально-экономическая политика устойчивого развития региона», «Социальные и демографические аспекты преобразования экономики региона», «Проблемы модернизации и инновационных преобразований региональной экономики».

Социально-экономические и политические преобразования в современной России обусловили изменение критериев и факторов территориального развития. Более того, они создали принципиально иную среду для

взаимодействия регионов с федеральным Центром и между собой. Всё это в совокупности с хозяйственными различиями регионов России определяет ведущую роль региональной политики в обеспечении экономической интеграции российских территорий и создании оптимальной системы экономического федерализма.

Выравнивание структуры и содержания региональных экономических явлений, сдерживание экономических индикаторов от хаотичного скачкообразного движения возможно при условии дальнейшего поддержания баланса рационального природопользования, инвестиционной и предпринимательской активности, регулирования торгово-экономических отношений, развития социальной сферы региона.

Широкий круг вопросов, вынесенный на дискуссионную площадку конференции, а также представительный состав участников определили уровень и научно-практическую значимость результатов её работы.

По итогам работы форума были приняты рекомендации, отражающие современные подходы и ключевые направления в области совершенствования системы регулирования регионального развития в рамках формирования, реализации эффективной социально-экономической политики и с позиций усиления роли интеграционных процессов в экономике.

А.А.Анфиногентова, Н.А.Яковенко*

Международная научная конференция «Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности в условиях членства России во Всемирной торговой организации» (Саратов, 28–30 октября 2014 г.)**

Более 20 лет в Институте аграрных проблем Российской академии наук (ИАГП РАН) ежегодно проводятся научные конференции, посвящённые памяти первого директора Института, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Владимира Борисовича Островского (Островские чтения). Особенностью конференций, на которых обсуждаются актуальные проблемы развития агропродовольственного комплекса России, является реализация междисциплинарного подхода, основанного на системном межотраслевом анализе экономических, социальных и экологических аспектов развития комплекса.

В августе 2012 г. после длительных переговоров Россия официально стала страной-членом Всемирной торговой организации (ВТО). Особое значение в переговорных процессах между Россией и ВТО занимали проблемы сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности страны. Научная конференция, состоявшаяся в октябре 2014 г. в ИАГП РАН, была посвящена обсуждению актуальных проблем обеспечения продовольственной безопасности России в условиях динамичных изменений внешних и внутренних факторов функционирования агропродовольственного комплекса, а также первых итогов его развития, обусловленных присоединением нашей страны к ВТО.

В рамках конференции были рассмотрены вопросы развития теории и методов обоснования приоритетных направлений социально-экономического развития агропродовольственного комплекса России, стратегического управления его конкурентоспособностью, инновационного развития институциональной среды и производственного потенциала комплекса, управления развитием социального потенциала аграрного сектора России.

В работе конференции приняли участие директор Института проблем точной механики и управления РАН, член-корреспондент РАН А.Ф.Резчиков, директор Института биохимии и физиологии растений и ми-

* **Анфиногентова Анна Антоновна** — академик, доктор экономических наук, директор Института аграрных проблем РАН, председатель Оргкомитета конференции.

Яковенко Наталия Анатольевна — доктор экономических наук, учёный секретарь Института аграрных проблем РАН, член Оргкомитета конференции.

** Проект 14-02-14001г.

кроорганизмов РАН, д.хим.н. С.Ю.Щёголев, заведующий лабораторией Института биохимии и физиологии растений и микроорганизмов РАН, д.биол.н. В.В.Игнатов, заместитель директора по научной работе Поволжского научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Россельхозакадемии, д.э.н. Е.Ф.Заворотин, представители федеральных и муниципальных органов государственной власти, общественных организаций, преподаватели, аспиранты и магистранты вузов.

С докладом на тему «Критерии оценки состояния и методы системного обеспечения продовольственной безопасности России» на конференции выступила директор ИАГП РАН, академик А.А.Анфиногентова. На основе критического анализа современных концепций обеспечения глобальной продовольственной безопасности она предложила методы системного обеспечения продовольственной безопасности России с использованием таблиц «затраты—выпуск» агропродовольственного комплекса для обоснования эффективных структурных сдвигов, обеспечения устойчивого роста конечного продукта комплекса. Был сделан вывод, что межотраслевой подход позволяет обеспечить системное стратегическое управление процессом импортозамещения на основе преимущественно недополняющего импорта продовольствия и сырья для его производства. В докладе также отмечено, что межотраслевой подход может быть реализован в процессе обеспечения глобальной продовольственной безопасности с использованием межотраслевой межрегиональной модели агропродовольственного комплекса мира как одного из ключевых блоков исследования мировой экономики, а важнейшим требованием фундаментального научного обоснования стратегии системного обеспечения продовольственной безопасности страны является учёт фактора пространства.

Потенциальному росту конкурентоспособности агропродовольственного комплекса, поиску новых стратегических альтернатив его развития был посвящён пленарный доклад заведующей лабораторией ИАГП РАН, профессора, д.э.н. О.В.Ермоловой. Она представила результаты исследования факторов роста конкурентоспособности, возможностей и условий импортозамещения на продовольственном рынке. Было отмечено, что важнейшим направлением дальнейшего развития исследований является анализ потенциала импортозамещения на отечественном продовольственном рынке и институциональной среды для его реализации. В докладе обоснованы актуальные меры государственной поддержки агропродовольственного комплекса страны.

Методологические подходы к разработке концепции стратегического управления производственным потенциалом агропродовольственного ком-

плекса на основе стимулирования качественных сдвигов в его отраслевой и технологической структуре были изложены в выступлении заведующего лабораторией ИАГП РАН, профессора, д.э.н. С.А.Андрющенко. Заведующая лабораторией ИАГП РАН, к.социол.н. М.Ю.Мореханова основное внимание уделила результатам исследования современных тенденций формирования и развития профессионально-квалификационного потенциала различных социальных групп работников сельскохозяйственных предприятий регионов России.

Проблемам интеграции науки, образования и предпринимательства посвятил свой доклад проректор Саратовского государственного аграрного университета, д.э.н. И.Л.Воротников. Важнейшим направлением совершенствования уровня коммерциализации научных разработок учёных, по его мнению, является эффективное развитие малых инновационных предприятий. В выступлении был представлен опыт работы малых инновационных предприятий, созданных при университете, выявлены проблемы, сдерживающие их развитие.

Ведущий научный сотрудник ИАГП РАН, к.э.н. В.Б.Бурлаков обосновал концепцию стратегического управления развитием сельскохозяйственной потребительской кооперации и предложил методологические подходы к стратегическому управлению кооперацией, базирующиеся на учёте специфических особенностей кооперирования.

В процессе обсуждения докладов были подняты проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в условиях введения запрета на импорт сельскохозяйственного сырья и продуктов питания, его последствий для развития продовольственного рынка страны, формирования системы неотложных мер по устойчивому обеспечению населения продовольствием. Много внимания было уделено факторам устойчивого развития сельских территорий и обоснованию конечных результатов их развития, достижению ощутимого социального эффекта от выполняемых мероприятий, повышению благосостояния населения, живущего на данной территории.

Обсуждение поставленных проблем проходило в соответствии с программой конференции на четырёх секциях. В ходе работы секции «Методы стратегического управления конкурентоспособностью агропродовольственного комплекса» обсуждались проблемы развития организационно-экономического механизма совершенствования межотраслевых отношений в агропродовольственном комплексе, экономического механизма повышения доходности сельскохозяйственных организаций. Были рассмотрены вопросы повышения устойчивости межотраслевых взаимодействий в продуктовых цепочках и перспективы их развития. Много внимания в докла-

дах выступающих было уделено определению стратегических целей импортозамещения в агропродовольственном комплексе России, показана его роль в структурной перестройке комплекса.

По итогам работы секции приняты рекомендации, в которых отмечена необходимость развития межотраслевого подхода к управлению продуктовыми цепочками, что является гарантией повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса страны. Импортозамещение рассматривалось как составная часть стратегии повышения конкурентоспособности национального агропродовольственного комплекса. В реализации стратегии импортозамещения важно обеспечить системность мер и их нацеленность на долгосрочность. Стратегическими целями импортозамещения являются обеспечение потребления по рекомендуемым нормам и выполнение параметров Доктрины продовольственной безопасности, достижение технологической независимости в критических областях агропродовольственной сферы, содействие формированию положительного сальдо торгового баланса по тем отраслям, где у России имеются конкурентные преимущества, поддержка развития компаний — национальных лидеров для эффективного функционирования в условиях глобального рынка.

Экономическая политика на федеральном и региональном уровнях, по мнению участников секции, должна быть направлена как на построение рыночных институтов, так и на разработку стратегий, стимулирующих ускоренную капитализацию региональных инфраструктурных, институциональных и предпринимательских активов. При этом необходимо обеспечить национальный контроль критически важных звеньев цепочек добавленной стоимости, а именно, системы научного обслуживания, селекции и семеноводства, производства технологического оборудования, логистической и финансовой инфраструктуры комплекса.

На секции «Инновационное развитие институциональной среды агропродовольственного комплекса России» были рассмотрены теоретические и прикладные вопросы развития системы стратегического управления и стратегического планирования, формирования механизмов повышения эффективности действия институтов, исследования путей увеличения темпов внедрения инноваций в агропродовольственном комплексе, развития механизмов смягчения социально-экономической и региональной дифференциации доходов населения и потребления продовольствия. Предметом всестороннего обсуждения на секции стала проблема формирования и развития институтов, способствующих наращиванию конечного продукта агропродовольственного комплекса.

Рекомендации, выработанные в ходе работы этой секции, направлены на модернизацию подходов, методов и институтов стратегического управ-

ления развитием институциональной среды агропродовольственного комплекса в условиях современных и стратегических рисков. Показано, что при выборе теоретико-методологических подходов к стратегии реформирования системы управления агропродовольственным комплексом приоритетным является восстановление его целостности как единой социо-био-эколого-экономической подсистемы народнохозяйственного комплекса. Совершенствование нормативно-правового механизма регулирования инновационной деятельности в агропродовольственном комплексе при этом должно быть направлено на снятие противоречий в законодательных актах, обеспечивающих защиту прав собственности, в том числе интеллектуальной. Целесообразно дальнейшее развитие института агрострахования, особенно применительно к зерновой отрасли. В рекомендациях секции обоснованы мероприятия для устранения институциональных ловушек, связанных с воздействием информационно-коммуникационного фактора на экономический рост. Предложено включить в традиционный набор критериев кластера локально-специфические институты доверия в контрактных отношениях.

Работа секции «Экономические и экологические факторы развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса в условиях глобализации» была посвящена актуальным экономическим и экологическим проблемам стратегического управления производственным потенциалом агропродовольственного комплекса в условиях действия санкций. На секции обсуждались методы анализа ресурсных ограничений развития агропродовольственного комплекса на региональном уровне. Были изложены методологические подходы к оценке соответствия ресурсных возможностей сельского хозяйства и пищевой промышленности субъектов Российской Федерации, выявлению направлений корректировки межрегионального обмена, созданию условий для формирования кластеров по производству основных видов конечной продукции комплекса. Показана возможность значительного роста конечной продукции агропродовольственного комплекса за счёт выравнивания ресурсной обеспеченности недостаточно развитых регионов до уровня регионов-лидеров. Обоснована необходимость развития био- и нанотехнологий в условиях формирования и реализации стратегии импортозамещения в различных отраслях агропродовольственного комплекса. Освещены проблемы определения эффективности вложений капитала в сельскохозяйственные предприятия с позиций различных методик оценки инвестиционных проектов и критериев их окупаемости.

Доклады участников секции показали необходимость расширения исследования проблем экологизации агропродовольственного комплекса.

Выявлены особенности современного состояния агроэкономики и обоснована необходимость экологической ориентации инновационного развития отрасли как направления повышения экономической эффективности производства и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции. Показана необходимость применения обязательного экологического аудита для управления проектами по ликвидации накопленного экологического ущерба, реабилитации нарушенных территорий и вовлечения рекультивированных земель в сельскохозяйственное производство. Предложены механизмы повышения экологической эффективности системы обращения с биологическими отходами на основе принципов государственно-частного партнёрства, показаны преимущества концессионных договоров в исследуемой сфере.

Работа секции «Стратегическое управление развитием социального потенциала агропродовольственного комплекса» была посвящена обсуждению теоретико-методологических и практических аспектов стратегического управления развитием социального потенциала агропродовольственного комплекса. На секции были представлены доклады по проблемам развития конкурентоспособности различных социальных групп занятых на предприятиях агропродовольственного комплекса, формирования социального сектора аграрной экономики, улучшения качества социальной среды и условий жизни сельского населения. Результаты социологической экспертизы, представленные в докладах, позволили выявить различные «точки роста» сельской многоукладной экономики и факторы стабилизации социальной ситуации в сельских сообществах, опирающихся на собственные ресурсы развития.

Оживлённую дискуссию вызвал блок докладов и выступлений, посвящённых проблеме использования иностранных трудовых ресурсов в сельском хозяйстве России. Главным предметом дискуссии, по поводу которого высказывались противоположные мнения участников секции, был вопрос о том, являются ли мигранты, занятые в сельском хозяйстве, полноценным ресурсом его развития, или конфликт интересов трудовых мигрантов с местным населением, культурные различия, языковой барьер наносят ущерб социальным условиям существования сельского населения, сводят на нет результаты трудового вклада мигрантов в развитие агропродовольственного сектора России.

На основе работы секции были сформулированы следующие выводы и предложения. Необходима разработка новых методологических подходов к стратегическому управлению развитием социального потенциала, отвечающих современным условиям развития агропродовольственного комплекса и учитывающих отраслевую и региональную специфику. Требуется

уточнение критериев эффективности управления агропродовольственным комплексом и развитием сельских территорий с учётом основных факторов, влияющих на воспроизводство социального потенциала. Одним из основных условий формирования и реализации социального потенциала агропродовольственного комплекса на современном этапе является развитие сельского социума в целом, что определяет необходимость рассмотрения в качестве объектов стратегического управления не только отдельных предприятий и организаций агропродовольственного комплекса, но и локальных сельских сообществ.

Для повышения результативности мер аграрной и социальной политики, направленных на обеспечение расширенного воспроизводства социального потенциала, требуется институциональное обеспечение в форме эффективного взаимодействия различных ведомств. Необходима разработка специальных программ, обеспечивающих социальную адаптацию трудовых мигрантов к социокультурной среде территориальных сельских сообществ России, что будет способствовать повышению эффективности использования труда мигрантов в агропродовольственном секторе и снижению риска негативных последствий интенсификации миграционных процессов.

По результатам проведённой конференции опубликован сборник статей «Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности в условиях членства России во Всемирной торговой организации: Материалы Островских чтений 2014 г.» (Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2014.), который представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, руководителей и специалистов агропродовольственного комплекса.

Н.И.Шубникова-Гусева*

**Международная научная конференция
«Летопись жизни и творчества С.А.Есенина как источник
персональной энциклопедии» (Москва, Рязань,
Константиново, 25–27 сентября 2014 г.)****

Международная научная конференция, посвящённая 119-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина, была организована Институтом мировой литературы им. А.М.Горького РАН, Государственным музеем-заповедником (ГМЗЕ) С.А.Есенина в Константиново, Рязанским государственным университетом (РГУ) им. С.А.Есенина и Международным обществом «Радуница».

С.А.Есенин

Конференцию открыл директор ИМЛИ РАН академик А.Б.Куделин. С приветственным словом выступили поэт, лауреат Государственной пре-

* **Гусева (Шубникова-Гусева) Наталья Игорьевна** — доктор филологических наук, руководитель Есенинской группы, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН, руководитель проектов «Летопись жизни и творчества С.А.Есенина» в 5 т.: Т. 4: 3 августа 1923–1924 (98-04-06310а), Т. 5. Часть 1: 1925 (06-04-00105а), Т. 5. Часть 2: Неизвестные материалы, вводимые в научный оборот впервые (09-04-00340а), Т. 5. Часть 3: Справочные материалы к 5 т. (7 кн.)» (11-04-00213а), а также издательских проектов по томам 4 и 5(1).

** Проект 14-04-18042г.

мии России, сопредседатель Союза писателей В.В.Сорокин и Директор Государственного музея-заповедника С.А.Есенина в Константинове Б.И.Иогансон.

С большим интересом было встречено выступление министра культуры и туризма Рязанской области В.Ю.Попова, который рассказал о ситуации вокруг Есенинского музея-заповедника. Министр ответил на злободневные вопросы, волнующие российскую общественность: о застройке Константинова, о перспективах создания достопримечательного места «Есенинская Русь» и т.д.

Всего в программу вошли 92 доклада исследователей из 18 городов России, а также учёных из ближнего и дальнего зарубежья. В рамках конференции проведены три пленарных заседания в Москве, Рязани и Константинове, а также три секции.

В докладе автора этой статьи («Сергей Есенин и его современники: от Летописи к персональной Энциклопедии») были обозначены основная проблема конференции и перспективы её исследования в рамках будущего проекта. Речь также шла о новых архивных находках, которые войдут в готовящийся последний, 5-й том (2 кн.) Летописи жизни и творчества С.А.Есенина. Энциклопедический подход к теме «Сергей Есенин и его современники», охватывающей все разделы будущей Есенинской энциклопедии, а именно: биографию, окружение, произведения, русскую и мировую литературу, искусство, поэтику, памятные места и др., т.е. всё, что связано с Есениным, его современниками, определяет её актуальность и новизну.

Конференция была посвящена таким актуальным проблемам, как документальная база Летописи, связи поэта с современниками, роль Есенина в литературном процессе 1910–1920-х гг. (на страницах Летописи), эволюция восприятия Есенина русскими и зарубежными критиками и др.

Особое место занял доклад руководителя Есенинского научного центра РГУ им. С.А.Есенина, д.ф.н., проф. О.Е.Вороновой «Образ Сергия Радонежского в жизни и творчестве С.А.Есенина (к 700-летию со дня рождения Преподобного Сергия)». Исследователь обратила внимание, что в научной традиции факт имянаречения Сергея Есенина по православным святцам в честь Сергия Радонежского зафиксирован в первом томе Летописи жизни и творчества С.А.Есенина (2003) и в учебном пособии Н.И.Шубниковой-Гусевой «С.А.Есенин в жизни и творчестве» (2002). В докладе приводились интересные факты и наблюдения, свидетельствующие о том, что образ Преподобного Сергия и его отражение в произведениях житийной литературы и религиозной живописи сопутствовали различным этапам творческого пути поэта.

Особенностям систематизации и подачи материала в биографических статьях о современниках Есенина, его предшественниках, влияние которых он испытал, и поэтов последующих поколений был посвящён доклад учёного секретаря Есенинской группы, с.н.с. ИМЛИ РАН, к.ф.н. М.В.Скороходова «Персональная энциклопедия: структура биографических статей».

Целый ряд выступлений, сделанных на форуме, отразил творческие и биографические связи Есенина с современниками. Известный исследователь русской литературы, д.ф.н., профессор МГУ им. М.В.Ломоносова Н.М.Солнцева охарактеризовала тематические приоритеты поэзии Ганина (1893–1925), специфику его стиля, привела биографический контекст. Акцент был сделан на сходных содержательных и художественных аспектах поэзии Ганина и Есенина, на их творческих разногласиях. Установка Ганина на создание нового поэтического языка реализовалась через восприятие образотворчества символистов и ориентацию на эстетические принципы авангарда. Вместе с тем его поэзия — пример модернистского архаизма; она расширяет наши представления о рецепции классицизма в лексике, фонетическом, интонационном строе стихов модернистов.

Более 30 лет д.ф.н., профессор МГУРЯЛ Т.К.Савченко работает над темой «Есенин и русская литература (типология, взаимовлияния, литературно-творческие связи)». Анализируя проблематику и поэтику двух художественных текстов Пастернака и Есенина, она убедительно доказала, что при всей очевидной жанровой полярности произведений (юбилейное одного и некролог другого) и несхожести творческой манеры авторов Бориса Пастернака («Брюсову») и Сергея Есенина («Памяти Брюсова») сближает главное: отношение к В.Я.Брюсову как высокочтимому мастеру и Учителю.

Проблемы творческого диалога с поэтами-современниками стали предметом исследования в выступлении заведующей научно-просветительским отделом Московского государственного музея С.А.Есенина М.А.Степановой «Творческий диалог Есенина с современниками о Первой мировой войне».

Доклады доцента Тольяттинского госуниверситета Е.Г.Койновой, заведующей Домом-музеем С.А.Клычкова в д. Дубровка (Талдом), Т.А.Хлебянкиной и члена Союза писателей И.С.Алексеевой (Москва) были посвящены новокрестыанским поэтам (к 130-летию Н.А.Клюева и 125-летию С.А.Клычкова). Анализ новых архивных материалов содержал стендовый доклад к.ф.н. Р.Саракко (Дублин, Ирландия) «Некоторые заметки о рукописных вариантах “Погорельщины” Николая Клюева».

Живой интерес вызвал доклад г.н.с. ИМЛИ РАН д.ф.н. Л.И.Сазоновой, которая рассмотрела не известный ранее архивный документ — письмо

16-летнего юноши Андрея Дурново, в котором он делится со своим отцом Н.Н.Дурново впечатлениями от посещения Константинова летом 1926 г.

Выступления зарубежных участников были посвящены преимущественно восприятию творчества Есенина. Доцент Института литературы — АОН СРВ Дао Туань Ань (Ханой, Вьетнам) в докладе «Восприятие творчества Есенина во Вьетнаме: проблемы перевода» рассказала об истории переводов Есенина на вьетнамский язык — с 1962 по 1994 г. было переведено около 50 стихотворений Есенина, а с 1995 г. — свыше 230 произведений, в том числе поэм. Докладчик выделила три поколения вьетнамских переводчиков, охарактеризовала языковые и культурные сложности, возникающие при переводе произведений Есенина на вьетнамский язык, и сделала вывод о важности ежегодных есенинских конференций для обмена опытом.

Сопоставительный анализ мотива возвращения в родной дом у Есенина, Пенчо Славейкова и Димчо Дебелянова, показывающий общеславянское проявление душевности, провёл с.н.с. Института литературы БАН К.Михайлов (София, Болгария). О разновидностях карикатуры, исполненной в разнообразной манере и технике рисовальщиками-любителями и художниками профессионалами, рассказала д.ф.н. проф. Института славистики ПАН Гражина Бобилевич (Варшава, Польша) в докладе «Есенин и его современники в карикатуре».

Немецкая рецепция поэзии Есенина, по мнению аспирантки Томского госуниверситета Е.С.Хило, стала самой активной и репрезентативной из зарубежных традиций восприятия творчества поэта.

Научной сенсацией стала информация о не известном ранее исследователям творчества Есенина белом автографе драматической поэмы «Пугачёв», находящемся на хранении в Русской коллекции Лондонской библиотеки (London Library). Во время интернет-трансляции участники конференции смогли услышать сообщение сотрудницы библиотеки К.Риччи «К истории неизвестного манускрипта “Пугачёва” в русской коллекции London Library». Она рассказала об истории библиотеки, её богатых коллекциях и директоре Ч.Райте, который в 1934 г. приобрёл манускрипт поэмы.

К.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН С.А.Серегина продолжила тему докладом о текстологическом анализе манускрипта «Пугачёва», который она изучила во время командировки в Лондонскую библиотеку в августе 2014 г. Докладчица проанализировала рукопись (1–5 глав) и авторизованную машинопись (6–8 глав). Ремарки первой главы, впоследствии зачёркнутые Есениным и частично прочитанные автором доклада, отражают эволюцию работы поэта над жанровым своеобразием «Пугачёва».

О ранее не выявленных материалах о Есенине на страницах ряда берлинских эмигрантских газет рассказал к.ф.н., в.н.с. С.И.Субботин.

В «Руле» обнаружены оценки творчества и личности Есенина, высказанные критиком Ю.И.Айхенвальдом как при жизни поэта, так и посмертно (после выхода в свет «Романа без вранья» А.Мариенгофа). Кроме того, в той же газете переводчица А.Даманская прореферировала опубликованные в одном из парижских альманахов воспоминания друга А.Дункан, поэта, эссеиста, художественного критика Ф.Дивуара о Есенине. В них, в частности, колоритно описываются впечатления мемуариста от авторского чтения поэмы «Пугачёв».

26 сентября была открыта памятная доска на здании, связанном с призывом Есенина на военную службу (Рязань, ул. Горького, 52). В РГУ им. С.А.Есенина с приветственными словами к участникам конференции обратились представители руководства Правительства Рязанской области, Министерства культуры и туризма Рязанской области, ГМЗЕ в Константинове и РГУ им. С.А.Есенина. Они отметили важность и перспективность сотрудничества ИМЛИ РАН, РГУ им. С.А.Есенина и ГМЗЕ в Константинове.

Д.ф.н., проф. Литературного института им. А.М.Горького И.А.Есаулов (Москва) в докладе «С.Есенин: пасхальный смысл русской лирики» показал, что поэт следует христианской традиции, соприродной русскому народу и включающей в себя православные церковные представления. В докладе «Есенин: русское и советское», сделанном учёным в Константинове, особое отношение русских людей к поэзии Есенина объясняется не только созвучием лирического мира поэта таинственным основам русской души, но и его «падением»: судьба России в XX в. как бы повторила предвосхитившую её судьбу С.Есенина. Стажёр Литературного института им. А.М.Горького (Москва), докторант Пекинского университета иностранных языков Сунь Лэй рассказала участникам конференции в Рязани о восприятии творчества Есенина в Китае.

На пленарном заседании в Рязани докладчики продолжили разговор о диалоге Есенина с поэтами-современниками и с классикой русской литературы. Среди выступавших были постоянные участники Есенинских конференций Ю.Б.Орлицкий (Москва) («Стиховое начало в прозе новокрестьянских поэтов»), д.и.н. проф. РГУ им. С.А.Есенина А.А.Севастьянова («Гипотеза о возможном адресате последних стихов Сергея Есенина»), д.ф.н. РГУ им. С.А.Есенина И.Ф.Герасимова («Сергей Есенин и Любовь Столица: к вопросу о творческих контактах в годы Первой мировой войны») и др.

Н.М.Солобай (Москва) в докладе «Есенин и И.Н.Розанов (по новым разысканиям)» впервые ввела в научный оборот архивные документы, отражающие деятельность Розанова по увековечению памяти С.Есенина (вы-

ступления на мероприятиях памяти поэта, неизвестные воспоминания, участие в поездке делегации ВСП на родину поэта 5—6 июня 1926 г. и др.).

Работа конференции продолжилась на трёх секциях. На секции «С.А.Есенин и его современники: личные и творческие связи» обсуждались истории отношений Есенина и М.Пришвина, Б.Пастернака, Ю.Балтрушайтиса, А.Мариенгофа, В.Казина, поэтов «скифского» круга и новокрестьянских поэтов. Активное участие в работе секции приняли молодые учёные. Среди них аспирантка ИМЛИ РАН Н.А.Еремёнок (Москва) («Образ “Железного Миргорода” С.Есенина в контексте русской литературы первой четверти XX века»), аспирантка ИМЛИ РАН, с.н.с. ГМЗЕ В.Ю.Евдокимова (Константиново) («С.А.Толстая-Есенина — вдохновительница “зимнего цикла” С.А.Есенина»); аспирантка РГУ им. С.А.Есенина А.А.Николаева («Текстологические заметки о книге А.Б.Мариенгофа “Заговор дураков” (из фонда РГАЛИ)»); к.ф.н. М.А.Петрова (Москва) («Послания писателям-современникам в поэзии Есенина») и др.

На секции «Художественный мир и язык С.А.Есенина. Традиции С.А.Есенина в литературе XX в.» в центре внимания участников были вопросы поэтики С.А.Есенина. Наряду с такими известными учёными, как проф. А.А.Никольский (РГУ им. С.А.Есенина), к.ф.н., доцент Бакинского славянского университета Г.И.Шипулина (Азербайджан), активно заявили о себе молодые специалисты ст. преподаватель Елецкого госуниверситета им. И.А.Бунина Е.Ю.Дрожжина, аспирантка Воронежского госуниверситета М.В.Новикова («Песенные мотивы в творчестве С.А.Есенина»); н.с. Института художественного образования РАО О.В.Юдушкина (Москва) («Поэма С.А.Есенина “Инония” (1918) — пророчество нового времени»), аспирантка ИМЛИ РАН М.А.Соловьёва (Егорьевск), аспирантка МГУ им. М.В.Ломоносова М.А.Галиева и др.

В докладе аспиранта РГУ им. С.А.Есенина П.В.Квартникова «Иисусова молитва в восприятии Сергея Есенина и святителя Феофана Затворника: духовно-творческие параллели (к 200-летию со дня рождения святителя Феофана)» была отмечена приверженность поэта традиции национального молитвословия.

На секции «Сергей Есенин в восприятии современников и потомков» прозвучали доклады сотрудников ГМЗЕ о связи поэта с писателями-эмигрантами (У.А.Титова), Г.Б.Шмерельсоном (М.А.Борисова); И.А.Клемёновым (Л.Н.Власова); об образах односельчан С.А.Есенина в изобразительном фонде ГМЗЕ (В.С.Титова). О переводах стихов Есенина в собрании частного литературного музея рассказал постоянный участник конференций Э.Э.Исламов (Салават).

И.О.Машенкова, н.с. Литературно-художественного музея С.Денисова (Тамбов), сделала доклад «Ветхозаветные реминисценции: взгляд на поэму С.А.Есенина “Пугачёв” по прочтении пьесы И.М.Левина “Моисей”». Главный хранитель литературно-художественного музея С.Денисова В.П.Серёда (Тамбов) в докладе «Иллюстрации Иосифа Левина к книге С.А.Есенина “Исус младенец”» рассказал об иллюстрациях к книге «Исус младенец» (Чита, изд. «Скифы на Дальнем Востоке», 1921), автор которых, И.М.Левин, художник, писатель, близко знавший Есенина, до сих пор был неизвестен.

27 сентября работа конференции проходила на родине Есенина, в Государственном музее-заповеднике С.А.Есенина в Константиново. Пленарное заседание открыл директор музея Б.И.Иогансон. Тематика докладов была широкой и интересной. С.н.с. ИМЛИ РАН, д.ф.н. Е.А.Самоделова посвятила свой доклад «Творчество Есенина и этнография старообрядцев и “хлыстов”» культурным знакам, сохранившимся в Рязанской области в материальной и духовной культуре и относящимся к разным религиозным течениям, которые возникли в патриархальную эпоху на основе православия.

С особым вниманием были восприняты насыщенные архивными данными доклады известных исследователей из Константинова, сотрудников ГМЗЕ О.Л.Аникиной «Константиновские и клепиковские знакомые С.А.Есенина», К.П.Воронцова «С.Есенин и П.Кузько: к истории взаимоотношений»; В.И.Панкратовой «Новые поступления в фонды Государственного музея-заповедника С.А.Есенина». Заведующий кафедрой журналистики РГУ им. С.А.Есенина Ю.В.Лазарев в докладе «Изучение С.А.Есенина в школе: о содержании и структуре статьи в Есенинской энциклопедии» подвёл итоги своей многолетней работы над темой; М.В.Скороходов сделал доклад «Библиейские сюжеты и образы у Есенина: от учебных курсов к поэтическому осмыслению».

В завершение состоялись презентация новых изданий о Есенине, в числе которых был 5-й том (1 книга) Летописи жизни и творчества С.А.Есенина, а также выступление песенно-инструментального ансамбля музея-заповедника С.А.Есенина «Радуница».

Плодотворные результаты позволяют надеяться, что тема конференции получит достойное воплощение в сборнике, подготовленном по её итогам, и в работе над «Есенинской энциклопедией». В рамках конференции были подведены предварительные итоги работы над многотомной «Летописью жизни и творчества С.А.Есенина» и обозначены перспективы по созданию «Есенинской энциклопедии». Намечен также комплекс мероприятий по подготовке 120-й годовщины со дня рождения Есенина, которая будет отмечаться в 2015 г., объявленном Годом литературы.

Г.В.Лобкова*

Всероссийская научная конференция «Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей» (Санкт-Петербург, 27–30 сентября 2014 г.)**

Организаторами конференции, прошедшей в рамках Года культуры в нашей стране, выступили Фольклорно-этнографический центр имени А.М.Мехнецова, Кафедра этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А.Римского-Корсакова, Отдел русского фольклора и Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В конференции участвовали представители 26 образовательных и научно-исследовательских учреждений из 14 городов России, Беларуси, Болгарии, Польши.

В соответствии с программой форума прозвучало 57 докладов на шести тематических заседаниях, посвящённых историческим этапам, основным направлениям и методам ареальных исследований; результатам изучения эпических жанров, лирических песен, обрядового фольклора, музыкально-хореографических традиций Севера и Северо-Запада России; вопросам этнокультурных параллелей и межэтнических взаимосвязей.

История полевых исследований фольклорных традиций Севера и Северо-Запада России насчитывает более 150 лет. Раритетным источником, свидетельствующим о бытовании эпической традиции на территории Лужского уезда Петербургской губернии (бывшей Водской пятины Новгорода), является запись текста былины, сделанная в 1840–1850-е гг. С.И.Гуляевым от крестьянина, жителя деревни Чернь Е.П.Быкова. Историческая ценность этой записи была раскрыта в докладе Т.Г.Ивановой.

Значительным событием в становлении ареалогического направления стали первые экспедиции Песенной комиссии Императорского Русского географического общества (1886 и 1893 гг.), в ходе которых были обследованы 72 населённых пункта в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской и Вятской губерниях; записано непосредственно от жителей деревень около 450 напевов и текстов лирических («протяжных»), свадебных, хороводных песен, коляд, причитаний, духовных стихов, былин. В докладе И.Б.Тепловой сообщалось о неопубликованной части собран-

* **Лобкова Галина Владимировна** — кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой этномузыкологии Санкт-Петербургской консерватории, председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 14-04-14023г.

ных экспедициями Песенной комиссии материалов из архивов С.М.Ляпунова и Русского географического общества.

В начале XX в., несмотря на чрезвычайно сложную во всех отношениях ситуацию, исследования традиций народной культуры Севера и Северо-Запада России продолжались. На конференции были раскрыты малоизвестные страницы экспедиционной деятельности Е.Э.Линёвой: в 1902 г., после работы в Череповецком, Кирилловском и Белозерском уездах Новгородской губернии, она совершила поездку с фонографом по реке Устье (Вельский уезд Архангельской губернии). В докладе И.В.Корольковой дана оценка сохранившейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН коллекции народных песен (55 текстов), записанных Е.Э.Линёвой на Устье. Участники конференции получили уникальную возможность услышать сделанную выдающейся собирательницей фонографическую запись свадебного причитания из фондов Фонограммархива ИРЛИ. Эта запись была представлена Ю.И.Марченко в докладе, посвящённом специфике севернорусских коллективных причитаний.

Новые факты из истории музыкальной этнографии были освещены Г.Н.Щупак — это документы и материалы состоявшейся в 1930 г. экспедиции на Печору членов пермского Научного этнографического общества Г.И.Маркова и В.Н.Серебренникова.

Истории изучения белорусского обрядового фольклора Латгалии и пограничных локусов в первой половине XX в. коснулась Г.В.Тавлай, охарактеризовавшая одно из первых монографических изданий крупного деятеля белорусского общественно-просветительского движения Латвии С.П.Сахарова.

Сведения о собирательской работе исследователей-краеведов сосредоточены главным образом в областных и районных архивах и остаются до настоящего времени неизвестными широкой научной общественности. Бесценным источником для изучения фольклорных традиций могут служить записи, сделанные местными жителями — «любителями старины», учителями, музейными работниками, студентами областных вузов. Но, как отметил в своём докладе А.Н.Власов, введение в научный оборот этих материалов требует критической оценки (записи «не всегда соответствуют критериям аутентичности»).

Участники конференции, исходя из материалов выступлений, пришли к выводу о том, что важным условием современного комплексного исследования той или иной местной фольклорной традиции является свод и сопоставительное изучение всех имеющихся документальных источников — рукописных, аудио-, видеозаписей различного времени, сделанных как профессионалами, так и любителями. Это позволит не только наиболее

полно и всесторонне осветить структуру и содержание этнокультурного комплекса, но и оценить динамику исторических изменений традиции на протяжении длительного времени (как правило, временной срез по доступным для сопоставления источникам достигает 150 и более лет).

Во многих докладах обобщался опыт многолетних полевых исследований фольклорных традиций Севера и Северо-Запада России, которые осуществлялись на профессиональной основе научными, музейными и учебными центрами во второй половине XX в.: экспедиции Карельского научного центра РАН (В.П.Кузнецова, М.Н.Шейченко); Института истории искусств (А.В.Ромодин, И.В.Мациевский, Г.Я.Тавлай, М.А.Лобанов, В.А.Лапин), Вологодского государственного педагогического университета (Г.П.Парадовская, С.В.Балуевская, О.Я.Рейма, О.А.Федотовская); Сыктывкарского государственного университета (Ю.Н.Ильина, Т.С.Канева), Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы» (Н.С.Михайлова), Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (И.Г.Лоренц) и других учреждений. Докладчиками были раскрыты специфические признаки жанровых комплексов, структурно-стилевые особенности песенных форм и образцов вербального фольклора, распространённых в традициях Севера и Северо-Запада России. Более полно были охарактеризованы такие показательные для севернорусских традиций жанры, как духовные стихи (Е.А.Склярова, В.П.Кузнецова, М.Н.Шейченко), причитания (Т.С.Канева, С.В.Балуевская, Ю.И.Марченко, Е.Б.Резниченко, М.В.Калинина) и лирические песни (Г.П.Парадовская, Е.И.Якубовская, К.А.Мехнецова, Е.Е.Васильева, М.А.Валовая).

Немногочисленными докладами представлен календарно-обрядовый фольклор (О.Я.Рейма, А.В.Полякова, И.С.Попова, Г.В.Тавлай). В силу особой востребованности в современных условиях и жизнеспособности всестороннее освещение получили песенно-хореографические и инструментальные традиции (доклады А.В.Ромодина, И.В.Мациевского, А.М.Келарева, М.А.Лобанова, Н.С.Михайловой, О.А.Федотовской, А.Б.Афанасьевой, И.Г.Лоренц, Ю.Ю.Калмыковой).

Ряд докладов был подготовлен членами научного коллектива, осуществившего совместный научный проект «Музыкальный фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к “Своду русского фольклора”)» (проект РГНФ № 12-04-00349а). В выступлениях Е.А.Валевской, Ю.И.Марченко, Е.И.Якубовской, Г.В.Лобковой, М.В.Калининой, А.В.Поляковой, К.А.Мех-

нецовой, Е.С.Редьковой были раскрыты специфические свойства одной из ярких и самобытных севернорусских традиций, которая бытует в бассейне реки Устья (притоке Ваги), по материалам экспедиций и стационарных записей Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории 1975—1980, 2013—2014 гг. и экспедиции Института русской литературы 1986 г. Кроме характеристики основных жанров музыкального фольклора, выявления типологических признаков песенных и причетных форм, в докладах были затронуты вопросы исполнительского стиля, «звукового идеала» песенной традиции, эстетических и музыкально-практических представлений северных крестьян — жителей Устьянского района. Проблема комплексного изучения одной локальной фольклорной традиции стала сквозной, к ней постоянно возвращались слушатели конференции, обнаруживая всё новые аспекты.

Одним из достижений конференции стала консолидация представителей различных научных школ и направлений с целью решения комплекса проблем, связанных с определением типологических признаков и границ распространения фольклорных традиций. Участники форума признали необходимость совершенствования методов полевых исследований, структурного анализа и картографирования фольклорных текстов/напевов, выработанных в этномузыкологии, фольклористике, этнолингвистике. В связи с этим чрезвычайно интересно было сопоставить точки зрения и оценить опыт работы исследователей, обобщающих материалы по различным регионам России.

Важное методологическое значение имели доклады о способах многоуровневого (полимасштабного) ареального исследования фольклорной традиции (А.А.Иванова), принципах составления музыкально-диалектологических карт (Г.Я.Сысоева) и карт распространения обрядовых форм вербального фольклора (Ю.А.Крашенинникова). В выступлении Л.М.Белогуровой (фото 1) соотнесены результаты этномузыкологического картографирования с данными смежных наук — истории, археологии, диалектологии, что позволяет делать выводы о процессе формирования стилевых платов музыкально-обрядового фольклора в связи с историей заселения территорий. Сходная проблематика затрагивалась в докладе Г.Г.Кутырёвой-Чубаля.

Наиболее дискуссионную часть проблематики конференции составили *вопросы этнокультурного взаимодействия*, имеющие основополагающее значение для решения задач исторической оценки собранных в ходе экспедиций и имеющихся в ранних публикациях и архивах фольклорно-этнографических материалов. Был представлен ряд докладов, посвящённых явлениям народной музыкальной культуры, зафиксированным в различных регионах России, Беларуси, Украины, Болгарии и обнаруживающим типо-

Фото 1. Выступление Л.М.Белогуровой

Фото 2. Выступление Т.В.Краснопольской

логическое родство с севернорусскими фольклорными традициями (выступления С.Г.Петковой-Марчевской, Н.Н.Гиляровой, М.А.Енговатовой, Н.В.Леоновой, В.Г.Болдыревой, Т.С.Рудиченко, И.Д.Назиной). В докладах В.А.Лапина, Т.В.Краснопольской (фото 2), Г.М.Карповой были рас-

крыты возможности и перспективы фольклористического и этномузыковедческого исследования форм межэтнических контактов, что требует, по мнению В.А.Лапина, не только интенсивной собирательской и аналитической работы, но и разработки специальных методов реконструкции механизмов взаимодействия. Принципы изучения обрядового фольклора этнических пограничий были освещены в выступлении Н.Ю.Альмеевой.

Научная новизна проблематики конференции связана с *согласованием типологического, ареального и исторического подходов* в процессе изучения народной культуры; с установкой на комплексное (всестороннее, системное) исследование фольклорных традиций; с введением в научный оборот ранее неизвестных архивных и экспедиционных источников.

Актуальность проведения конференции состояла в объединении усилий научной общественности в целях ареального изучения фольклорно-этнографических материалов и подготовки их к изданию по региональному принципу. Конференция не только послужила дополнительным импульсом к совместной работе в этом направлении, но и позволила определить способы и формы создания свода русского фольклора.

В рамках конференции прошёл *круглый стол «Современное состояние фольклорных традиций Русского Севера и Северо-Запада России: меры по сохранению и развитию нематериального культурного наследия»*. Его участники обсудили вопросы об ответственности исследователя (собирателя, учёного) за жизнеспособность открытых при его участии очагов народной традиционной культуры на местах, с одной стороны, и за введение в научный оборот собранных экспедиционных материалов — с другой. Вузовские и академические научные центры, располагающие фольклорно-этнографическими фондами и необходимой методической базой, должны быть привлечены к процессу составления перечня объектов нематериального культурного наследия России и полных описаний к ним.

К началу конференции был подготовлен и издан сборник тезисов докладов «Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей»: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (27–30 сентября 2014 г.) / Министерство культуры РФ; Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А.Римского-Корсакова [Науч. ред.: Г.В.Лобкова]. СПб.: Университетские Образовательные Округа, 2014. — 96 с.

Материалы конференции размещены на интернет-сайте Санкт-Петербургской консерватории (<http://www.conservatory.ru/node/3268>).

В.Н.Денисенко, Е.А.Красина, М.Л.Новикова*

Международная научная конференция «IV Новиковские чтения: функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (Москва, 28–30 октября 2014 г.)**

Новиковские чтения проходят в Российском университете дружбы народов уже в четвёртый раз. Они стали традиционным научным форумом, освящённым именем Льва Алексеевича Новикова (фото 1) — крупнейшего российского филолога и лингвиста XX в.

Фото 1. Профессор Лев Алексеевич Новиков

Л.А.Новиков — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы оставил глубокий след в филологической науке, опубликовав более 250 научных трудов по лексикологии,

* **Денисенко Владимир Никифорович** — доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), председатель Оргкомитета конференции.

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН, член Оргкомитета конференции.

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка юридического института РУДН, член Оргкомитета конференции.

** Проект 14-04-14026г.

семантике, поэтике, эстетике слова. Системность в языковых исследованиях, прежде всего в сфере лексической семантики, принципы и приёмы тонкого семантического и семиотического анализа, несомненно, отличают все работы Л.А.Новикова в области общей и русской семантики. Широкое признание в России и за рубежом получило созданное Л.А.Новиковым новое направление в лингвистической науке — функциональная семантика, заложившее основы отечественной научной школы общей и русской семантики.

Ученики Л.А.Новикова, его единомышленники и последователи составляют большой творческий коллектив. Представители филологической университетской науки более чем из 40 городов России выступили с докладами и прислали свои материалы. Россия была представлена сотрудниками академических институтов из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Коломны, Казани, Нижнего Новгорода, Ельца, Ижевска, Краснодара, Пензы, Таганрога, Симферополя, Саратова, Саранска и др., из стран дальнего и ближнего зарубежья: Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Литвы, Украины, Эстонии, Польши, Сербии и др.

Наряду с маститыми авторитетными учеными в работе конференции приняли участие и молодые учёные, докторанты, аспиранты и соискатели, студенты-магистры и бакалавры. На пленарном и секционных заседаниях было заслушано около 120 докладов.

На пленарном заседании с приветственным словом выступил д.ф.н. проф. В.Н.Денисенко (РУДН). Были заслушаны доклады к.ф.н. доц. А.Л.Новикова «Функционально-семантические особенности многозначных слов в русском языке» (РУДН), д.ф.н. проф. О.И.Максименко (фото 2) «Анализ тональности текстов (сентимент-анализ) на материале текстов СМИ» (Московский государственный областной университет), д.ф.н. проф. З.И.Новожёновой, А.Климкевич «Интернационализмы в сети: дискурсивные процессы и дидактические эффекты» (Гданьский университет, Польша), к.ф.н. доц. Е.И.Костанди «Дискурсивные практики в условиях языковых контактов: тексты билингва» (Тартуский университет, Эстония), к.ф.н. с.н.с. З.Ю.Петровой «Персонализирующие метафоры и сравнения в поэтическом тексте: взаимодействие образных параллелей» (Институт русского языка РАН), к.ф.н. доц. Т.А.Стойковой «Представления о человеке в славянской и балтийской картинах мира (на материале фразеологизмов с рус. душа, дух; болг. душа, дух; словац. duša, duch / латыш. dvēsele, dūša, gars; литов. siela, vėlė, dvasia)» (Рижский университет, Латвия).

Фото 2. На Пленарном заседании конференции выступает д.ф.н профессор
О.И.Максименко

Участники пленарного заседания отметили значение Новиковских чтений для сохранения традиций научной школы функциональной семантики, у истоков которой стоял проф. Л.А.Новиков, а также для укрепления научного сотрудничества филологического факультета РУДН, вузов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Работа Международной научной конференции проходила в 6 секциях:

— «Общие вопросы семантики и семиотики» (руководители — д.ф.н. проф. Е.А.Красина, РУДН; к.ф.н. доц. А.Л.Новиков, РУДН);

— «Функциональная семантика» (руководители — к.ф.н. доц. М.А.Рыбаков, РУДН; к.ф.н. доц. О.И.Александрова, РУДН);

— «Поэтика и семиотика художественного текста» (руководители — д.ф.н. проф. М.Л.Новикова, РУДН, к.ф.н. доц. С.Ю.Преображенский, РУДН);

— «Лексическая, словообразовательная и грамматическая семантика» (руководители — д.ф.н. проф. О.А.Крылова, РУДН; д.ф.н. проф. М.В.Пименова, Владимирский госуниверситет им. Столетовых);

— «Сопоставительная семантика и иностранные языки» (руководители — к.ф.н. доц. И.Ю.Мигдаль, МГОСГУ, Коломна; к.ф.н. доц. Н.В.Новоспасская, РУДН);

— «Информационные системы и межкультурная коммуникация» (руководители — д.ф.н. проф. Н.Л.Чулкина, РУДН; к.ф.н. доц. С.А.Москвичёва, РУДН).

Широта проблематики научных докладов подчеркнула плодотворность избранного направления. Материалом исследований учёных, принимавших участие в конференции, послужили английский, русский, французский, польский, сербский, якутский и другие языки. Многие доклады, прочитанные на конференции, — дань памяти, уважения и признательности Л.А.Новикову, учёному и человеку, который внёс огромный вклад в развитие филологической науки и оставил глубокий след в сердцах тех, кому посчастливилось знать его и работать с ним.

Итоги конференции были подведены на круглом столе «Функциональная семантика — наука XXI века», который провели проф. В.Н.Денисенко и доц. С.Ю.Преображенский. Руководители секций и гости конференции подчеркнули высокий уровень работы форума, активность её участников и преемственность научной школы академика Л.А.Новикова. К началу работы был опубликован сборник научных статей участников конференции: «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (в двух частях).

Международная конференция «IV Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» заложила прочную основу научного общения, объединив признанных учёных и начинающих исследователей языка из разных стран. Состоялись яркие научные дискуссии по проблемам семиотики и семантики художественного текста, лексической, словообразовательной и грамматической семантики, по информационным системам и межкультурной коммуникации, сопоставительной семантике и иностранным языкам. Отклики, поступившие в Оргкомитет конференции, свидетельствуют о плодотворности её работы, о заинтересованности научной филологической общественности в участии в Новиковских чтениях, ставших заметной вехой в развитии творческого наследия Льва Алексеевича Новикова.

Б.К.Салаев*

Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвящённая 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И.Рассадина (Элиста, 10–13 ноября 2014 г.)**

Организаторами Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И.Рассадина, выступили Калмыцкий госуниверситет, Российский гуманитарный научный фонд, Правительство Республики Калмыкия.

Научная деятельность Валентина Ивановича Рассадина многогранна и удостоена множества званий и наград: доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики, директор Научного центра монголоведческих и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета, заслуженный деятель науки Бурятской АССР (1980), заслуженный деятель науки РСФСР (1990), передовик науки Монголии (2005), заслуженный деятель науки Республики Калмыкия (2009), заслуженный профессор Бурятского государственного университета (2012), почётный профессор Монгольского университета «Гурван эрдэни» (2009), лауреат первой Бурятской республиканской общественной премии «Признание» в области науки, член Российского комитета тюркологов.

В.И.Рассадин — один из крупнейших в мире специалистов в области сравнительно-исторического монгольского и тюркско-монгольского языкознания, известный исследователь малочисленных тюркских языков и их диалектов Саяно-Алтайского региона России и Монголии. Заслуженное признание получили его исследования ныне исчезающих тюркских тофаларского и сойотского языков, носители которых отнесены к малочисленным народам Севера. Для этих языков им впервые создана письменность, написаны и изданы школьные учебники, подготовлены учителя начальных классов тофаларских и сойотских школ. При этом тофаларский язык преподаётся в школах с 1989 г., сойотский — с 2005 г.

Профессор В.И.Рассадин получил международное признание и как специалист по диалектам и говорам бурятского языка, истории монгольских языков и их исторических связей с тюркскими языками.

В работе конференции приняли участие представители республик Кал-

* **Салаев Бадма Катимович** — кандидат педагогических наук, ректор Калмыцкого государственного университета, председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 14-04-14036г.

мыкия, Бурятия, Башкортостан, Дагестан, Саха (Якутия), Татарстан, Хакассия и Коми, учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Астрахани, Волгограда, Читы, Иркутска, Невинномысска, Стерлитамака, а также представители ближнего (Азербайджан) и дальнего зарубежья — Монголии, Китая, Польши, Турции, Румынии, Японии, Италии, Чехии. Получены доклады из США, Южной Кореи, Казахстана, Узбекистана, Чувашии, Адыгеи, Алтайского края, Новокузнецка, Тюмени, Тобольска.

Собрав свыше 200 учёных, конференция стала эффективной площадкой для конструктивного диалога по актуальным вопросам монголоведения, тюркологии и алтаистики в целом.

В рамках Международной конференции состоялись пленарное и секционные заседания.

Работой секции «Актуальные проблемы тюркологии» руководили Т.Б.Агранат, д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва) и С.Я.Сулейманова, д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института языка Азербайджана, главный редактор международного научного журнала «Тюркология» (Баку).

Секция «Актуальные проблемы монголоведения» прошла под руководством Г.Ц.Пюрбева, д.филол.н., профессора Института языка РАН (Москва) и Д.Ш.Харанутовой, д.филол.н., доцента Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).

Работу секции «Фольклор. Литература. История и другие языки» направляли Т.Г.Басангова, д.филол.н., ведущий научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста) и В.И.Супрун, д.филол.н., профессор Волгоградского госуниверситета.

В ходе конференции учёные из Бурятского госуниверситета, Стерлитамакского филиала Башкирского госуниверситета, Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Института финансов и экономики Улан-Батора подготовили соглашения о партнёрстве и сотрудничестве с Калмыцким госуниверситетом.

Участники конференции отметили важность и необходимость регулярного проведения данного научного мероприятия, значимость задач в области монголоведения, тюркологии и алтаистики, поднятых во время работы форума. По итогам работы конференции было решено:

— организовать работу по созданию единой базы письменного наследия монголо- и тюркоязычных народов;

— всемерно содействовать проведению экспедиций и научных мероприятий (конференций, форумов) по вопросам монголоведения и тюркологии;

— рекомендовать организовать и провести в Республике Калмыкия (Элиста) очередную Международную научную конференцию по пробле-

мам исследований в области монголоведения и алтаистики;

— осуществить работу по подготовке к изданию экспедиционных и полевых материалов профессора В.И.Рассадына;

— учредить именную премию профессора В.И.Рассадына для студентов, имеющих значимые результаты в области научных исследований по калмыковедению и монголоведению.

Конференция получила широкую информационную поддержку. Опубликовано множество материалов в республиканских и международных СМИ, на страницах электронных информационных ресурсов, на радио. Российские и международные участники форума на страницах сайтов вузов отметили, что данная конференция стала эффективной площадкой для конструктивного диалога между филологами по актуальным вопросам монголоведения, тюркологии и алтаистики, богатую культурную программу мероприятия.

По заказу Калмыцкого госуниверситета был подготовлен документальный фильм, посвящённый жизни и творчеству профессора Рассадына. Фильм транслировался на канале республиканского телевидения в период проведения конференции и получил много тёплых отзывов.

В рамках работы форума в научной библиотеке КалмГУ состоялась презентация электронной полнотекстовой коллекции научных трудов В.И.Рассадына «Учёный, просветитель, педагог...».

Электронная коллекция включила 78 полнотекстовых работ, в число которых вошли монографии, начиная с 1970 г. издания. Электронная коллекция трудов размещена на сайтах научной библиотеки и университета, сформирована как самостоятельная электронная библиотека, в то же время она интегрирована в электронный каталог библиотеки в базу данных «Труды учёных КалмГУ». Участники презентации отметили значение электронной коллекции для лингвистов всего мира.

Пришедший на презентацию В.И.Рассадын высоко оценил кропотливую работу сотрудников по подготовке электронной библиотеки его научных работ, поделился планами издания новых словарей и монографий, над которыми сейчас работает, вспомнил годы работы в Монголии, Бурятии, а также своих коллег, их научные труды.

Школа В.И.Рассадына — одна из самых многочисленных и фундаментальных. Она постоянно поддерживает научные связи с учёными Монголии, Китая, Японии, Южной Кореи, Турции, Финляндии, Чехии, Польши, Венгрии, Германии, Франции, США, Италии, Австрии, Литвы.

Есть все основания, надеяться что Калмыцкий государственный университет станет постоянной научной площадкой для обсуждения широкого круга вопросов в области тюркологии, монголоведения и алтаистики и ещё не раз соберёт в своих стенах учёных-востоковедов со всего мира.

Т.И.Науменко*

Международная научная конференция «Музыкальная наука в XXI веке: пути и поиски (к 70-летию Российской академии музыки им. Гнесиных)» (Москва, 14–17 октября 2014 г.)**

Конференция, проведённая в РАМ им. Гнесиных, стала одним из самых масштабных мероприятий, задуманных в рамках празднования 70-летия Российской академии музыки им. Гнесиных и 140-летия со дня рождения основательницы Гнесинского Дома Елены Фабиановны Гнесиной (фото).

Фото. Е.Ф.Гнесина

В работе форума приняли участие крупнейшие музыковеды, представители всех консерваторий России, учёные из стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси, Азербайджана, США, Японии, Китая, Индии,

* **Науменко Татьяна Ивановна** — доктор искусствоведения, заведующая кафедрой теории музыки Российской академии музыки им. Гнесиных, член Оргкомитета конференции.

** Проект 14-04-14017г.

Тайваня. В ходе конференции состоялось обсуждение широкого круга проблем современной музыкальной науки, охватывающего важнейшие аспекты отечественной и зарубежной музыки, мировых музыкальных культур и музыкального образования.

Главная идея форума заключалась в том, чтобы представить картину современного отечественного музыковедения, охватывающего как столичные, так и региональные научно-образовательные центры, основные направления их деятельности, тематику трудов, исторические и современные тенденции. Объединение учёных-музыковедов, которые в условиях непосредственного общения, живой дискуссии получили бы возможность обсудить насущные проблемы музыкознания, — не только прекрасный подарок к юбилею одной из ведущих научных школ страны, но и определение поисков и перспектив дальнейшего развития вузовской музыкальной науки. Не менее интересным и значимым представлялся и вопрос о других музыковедческих школах. Именно поэтому на юбилейное мероприятие были приглашены все проректоры, отвечающие за науку в российских консерваториях.

В конференции приняли участие проректоры по научной работе Московской, Санкт-Петербургской, Астраханской, Казанской, Нижегородской, Новосибирской, Ростовской, Саратовской, Уральской консерваторий, других музыкальных вузов, расположенных в Москве, — Государственного музыкально-педагогического института им. М.М.Ипполитова-Иванова, Московского государственного института музыки им. А.Г.Шнитке и Академии хорового искусства им. В.С.Попова. Также следует отметить участие ректора Белорусской государственной академии музыки и проректора по научной работе Бакинской музыкальной академии им. У.Гаджибекова.

Одной из достопримечательностей конференции стало её торжественное открытие. В течение полутора часов звучали приветствия в честь юбилея гнесинской научной школы — от Министерства культуры и Российского гуманитарного научного фонда, Союза композиторов РФ и журнала «Музыкальная академия», Государственного института искусствознания и Российского института истории искусств, Белорусской государственной академии музыки и Бакинской музыкальной академии им. У.Гаджибекова.

Особой темой стали приветствия от российских консерваторий. В них были обозначены важнейшие черты, характеризующие отечественное музыкознание, — прежде всего его единая корневая система. Профессиональные и человеческие связи, способствующие обмену идеями, на протяжении многих десятилетий помогавшие в самых разнообразных жизнен-

ных ситуациях, — всё это прозвучало в лицах, именах, конкретных исторических фактах, внося в торжественность события лирическую ноту. Музыковедческое сообщество — а оно не такое уж и большое на пространстве огромной России — предстало как корпорация единомышленников, понимающих важность своей профессии и огромную значимость пройденного пути, ценность профессионального взаимопонимания и расширения творческого общения. Звучали имена основателей и учителей; многие из них оказались общими для всех не независимо от школ и научных интересов. Такие музыковеды, как С.С.Богатырёв, М.С.Друскин, Д.В.Житомирский, А.А.Иконников, Ю.Г.Кон, Л.А.Мазель, М.К.Михайлов, М.С.Пекелис, В.А.Цуккерман, К.Р.Эйгес, оказались причастными к истории самых разных консерваторий, воспитав многих учеников на всём пространстве огромной страны.

В рамках пленарного заседания «Музыкальная наука вчера и сегодня: направления, школы, творческие взаимодействия» были обозначены главные направления научной деятельности российских консерваторий, ещё раз подтвердившие их огромную значимость в продуцировании и развитии актуальных музыковедческих направлений. Вузовская наука многогранна: именно ей принадлежит первенство в освоении новых исследовательских технологий и сохранении образовательных традиций, осуществлении научно-экспедиционной работы и приобщении к научной деятельности молодёжи — студентов и аспирантов. В вузах издаются сотни и тысячи книг, охватывающих практически все аспекты современной музыкальной теории и практики. Особенно впечатляет масштаб научной деятельности консерваторий, если вспомнить, что их деятельность в значительной степени является артистической, творческой.

В каждом докладе были представлены уникальные данные об истории науки в консерваториях и её сегодняшнем бытии, о развитии вузовской научной инфраструктуры и перспективных проектах. Так, *Московская консерватория* (доклад К.В.Зенкина) с её установкой на университетский тип учебного заведения, реализует научную деятельность в многообразных формах: здесь, помимо кафедр, активными субъектами выступают научные и научно-творческие центры. В МГК такие центры охватывают огромный спектр научной проблематики: музыкальный фольклор и медиавистику (Научный центр русской народной музыки им. К.В.Квитки и Научный центр русского церковного музыкального искусства им. прот. Дмитрия Разумовского), музыку различных национальных традиций (Научно-творческий центр «Музыкальные культуры мира») и анализ педагогического опыта разных стран (Проблемная научно-исследовательская лаборатория музыки и музыкального образования).

Научная деятельность *Санкт-Петербургской консерватории* (доклад Н.И.Дегтярёвой) имеет ярко выраженный характер, связанный с развитием «именных» научных школ. Школа, разрабатывающая проблематику лада и школа баховедения, аналитическая школа и школа сольфеджио — все они развивают идеи, заложенные в трудах Б.В.Асафьева, Ю.Н.Тюлина, Х.С.Кушнарёва, М.С.Друскина, Е.А.Ручьевской, а также А.Л.Островского, В.П.Шокина, С.Н.Соловьёва, Б.А.Незванова. Эти школы образуют весьма существенную, хотя и не единственную линию развития музыковедческих традиций старейшей консерватории страны. Другую линию формируют сравнительно молодые, но уже мощные направления фольклористики и медиевистики, а также ярко характеризующий петербургскую научную школу интерес к музыкально-исторической проблематике.

Научные направления в *Нижегородской консерватории* (доклад Т.Б.Сидневой) также имеют собственное «лицо»: это зарубежная музыка, традиции органного искусства, актуальная отечественная композиторская практика. Самостоятельным направлением исследовательской деятельности консерватории стало изучение неакадемической традиции: рок-, поп-музыки, джаза.

Аналогичное направление составляет один из центральных научных интересов *Ростовской консерватории* (доклад А.В.Крыловой). Сегодня это направление включают широкий спектр вопросов: музыкальные субкультуры, рекламная аудиокommunikация, бытование прикладных музыкальных жанров, место и роль музыканта-исполнителя в социокультурном пространстве, а также музыкальный менеджмент.

Научная школа *Астраханской консерватории* (доклад Л.В.Саввиной) представлена как региональным, в том числе краеведческим, направлением исследований, так и проблематикой, органично взаимодействующей с научными интересами других консерваторий. Здесь также сформировались свои тематические приоритеты: звукоорганизация музыки и музыкальное содержание, инструментальный театр и поэтика тишины в музыкальном искусстве.

Научная деятельность *Новосибирской консерватории* (доклад О.А.Светловой) предстала во всём богатстве региональной проблематики. Музыкальная культура Сибири — один из безусловных научных приоритетов вуза. Это направление объединяет музыкальную этнографию и этнологию (коренные этносы, сибирские переселенцы), музыкальную археологию и медиевистику (певческие традиции Русской Православной Церкви и сибирского старообрядчества), профессиональную культуру городов Сибири (музыкальная жизнь, исполнительство, композиторское

творчество, музыкальное образование). Начиная с 1990 г. педагоги консерватории совместно с Институтом филологии СО РАН принимают участие в создании 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В работе секций были представлены генеральные интересы современного музыковедения. Проблемы отечественной музыки освещались в докладах Н.С.Гуляницкой («Духовно-музыкальные сочинения композиторов Гнесинского Дома»), В.Н.Холоповой («Возвышение красоты в творчестве русских композиторов конца XX — начала XXI веков»), Н.С.Серёгиной и Н.Г.Денисова («Актуальность русской музыкальной медиевистики в XXI веке»), Е.М.Левашева («Фантом единой методологии в искусствознании»). В этих и других выступлениях был явственно обозначен главный «нерв» сегодняшней музыкальной науки: её способность откликаться на актуальные запросы времени, стремление осмыслить их скрытые и явные смыслы в сложном гуманитарном контексте российской жизни.

Секции, руководимые М.И.Каратыгиной («Музыкальные культуры мира»), И.П.Сусидко («Проблемы зарубежной музыки и музыкального театра»), Т.А.Сапегинной («Музыка в кино и анимации») представили обширную географическую и тематическую карту современного музыковедения. В работе секций приняли участие отечественные и зарубежные музыковеды, обрисовавшие магистральные пути развития современной музыкальной науки. Инфраструктура музыковедения, сложившаяся в разных странах, история и жанровые разновидности музыкального театра, современная музыка и актуальные аналитические подходы, музыка в сложных видах художественных текстов — каждый из этих тематических блоков отразил многообразие общих и частных вопросов, показывающих движение современного музыковедения к большей открытости, к взаимодействию с гуманитарным знанием в целом. Две секции, обращённые к проблемам музыкального образования (руководители — Л.С.Дьячкова и А.В.Малинковская), были призваны объединить традиционные для РАМ им. Гнесиных вопросы искусствоведческого, педагогического, научно-методического характера, рассмотренные как в их взаимосвязи, так и в контексте современной культуры.

Даже на этих немногочисленных примерах видно, что музыковедение, развиваемое в вузах, имеет очевидные и неоспоримые преимущества. Потребности учебного процесса ставят во главу угла широкую проблематику отечественной и зарубежной музыки, музыкального исполнительства и педагогики, внедрения информационных технологий и управленческих стратегий. Таким образом, в сложении российской музыкальной науки отражён

чрезвычайно привлекательный образ консерватории с её факультетами и кафедрами, учителями и учениками, аудиторными занятиями и полевыми исследованиями, любовью к родному краю и приятием всей мировой музыкальной культуры, не знающей ни восточных, ни западных границ.

Это подтвердил и доклад ректора Белорусской государственной академии музыки Е.Н.Дуловой, в прошлом занимавшей должность проректора по научной работе. Круг научных интересов этого вуза, подобно большинству российских консерваторий, охватывает такие направления, как белорусская музыка прошлого и настоящего, проблемы исторического и теоретического музыкознания, мировая музыкальная культура, вопросы музыкального исполнительства и педагогики, — решаемые со всем своеобразием главного музыкального вуза суверенной страны, однако восходящего всё к тем же традициям, персонифицированным именами российских музыковедов С.И.Танеева, Б.В.Асафьева, Ю.Н.Тюлина, Х.С.Кушнарера, Л.А.Мазеля.

При подведении итогов конференции было отмечено, что она стала одним из самых заметных научных мероприятий 2014 г. — настоящим событием для музыковедов всей страны. По её итогам готовится к печати сборник научных материалов.

И.В.Мельников*

Международная конференция «Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле» (Петрозаводск, 3–5 сентября 2014 г.)**

Конференция была приурочена к отмечаемому в 2014 г. 300-летию юбилею церкви Преображения Господня на острове Кижы — выдающемуся памятнику русского деревянного зодчества, объекту Всемирного наследия ЮНЕСКО. Организаторами конференции являлись Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы» и Петрозаводский государственный университет.

Конференция носила междисциплинарный характер. В ней приняли участие 68 специалистов из России, Литвы и Финляндии, работающих в области изучения деревянного зодчества, иконописи, истории и этнографии Заонежья, а также археологии, языкознания, фольклористики и литературоведения.

Междисциплинарный подход был обусловлен тем обстоятельством, что церковь Преображения Господня с момента своего создания и до сегодняшнего дня является главным фактором, формирующим культурную среду территории исторической Кижской волости, с которой церковь тесно связана. Спектр исследований церкви никогда не ограничивался классическим для этой области историко-архитектурным и искусствоведческими изучением памятника и его внутреннего убранства. Исследователей всегда интересовала историко-культурная среда, в которой происходило формирование и развитие памятника, в контексте истории Кижской волости, археологического окружения, фольклора, топонимии и других компонентов традиционной культуры.

На конференции были рассмотрены следующие вопросы, связанные с изучением кижской церкви и народной культуры Заонежья: история церкви Преображения Господня и Кижского православного прихода, традиции деревянного зодчества и сохранение памятников деревянного зодчества, иконописное убранство северного храма, история изучения церкви Преображения Господня и памятников деревянного зодчества Заонежья, традиционная культура Заонежья в контексте этнографии, фольклористики, языкознания, книжности и литературы, истории и историографии, тема Кижей в художественной литературе и изобразительном искусстве.

* **Мельников Игорь Валерьевич** — кандидат исторических наук, заместитель директора музея-заповедника «Кижы», председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 14-04-14003г.

В рамках конференции была организована работа двух пленарных и трёх секционных заседаний.

Первое пленарное заседание было посвящено церкви Преображения как фактору развития местной этнокультурной среды. В докладе д. арх. академика РААСН В.П.Орфинского церковь Преображения была представлена в общем контексте северно-русского культового зодчества, рассмотрены вопросы эволюции деревянного зодчества в целом, произведено сравнение памятника с иными деревянными храмами Русского Севера. Автор предложил оригинальную концепцию феномена кижского храма как этнокультурного символа самовыражения и самоутверждения, сложившегося в условиях Обонежья с его разноэтничным населением (русскими, карелами, вепсами).

Особый интерес участников и гостей конференции вызвал доклад директора музея-заповедника «Кижь» д.э.н. А.В.Нелидова, посвящённый рассмотрению концепции развития музея-заповедника «Кижь», в которой церковь Преображения Господня и Кижский архитектурный ансамбль выступают в качестве ключевого фактора развития современной этнокультурной среды Заонежья.

Доклад д.и.н., ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН К.В.Цеханской был посвящён идеалу Преображения и его трансформации в культурной среде русского этноса. Автор отметил, что идеал Преображения и поныне остаётся действенной духовной силой, противостоящей давлению культуры постмодерна.

В ряде прозвучавших на заседании докладов церковь Преображения рассматривалась в контексте этнокультурной среды Кижей и Заонежья в целом. В частности, были представлены материалы по фольклористике (к.ф.н. В.П.Кузнецова), этнографии (к.и.н. К.К.Логинов), языкознанию (д.ф.н. С.А.Мызников), археологии (к.и.н. И.В.Мельников и соавт.) и другим дисциплинам, связанным с изучением традиционной культуры. Живой интерес участников конференции вызвали доклады об истории Заонежья (д.и.н. А.М.Пашков, к.ф.н. С.В.Воробьёва).

Ещё одно пленарное заседание было посвящено вопросам сохранения и реставрации Преображенской церкви. Актуальность и повышенный интерес к этой теме обусловлен тем обстоятельством, что конференция проходила в момент, когда реставрация Преображенской церкви находилась в самом разгаре и привлекала наибольшее внимание со стороны специалистов и общественности. В докладах реставраторов-практиков, ведущих непосредственные работы на памятнике (А.А.Чусов, В.А.Скопин, А.А.Ковальчук и др.), были затронуты вопросы, раскрывающие инновационный характер применяемых методов и технологий, касающиеся укре-

пления конструкций, сохранения исторической древесины, технологии реставрационных работ. Наибольший интерес вызвали сделанные авторами наблюдения относительно традиционной техники и технологии плотницкого ремесла.

На секционном заседании «Деревянное зодчество» были заслушаны 11 докладов. Большинство из них содержало новые материалы, касающиеся опыта проведения работ по изучению и реставрации памятников деревянного зодчества в Варзуге (к.арх. Т.И.Вахрамеева), Линдозере (А.Г.Носкова), Поветлужье (С.А.Пиляк), Красной Ляге (к.арх. А.Б.Бодя). Особый интерес вызвали доклады И.Н.Шургина, рассмотревшего Преображенскую церковь Кижского погоста в контексте архитектуры московского барокко, и д.филос.н. Ю.В.Линника об аналоге Кижской Преображенской церкви — церкви Покрова Богородицы в селе Анхимово.

На заседаниях исторической секции обсуждались вопросы истории и историографии Кижей и Заонежья в целом. Всего прозвучали 15 докладов, в двух из них, авторами которых являются к.и.н. А.И.Раздорский (Санкт-Петербург), а также С.В.Моисеев и О.В.Запольская (Новгород), были представлены малоизвестные документы по истории Кижского погоста XVIII—XIX вв.

Участники секции «Традиционная культура Заонежья в контексте междисциплинарных исследований» заслушали 14 докладов. Отметим доклад В.Г.Пуцко (Калуга), проанализировавшего трансформацию иконописного убранства северного храма XIII—XVI вв. с точки зрения иконографии и хронологии, а также доклад к.иск. В.Г.Платонова (Петрозаводск) об исследовании икон Преображенской церкви «Преображение» и «Покров». Автор привёл ряд иконографических и стилистических аналогий, подтверждающих время создания икон и их связь с местной художественной культурой.

В программу конференции были включены филологические чтения с участием студентов Петрозаводского госуниверситета, посвящённые кижской тематике в русской литературе.

В рамках конференции состоялось выездное заседание участников на острове Кижь, где они ознакомились с ходом реставрации Преображенской церкви. В ходе дискуссии по итогам работы форума участники отметили, что проводимая музеем-заповедником «Кижь» реставрация церкви Преображения Господня имеет беспрецедентный характер и связана с накоплением уникального опыта, который должен быть систематизирован, изучен и представлен общественности.

По итогам работы конференции подготовлен сборник статей участников.

М.Ф.Флоринский*

На изломе эпох: вклад С.Ю.Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации. В 2 т. Т. 2: С.Ю.Витте и его современники. СПб.: Лики России, 2014. — 560 с.: ил.**

Вышло в свет двухтомное издание исследований и материалов о С.Ю.Витте — выдающемся деятеле России, оставившем ярчайший след в истории её государственности. Первый том содержит оригинальный текст монографии М.К.Лемке о тайной организации для борьбы с революционным движением «Святая дружина Александра III»***, завершённой автором в 1920 г., но остававшейся только в виде рукописи в Пушкинском Доме РАН. Создание «Святой дружины», сыгравшей существенную роль в российской государственной политической системе после 1 марта 1881 г., было тесно связано с инициативой С.Ю.Витте, послужившей началом его карьеры на государственной службе.

Второй том проекта «На изломе эпох» — «С.Ю.Витте и его современники», который здесь рассматривается, состоит из двух частей. Первая из них посвящена глубоким потрясениям в истории России и значительным государственным преобразованиям, происходившим в конце XIX — начале XX в. Исследования, входящие в состав этой части, дают основные штрихи к политическому портрету министра путей сообщения, а затем десятилетнего главы финансового ведомства (которое руководило также делами промышленности и торговли) и первого председателя Совета министров Российской империи в разгар революционных событий конца 1905 — начала 1906 г.

* **Флоринский Михаил Фёдорович** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

** Проект 12-31-08040а.

*** На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации: В 2 т. Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881—1882 годы. По неизданным документам / Отв. ред.: Р.Ш.Ганелин; Публикацию подгот.: Б.В.Ананьич, И.И.Крупская, С.В.Куликов, С.К.Лебедев, И.В.Лукоянов, В.А.Ромодановская, М.Н.Румынская, при участии Е.А.Андреевой, Е.И.Носовой. СПб.: Лики России, 2012. — 928 с.: ил.

Том открывает статья И.Н.Слепнёва «Путь С.Ю.Витте», в которой на современном уровне кратко, но точно и образно изложена биография С.Ю.Витте (с. 8—29).

Среди исследований надо отметить, прежде всего, работы, посвящённые формированию образа С.Ю.Витте в начале XX в. Оценки личности Витте, данные иностранными публицистами, анализирует С.К.Лебедев (с. 30—42). Автор отмечает, что образ Витте как министра финансов и политического реформатора в западном общественном мнении был более популярным, чем внутри России, хотя он и рассчитывал на поддержку просвещённой среды. Драма Витте, начинавшего успешным администратором во второй по размерам частной железнодорожной компании страны — Обществе Юго-Западных железных дорог — и с 1889 г. перешедшего на ответственные посты в правительстве, была в том, что русское общество видело в нём *только* бюрократа и не хотело поддерживать вводимую им в период революции 1905 г. урезанную прусскую конституцию (без всеобщего избирательного права).

Борьба за образ была частью политики С.Ю.Витте, которую он вёл и после отставки, не теряя надежды вернуться к государственной деятельности, несмотря на нерасположение к нему Николая II. Две статьи принадлежат Э.О.Сагинадзе, которая исследовала как позиции Витте по отношению к мировой войне, так и его образ не только в политической публицистике, но и на театральной сцене (с. 43—84). Она убедительно показала, что ещё при жизни С.Ю.Витте стал героем художественных произведений, в частности, на шумевшей пьесы И.И.Кольшко «Большой человек». Отношение к сановнику и у публики, и у прессы нельзя назвать однозначным. Фигура графа вызывала споры и формировала самые разные мнения, вплоть до диаметрально противоположных. Главное же, что к отставному министру сохранялся интерес, а это и являлось его целью. Исследование места С.Ю.Витте в общественном мнении преимущественно через печать показывает, как в России начала XX в., несмотря на сохранение самодержавного строя, политика всё более и более захватывала публичную сферу.

Завершает исследовательский раздел тома библиографический список, подготовленный А.С.Крымской и И.Ю.Гавриловой, «С.Ю.Витте в отечественной литературе 1999—2008 гг.», охватывающий годы наиболее интенсивного изучения его деятельности (с. 85—110). Начальная дата выбрана не случайно — это год 150-летия со дня рождения графа, что, разумеется, вызвало всплеск исследовательского интереса к его фигуре. Конечно, это не вся литература: за пределами библиографии остались учебные издания, газетные статьи, исследования на иностранных языках.

Тем не менее, библиография охватила 282 работы — немало для государственного деятеля позднеимперской России, сравниться с ним может, наверное, только П.А.Столыпин. Дополненная «ореолом рассеяния публикаций», эта библиография даёт панораму исследовательских интересов и результатов изучения «эпохи С.Ю.Витте», что имеет важное значение для дальнейших изысканий.

Вторая часть тома, скромно названная «Материалы к историко-биографическому словарю С.Ю.Витте» (с. 113—558), на деле содержит биографии более 250 лиц, с которыми граф в той или иной форме соприкасался на жизненном пути. Авторы этих словарных статей — историки и экономисты из Москвы, Санкт-Петербурга и Архангельска, Омска, Самары, Калининграда и других городов России, в большинстве — признанные специалисты по отечественной истории рубежа XIX—XX вв. Обладая уникальными по объёму и глубине знаниями о событиях и явлениях изучаемого периода и биографиях исторических лиц, они в течение ряда лет готовили мини-исследования биографий современников С.Ю.Витте*.

В статьи вошли биобиблиографические сведения и краткие характеристики деятельности государственных и общественных деятелей, предпринимателей, банкиров, политиков, учёных, писателей, журналистов, лиц из ближайшего окружения С.Ю.Витте. В их числе — не всегда широко известные деятели эпохи, представители элитарных слоёв российского общества второй половины XIX — начала XX в., большинство из которых Витте упоминает в своих мемуарах. Среди представленных персоналий есть и малоизвестные современники, порой игравшие очень важные роли в событиях и явлениях, связанных с С.Ю.Витте.

Биографии, как правило, предусматривают акцент на контактах героя с С.Ю.Витте. Статьи сопровождаются библиографией, по возможности указаны архивные источники. Конечно, в словарь попали не все, кто был так или иначе связан с С.Ю.Витте, достаточно сопоставить, например, именной перечень к воспоминаниям графа и список биографических справок данного словаря. Важно, что среди героев присутствуют не только коронованные особы или сановники, но и люди, лично близкие графу

* Составители Н.А.Калиткина и И.Н.Слепнев, авторы словарных статей С.А.Андрюшин, С.В.Беспалов, О.В.Будницкий, М.Л.Гавлин, В.Ю.Гессен, В.Я.Гросул, А.Л.Дмитриев, П.В.Ерофеев, А.Н.Ерошкина, А.Н.Зашихин, П.Н.Зырянов, В.В.Канищев, А.П.Корелин, Ю.А.Кузьмин, С.В.Куликов, М.П.Лепёхин, П.В.Лизунов, И.В.Лукоянов, В.Н.Никулин, В.М.Панеях, З.И.Перегудова, Ю.А.Петров, А.Ю.Полунов, И.В.Поткина, Л.Г.Протасов, О.Л.Протасова, И.М.Пушкарёва, А.В.Репников, А.В.Ремнёв, П.Г.Рогозный, С.М.Санькова, И.Н.Слепнёв, А.С.Соколов, К.А.Соловьёв, В.А.Степанов, В.А.Телицын, В.А.Уланов, В.В.Чепарухин, Н.В.Черникова, В.В.Шелохаев, С.В.Шелохаев, Д.Н.Шилов. В подготовке издания «Материалов» принимали участие Н.Н.Белая, П.Г.Гайдуков, Л.Г.Захарова, Г.А.Титикина, Н.К.Фигуровская.

(вроде Н.А.Демчинского и т.п.). «Материалы к историко-биографическому словарю С.Ю.Витте» не только позволяют оценить круг общения сановника, но и дают представление о том, насколько широкой была среда людей, вращавшихся вокруг власти. В ней на рубеже XIX—XX вв. встречались и переплетались различные сословия и группы. Поэтому «Материалы...» дают представление не столько о связях одного человека, сколько об обществе в целом.

Использование принципов просопографического исследования определяется значительным, неугасающим интересом к жизни и деятельности С.Ю.Витте, который стал одним из самых изучаемых в отечественной и мировой историографии государственных деятелей. Издание ряда обобщающих исследований о нём, огромного корпуса материалов из архивов наряду с прогрессом в развитии библиографии и публикации словарей и справочников, вообще в накоплении исторических знаний по эпохе рубежа XIX и XX вв., создаёт новые предпосылки для подготовки историко-биографического словаря. И такая попытка предпринята в настоящем томе. Речь идёт о представлении персоналий, связанных с именем С.Ю.Витте — одного из ведущих российских реформаторов, теоретика и практика проведения отечественной индустриализации.

Биографика как составная часть исторического исследования и важный самостоятельный литературный жанр приобретает всё большее значение в современной российской науке. «Материалы...» — шаг на пути её развития, свидетельство того, что российские историки отвечают вызову современности. Бывшая у нас долгие годы в ходу словесная формула о роли личности в истории, в сущности, прикрывала авторитет, закрепившийся за движением классов и социальных групп. Преодоление такого подхода потребовало изучения множества активно действующих субъектов исторического процесса: как и в других идеологических сферах, внимание привлёк так называемый человеческий фактор.

Инициатива И.Н.Слепнёва, проявленная несколько лет назад, и осуществлённый при поддержке РГНФ собранным им коллективом квалифицированных авторов труд принесли, как представляется, свои плоды. Читатели, в первую очередь исследователи, получили собрание биографий всех, в сущности, лиц из числа имевших отношение к событиям, явлениям государственной жизни России конца XIX — начала XX в., к преобразованиям различных её сторон.

Составление словника было облегчено соблюдением таких бесспорных принципов, как соприкосновение того или иного лица не только с самим Витте или с какой-либо из сторон его деятельности (которая была сама по себе столь всеобъемлющей, что характеризовала важнейший этап россий-

ского государственности), но и наличие отзывов Витте о своих современниках или их о нём самом.

Надо отметить, что редколлегия издания не стремилась к унификации подходов и взглядов авторов, целиком оставляя их трактовку материала. Поэтому читатель без труда может обнаружить, что общеисторические оценки тех или иных событий и процессов не во всех статьях совпадают. Во многих текстах фигурируют яркие замечания о роли человеческих качеств в деятельности субъектов исторического процесса. Представляется, что второй том, как и первый, сыграет свою роль в дальнейшем исследовании происхождения и природы тех российских событий, которые по справедливости определены как «излом эпох» в истории страны.

Э.А.Чеканцева*

Идеи и люди. Интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П.Репиной. М.: Аквилон, 2014. — 848 с. — (Образы истории)**

Рецензируемое научное издание — результат исследовательского проекта, выполненного коллективом авторов под руководством президента Российского общества интеллектуальной истории член-корреспондента РАН Л.П.Репиной. В названии книги *идеи* поставлены на первое место. Тем не менее, это книга не столько об идеях, сколько о людях, занятых интеллектуальным трудом, который в последние десятилетия в силу целого ряда обстоятельств теряет вес как важнейшая составляющая культуры. В связи с этим материалы коллективного труда имеют не только научную актуальность. Полагаю, что такое издание требует специального аналитического анализа, но и краткий обзор книги, надеюсь, привлечёт внимание заинтересованного читателя, а, возможно, поможет разобраться в интересном и многоплановом замысле создателей книги.

Внушительное по объёму повествование об интеллектуальной истории Европы Нового времени, состоящее из пяти частей, начинается с двойного введения, в котором разъясняются замысел проекта и содержание двух ключевых концептов книги: *интеллектуальная культура* как предмет исследования и *научная коммуникация* как фактор развития науки. Эти концепты неразрывно связаны между собой. «Интеллектуальная культура — это не абстрактные идеи, а совокупный ментальный и вербальный фонд того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством речи, письма и других средств коммуникации» (с. 8). Коммуникативная природа интеллектуальной культуры делает необходимым для её полноценного понимания как анализ текстов, так и изучение мыслительного инструментария того или иного исторического периода, навыков мышления, способов концептуализации явлений, а также исследование институтов и форм интеллектуального общения в самых разнообразных контекстах, как в синхронии, так и в диахронии.

Исследование интеллектуальной культуры и её репрезентация в историческом нарративе предполагает использование множества современных

* **Чеканцева Зинаида Алексеевна** — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

** Проект 13-01-16043д.

подходов и разнообразного аналитического инструментария. Здесь мы встречаем осмысление новых идей и историографических новаций в духе глобальной истории, когнитивные штудии, интеллектуальные биографии, историческую антропологию, анализ культурных практик, элементы социальной истории, социологию науки, историческую биографию. Иными словами, изучение интеллектуальной истории требует не только широкой эрудиции, привлечения разнообразных источников, но и свободной ориентации в стремительно расширяющемся информационном поле современной социогуманитарной науки.

Первая часть книги посвящена культурным практикам интеллектуальных сообществ Европы XVI–XVIII вв. В.В.Зверева на обширном конкретном материале исследует внутреннюю структуру, логику организации и порядок дискурса естественно-научного знания в период Старого порядка. Читатель найдёт здесь интереснейшую информацию о предыстории жанра текстов о природном мире, о его «втором рождении» в полемике с древними, узнает об основных способах и формах представления такого знания, познакомится с типологией естественно-научных историй и их метаморфозой в век Просвещения. Общая рамка естественных историй, как показывает автор, объединяла очень разные сочинения. Исследуя не только содержание, но и «материальную» форму этих сочинений, структуру повествования, а также контексты их создания и бытования, автор выявляет изменения как в мышлении интеллектуалов, так и в динамике эволюции естественного знания. Многообразие моделей «естественной истории», вобравших в себя разнородные культурные практики академического, любительского, философского, светского, морализаторского, предпринимательского, литературного, художественного освоения природного мира, согласуется с идеей о нелинейности развития знаний о природе, а также с тем, что суммарный эффект раннего научного знания нельзя свести лишь к одному результату — «правильной» академической науке XIX в.

А.Ю.Серёгина на основе архивного материала исследует роль книги и практик чтения в формировании и функционировании английского католического сообщества XVI–XVII вв. Анализируя содержание и характер переводимых на английский язык католических книг (катехизисы, печатные переводы и рукописи, посвящённые важным вопросам полемического богословия), автор приходит к выводу, что это был пример рецепции и распространения среди католиков идей пост-Тридентского реформационного католицизма (с. 115). Некоторые из них выполняли функции своеобразной «Энциклопедии», являясь не только удобным пособием по полемическому богословию, но одновременно формируя исторический канон английского католического сообщества и его историческую память. Именно культура книги замещала

английским католикам того времени исчезнувшие практики коммунального христианства новыми, поддерживая таким образом их представления об общности с единоверцами как внутри страны, так и за пределами Англии.

А.В.Стогова убедительно представляет салоны XVII в. как пространство особой интеллектуальной культуры и социальности, где суждение профана и профессионала, по сути, уравнивались, формируя новые вкусы и нравы. Для того чтобы прояснить специфику гендерной проблематики в контексте французской салонной культуры, автор анализирует набор распространённых в словарях, литературе и общении женских характеристик, таких, например, как *умная, интеллектуальная, учёная* и проч. В результате салонная культура второй половины галантного века предстаёт в изображении автора как важная веха в процессе нелёгкого включения женщин в интеллектуальное сообщество.

Во второй части книги исследуются некоторые основополагающие идеи и интеллектуальные традиции Европы XVIII—XIX вв. Открывает раздел обстоятельная статья И.Н.Ионова об идеях «цивилизации» и «варварства», которые, возникнув на заре Нового времени, до сих пор тесно связаны с ключевыми ценностными установками современной культуры. Будучи длительное время доминирующей формой ориентации, они имели не только позитивное, но и негативное влияние на взаимоотношения народов и культур. В частности, цивилизационный дискурс, особенно в его субстанционалистской версии, создаёт немалые трудности как в самопонимании, так и в диалоге различных культур и сообществ. Проследивая в режиме большой длительности (*longue durée*) трансформации бинарной оппозиции «цивилизация—варварство» в контексте современной связанной истории, исследующей не столько прошлое отдельных стран/социальных групп, сколько отношения между ними и современными глобальными системами и структурами, автор на большом историографическом материале показывает, что дискурс «варварство—цивилизация» в Европе XVII—XIX вв. стал основой разделения человечества на господ, обладающих правом голоса, и субальтернов, у которых есть только право на молчание. Поэтому, утверждает автор, их актуальное переосмысление в контексте связанной истории — это не прихоть исследователей, но потребность, обусловленная масштабными трансформациями мироздания. Участникам глобального диалога сегодня нужен новый язык.

В.Ю.Апрыщенко, изучив историческую традицию Парламентской унии 1707 г., которую основная масса населения в первой половине XVIII в. воспринимала как предательство аристократии и трагедию шотландского народа, убедительно показал, что шотландские интеллектуалы, в отличие от носителей европейских исторических традиций, пытались

отыскать корни шотландской национальной гордости прежде всего в том, что их нация была органической частью Британии. В итоге шотландцы сумели отказаться от понимания нации как «нации-государства», что позволило им избежать «национальных революций», ограничившись революцией в историописании (с. 336).

Последний сюжет этого раздела — идея классического университета и история людей, без которых не было бы ни идеи, ни университета — Вильгельма и Александра Гумбольдтов. Размышляя о рационализме и революционном опыте XVIII в., В. фон Гумбольдт пришёл к выводу, что «нельзя давать уроки анатомии на живом теле». Конституционный закон, построенный лишь на принципах разума, не может быть идеальным. Индивидуальная свобода человека, его достоинство, полагает автор, были одними из ведущих политических идей немецкого мыслителя и его практической деятельности по строительству классического университета. Идеи Гумбольдта в сфере образования сегодня переосмысливаются. Позитивные и негативные стороны этого явления анализирует Н.В.Ростиславлева.

Третья часть книги, посвящённая людям и идеям в культурном пространстве России XVIII—XIX вв., также написана тремя авторами. И.П.Кулакова, обобщая большой историографический материал, стремится показать специфику российской интеллектуальной традиции XVIII — начала XIX в. Она очерчивает круг проблем, связанных с формированием новой интеллектуальной среды, представители которой так или иначе были включены в «процесс цивилизации» (Н.Эльяс) по-русски. При этом её интересуют и выразительные фигуры определённой традиции (академический учёный, кабинетный философ, просвещённый дворянин, образованный разночинец, сочинитель, образованная женщина) и новые типы малых сообществ, в которых складывались специфические формы общения. Автор выявляет в этих сообществах сеть личных связей, представляя их как специфические интеллектуальные сети в духе Р.Коллинза.

Т.А.Сабурова, размышляя о феномене русской интеллигенции, подчёркивает необходимость изучения этого сложного явления как субъекта культуры и социума. Автор пытается сделать это, изучив свойственную интеллигенции «картину/модель мира», в которой выделяется несколько уровней. В этой исследовательской стратегии большое место занимает традиционная для данной темы проблематика социальной идентификации интеллигенции в рамках оппозиций «интеллигенция—власть», «интеллигенция—народ»; в то же время автор исследует темпоральные и пространственные воззрения представителей российской интеллигенции. При этом она отказывается от идеи холизма применительно к мировоззрению даже ядра изучаемой группы, справедливо полагая, что мир российской интел-

лигенции одновременно являлся мифом, который усложнял как формирование этой социальной общности, так и её диалог с народом и властью.

В четвёртой части книги Т.Н.Иванова и Г.П.Мягков, два признанных лидера отечественных схолярных исследований, представляют читателю коммуникативные практики в пространстве исторического знания в России на материале школы В.И.Герье. Авторы уточняют конфигурацию школы, её место и роль в становлении университетского исторического знания в нашей стране. А также они выявляют и анализируют набор культурных практик, позволяющих понять специфику научной коммуникации внутри и за пределами школы. В статье В.А.Филимонова «Российские антиковеды в окружении Н.И.Кареева» обстоятельно описано коммуникативное пространство выдающегося русского историка: подробно представлены субъекты взаимоотношений, предметное поле коммуникативных ситуаций и их результаты.

В разделе об интеллектуалах рубежа XIX—XX вв. С.А.Еремеева исследует практику поминовения, способы сохранения и передачи памяти об ушедших коллегах. Почитание умерших представлено автором как важный элемент традиции, связанной с формированием корпоративной памяти и идентичности. Некрологи, написанные историком С.Ф.Олденбургом (всего более 60), позволили описать процесс трансформации российского академического сообщества в условиях формирования новой системы ценностей.

В статье Н.А.Селунской интеллектуальная биография известного итальянского историка Дж.Вольпе, вписанная в контексты становления истории как науки на рубеже XIX—XX вв. и трансформации образа исторической науки двадцатого столетия, показывает линии взаимодействия истории и политики. О.В.Воробьёва, воссоздавая на большом конкретном материале ключевые моменты творческой биографии знаменитого создателя «Постижения истории» А.Тойнби, по сути, открывает во многом ранее неизвестного британского историка.

Подобранный и тщательно проанализированный конкретный материал даёт возможность проследить долгосрочные трансформации в разноразмерной и пёстрой панораме интеллектуальной жизни Европы с учётом макро- и микромасштабов и контекстов различной природы. Однако авторы книги сделали лишь первый шаг в исследовании интеллектуальных сетей в Европе Нового времени в русле *longue durée*: от религиозных конгрегаций и салонов до конкретных биографий, научных сообществ и школ конца XIX — начала XX в. Это очень важный шаг, поскольку впервые в мировой науке предпринята попытка в междисциплинарном режиме исследовать сложный конгломерат форм и явлений интеллектуальной жизни, не

ограничиваясь простым его описанием, но максимально используя новые идеи и подходы, появившиеся в гуманитарном знании в последние десятилетия и пока ещё мало апробированные на материале сюжетов, изученных в данном коллективном труде.

Жанр рецензии обязывает отметить и некоторые слабые места в этом издании. Например, не всегда удаётся преодолеть чисто описательный подход при исследовании конкретного сюжета; порой при чтении ощущается определённая качественная неоднородность отдельных статей или явная несогласованность при использовании некоторых категорий анализа (ср., например, материалы разделов 3.1 и 2.1 применительно к понятию «цивилизация»).

В то же время книга выявляет новые проблемные направления дальнейшего исследования интеллектуальных сообществ и интеллектуальной культуры. В частности, широкие географические рамки исследовательского поля открывают возможности для более активного применения компаративного подхода в изучении как научных сообществ, так и интеллектуальных сетей разных стран и периодов.

М.Л.Хачатурьян*

Бабаев К.В. Нигеро-конголезский праязык. Личные местоимения. М.: Языки славянских культур, 2013. — 608 с.**

Книга «Нигеро-конголезский праязык. Личные местоимения» представляет собой первую попытку реконструкции системы личных местоимений в праязыке нигер-конго — самой многочисленной африканской семье (около 1500 языков) с глубиной расхождения в 10–12 тыс. лет. В выборку автора вошли более чем 650 языков Субсахарной Африки, что составляет чуть меньше половины всех языков семьи. Ограниченность выборки обусловлена недоступностью материалов: существенная часть данных (около 20%) была собрана по крупицам из неопубликованных миссионерских учебников, словников и книг, вышедших в африканских издательствах и не попавших в мировой научный оборот. Очевидно, что не все такие материалы удалось собрать, не говоря о том, что множество африканских языков попросту не описано. Таким образом, свод данных по местоименным системам языков нигер-конго является максимально полным для текущего развития африканистики и сам по себе представляет большой научный интерес.

Выбор в качестве объекта исследования местоименных систем не случаен. С одной стороны, местоимения являются довольно устойчивыми к заимствованиям — достаточно сказать, что три местоимения («я», «ты», «мы») входят в стословный список Сводеша. При этом тот факт, что системы местоимений функционируют как парадигмы (в тексте автор использует термин «местоименные парадигмы»), обосновывает правомерность реконструкции как системы и объясняет диахронические изменения как изменения парадигмы. Результатом такой реконструкции является не множество несводимых одна к другой близких по семантике лексем (что часто бывает при реконструкции лексики, но при этом труднопредставимо для нормального функционирования языка), а, опять же, целостная парадигма.

Основным методом, используемым в работе, является метод ступенчатой реконструкции, впервые предложенный В.М.Илич-Свитычем для доказательства гипотезы генетического родства языков ностратической макросемьи и активно используемый в работе С.А.Старостиным. Этот ме-

* Хачатурьян Мария Леонидовна — аспирантка Института языкознания РАН.

** Проект 13-04-16030д.

тод заключается в последовательной реконструкции праязыков низшего уровня, для которых на следующем этапе проводится более глубокая реконструкция.

Работа состоит из Введения, Предисловия, десяти глав, Заключения, библиографии, приложений, а также сопровождается резюме на английском языке. Во Введении обосновывается актуальность исследования, определяются его цели и области применения полученных результатов. В Предисловии описываются история классификации нигеро-конголезских языков и применяемые при классификации методы, в частности, метод массового сравнения и лексикостатистики. Приверженцем первого был, в том числе, Дж.Гринберг, автор нигеро-конголезской гипотезы, приверженцем второго — Т.Шадеберг. Отмечается, что, хотя достигнут определённый консенсус относительно нигеро-конголезского «ядра», таксонов нижнего уровня, а именно языков бенуэ-конго, ква, гур, адамауа, убанги и кру, а также о том, что атлантические, кордофанские языки и языки манде были в числе самых ранних ответвлений, нет единства мнений относительно положения двух небольших семей, догон и иджойдной. Кроме того, хронология распада «ядра» также является предметом дискуссий. При этом сама работа основывается на модели классификации, предложенной Г.Сежерером. Отдельно упоминаются современные исследования по компаративистике, а именно проект Д.Нурса по исследованию глагольных категорий нигер-конго, а также проект «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция», инициированный в 2010 г. российскими учёными, в том числе и самим К.В.Бабаевым. Помимо исследований по компаративистике, упоминаются также ареально-типологические исследования языков и геногеографические исследования народов Африки.

В Главе 1 обосновываются принципы и методология исследования. В первой части этой главы описывается преимущество метода ступенчатой реконструкции, используемого в работе. Указывается, что автор рассматривает регулярные фонетические соответствия там, где они установлены предыдущими исследователями, в противном случае он выдвигает ограничения на фонетические переходы.

Для обоснования консонантных переходов К.В.Бабаев основывается на методике фонетической аппроксимации, в частности, использует консонантные классы, слегка модифицированные с учётом специфических фонетических переходов (в частности, отмечается конвергенция между выбранными и боковыми сонантами *l*, *r* и дентальными смычными *t*, *d*, *d'*). Переходы между гласными ограничиваются переходами по одному признаку (например, по ряду или продвинутости корня языка). Кроме того, там, где тон релевантен для реконструкции, он также анализируется и восстанавли-

вается — впрочем, автор не указывает точную методику сравнительного анализа данных тонологии, отмечая, что она ещё не закреплена в сравнительно-исторических исследованиях. Наконец, отмечается, что при анализе фонетических соответствий активно используется типология фонетических переходов в языках мира. Метод ступенчатой реконструкции дополняется другими методами: методом выделения инноваций, а также, в меньшей степени, методом диахронической типологии.

Во второй части первой главы обосновывается принятая в работе синтаксическая классификация местоимений на субъектные, объектные, possessивные и независимые. Наиболее чётко эти серии различаются в банту, откуда и идёт традиция их выделения. При этом вне бенуэ-конголезской семьи выделение четырёх синтаксических серий встречается редко: серий может быть как меньше, вплоть до одной, как в языке дегема, так и больше, как, например, в языках манде, особенно в южной и юго-западной группах, где в одной субъектной позиции могут использоваться разные серии местоименных показателей, несущих, помимо значения лица и числа, также различные глагольные значения (эти серии автор называет морфологическими). Утверждается, что морфологические серии имеют однокоренное происхождение. Однако при выделении серий К.В.Бабаев не учитывает синтактико-морфологический статус местоименных показателей (аффикс, клитика, независимое местоимение), поскольку он не всегда указывается в описательных работах, а также, как справедливо отмечает автор, нередко подвергается диахроническим изменениям.

Далее описываются особенности показателей 3-го лица, которые могут иметь как местоименное происхождение, так и происходить из других единиц — классных маркеров или демонстративов. Наконец, автор характеризует диахронические процессы в системах личных показателей. Среди них есть как процессы, типичные для диахронических изменений вообще, а именно заимствование и сужение/расширение значения, так и процесс, специфичный для изменений внутри парадигмы, а именно изменение по аналогии, а также процесс, характеризующий грамматические единицы, которыми являются местоимения, а именно грамматикализация. Как уже было отмечено, местоимения реконструируются автором не как отдельные лексемы, а как парадигмы, поэтому учёт парадигматических изменений необходим для корректной реконструкции.

В главах 2—9 анализируются и реконструируются личные показатели в отдельных ветвях нигер-конго (бенуэ-конго, ква, гур, адамауа-убанги, кру, манде, атлантические). В главе 9 даются сведения о наименее изученных группах (иджо, догон, а также кордофанская ветвь). В каждой главе приводятся лингвогеографические сведения о языках, история изучения,

классификация, принятая на сегодняшний день, а также её спорные моменты. Упоминаются сравнительные работы по соответствующим языкам. В случаях, если местоименная система уже рассматривалась, автор подробно анализирует все различия в реконструкциях. На каждое значение парадигмы (1 л. ед. ч., 2 л. ед. ч. и т.п.) приводятся таблицы, у которых в строках указаны языки семьи, а в столбцах — четыре названных выше синтаксических класса (субъектные, объектные, притяжательные и независимые). Даются промежуточные реконструкции для групп языков. У языков манде приводится только итоговая реконструкция, без реконструкций групп (отдельно проанализированы только юго-западные манде). Кроме того, в каждой главе указываются все наблюдаемые инновации (выравнивание по аналогии, вытеснение местоимений плюральным суффиксом или классным показателем и т.п.). Наиболее интересный промежуточный вывод касается внутренней и внешней классификации атлантической семьи языков. Данные сравнения местоименных систем подтверждают точку зрения, выдвинутую ещё в 1960-х гг. У. Вильсоном и Д. Дэлби, что атлантические языки не представляют собой генетического объединения, хотя при этом их отнесение к нигер-конго представляется бесспорным.

В главе 10 реконструируется система местоимений протоязыка нигер-конго. Автор начинает с реконструкции ядра нигеро-конголезской семьи языков, которое он называет вольта-конголезскими языками и в которое, как уже было отмечено, входят языки бенуэ-конго, гур, ква, кру, адамауа и убанги. К вольта-конголезским языкам относятся также некоторые группы бывшей атлантической семьи языков, а именно южноатлантическая группа, группа бак и, возможно, некоторые другие. Затем реконструкция уровня вольта-конго сравнивается с реконструированными на предыдущем этапе системами наиболее древних ветвей нигер-конго: манде, иджоидной, догонской и кордофанской. Выясняется, что принадлежность иджоидной семьи и, с некоторыми оговорками, семьи манде к нигер-конго не подтверждается. В то же время местоимения в кордофанских и догонских языках имеют когнаты с вольта-конголезскими языками и даже некоторым образом способны модифицировать итоговую реконструкцию местоименной системы протоязыка нигер-конго. При этом основным итогом исследования является вывод о том, что соответствия между системами личных показателей в языках различных семей нигеро-конголезской макросемьи носят системный характер и не являются совпадением.

Достоверность любой реконструкции, даже самой аккуратной, обеспечивается только с определённой вероятностью, а в случае ступенчатой реконструкции вероятность умножается. Таким образом, исследователю необходимо обезопасить результаты от ошибок первого и второго рода: от

включения в нигеро-конголезскую семью языков, которые в эту семью не входят, и от исключения входящих в неё языков. Тот факт, что реконструкция даёт некоторые отрицательные результаты, а именно демонстрирует, что иджоидные языки и языки манде не входят в нигер-конго, является хорошим доводом в пользу её достоверности. При этом в части 3 главы 10 автор делает ещё один шаг — сравнивает результаты реконструкции с данными некоторых языков региона, которые причисляют к другим макросемьям, а именно языков сонгаи, центральносуданских, кадугли-кронго и чадских языков. Во всех случаях данные этих языков разительно отличаются от данных реконструкции местоименной системы нигер-конго, что также подтверждает её достоверность. Хотя, разумеется, приведённых данных недостаточно для полноценного внешнего сравнения, но этого и нельзя требовать от автора работы, поскольку иначе объём книги увеличился бы многократно.

Таким образом, в книге К.В.Бабаева содержатся база данных по местоименным системам 650 нигеро-конголезских языков, реконструкция местоименных систем протоязыка семей, а также самого протоязыка нигер-конго. Кроме того, сделаны хорошо обоснованные уточнения к классификации нигеро-конголезской макросемьи. Любая реконструкция является спорной, однако большое количество приведённого материала облегчает полемику и само по себе представляет бесспорную научную ценность.

Книга К.В.Бабаева не свободна от мелких недостатков. Так, неясно, почему в разделе, посвящённом языкам манде, автор не сделал отсылку на реконструкцию местоименных показателей в южных манде, имеющуюся в работе [1]. В ней, в частности, указывается, что «морфологические» серии (т.е. разновидности субъектных серий) не все происходят из одной-единственной серии в праязыке южной группы. Далее, на с. 65 анализируются местоименно-предикативные показатели (МПП), основным свойством которых (отличающим их от личных местоимений) является то, что они не обладают синтаксической автономностью. Необходимо отметить, что этот термин не общеупотребителен и был введён В.Ф.Выдриным [2] для описания субъектных маркеров в южных и юго-западных манде. Наконец, в работе по типологии личных показателей Д.Кресселя, на которую ссылается автор [3], классифицируются не предикативные, а местоименные маркеры, причём критерием классификации является не синтаксико-морфологический статус (связанная морфема, клитика, независимая словоформа), а обязательность присутствия в предложении и способность употребляться независимо от кореферентной именной группы в том же предложении.

Хотелось бы отметить свойство книги, не вполне связанное с её научными достоинствами, однако достаточно важное, а именно обилие любопытных деталей о «кухне» макрокомпаративиста, делающих чтение работы по сравнительно-историческому языкознанию захватывающим (в пределах возможного, разумеется). Так, об атлантических языках читатель узнаёт, что Т.Чайлдс считает их «мусорной корзиной» африканского языкознания. Кроме того, приводится пикантная подробность о «хамитской» языковой семье, что её состав автор теории К.Майнхоф обосновал такими показателями, как фенотипические черты «кавказской расы» говорящих на этих языках народов — или, по терминологии самого К.Майнхофа, позже вступившего в ряды НСДАП, «расы господ», — а также их скотоводческие навыки. Любопытно, что в результате в составе «хамитской» семьи Майнхофа оказались представители всех четырёх принятых сегодня макросемей языков Африки: фула, нама, маасаи и сомали.

Литература

1. Выдрин В.Ф. Личные местоимения в южных языках манде // Н.Н.Казанский (Ed.), *Acta linguistica petropolitana. Transactions of the institute for linguistic studies*. 2006. Vol. II.2. P. 333–419.
2. Выдрин В.Ф. Ещё раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // *Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп* / В.А.Виноградов (Ed.). М.: Academia, 2010. P. 385–400.
3. Creissels D. A typology of subject and object markers in African languages // Е.К.Е.Voelz (Ed.), *Studies in African linguistic typology*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 445–459.

А.Ю.Андреева*

**Кузнецов И.Н., Новохатко О.В.,
Шахова А.Д. Светское устройство
и архитектурное благоустройство
Переславля-Залесского в XVII веке.
М.: Памятники исторической мысли,
2014. — 594 с.: ил.****

Комплексное издание «Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке» стало одной из немногих публикаций, освещающих образ русского города, в котором, безусловно, живёт удивительное собрание самобытных памятников древнерусского зодчества, требующих изучения.

Структура издания интересна яркой индивидуальностью текстов каждого автора. Для понимания читателем самого термина «градостроительство» в контексте исторических событий расширена область описания и разъяснения управленческих структур города Переславля и его примечательных окрестностей (Усолье) в XVII в.

Сравнительный анализ управленческих традиций XVII в. и современности блестяще проведён И.Н.Кузнецовым. Исследование неразрывной связи культуры градостроительства (на примере Переславля-Залесского), истории архитектуры, устройства религиозного самосознания личности и общества Руси XVII в. проведено через ряд опорных точек истории церкви и её иерархов «от Иова до Гермогена до Иоакима и Адриана».

Собственно разделам об особенностях градостроения и хозяйствования Переславля-Залесского («Воеводское хозяйство» О.В.Новохатко и «К вопросу о градостроительной среде Переславля» А.Д.Шахова) предшествует географическое отступление И.Н.Кузнецова «Ликующее зодчество». Наличие такого расширенного введения позволяет читателю подготовиться к восприятию более фундаментальных текстов, раскрывающих городские архитектурные «тайны» Переславля-Залесского XVII в.

В части, посвящённой воеводскому хозяйству, подробно рассказывается о работе воеводского аппарата, его традициях, задачах и структуре.

Примечательно желание О.В.Новохатко показать управленческую историю «в лицах», репродуцируя гравюрные листы XVII в. из немецкой монографии, где изображены четыре персоналии в соответствующих их

* **Андреева Александра Юрьевна** — скульптор, искусствовед.

** Проект 14-04-16082д.

полномочиям одеждах (голец, секретарь и два посла). Весьма правдоподобно определяет автор месторасположение Воеводского двора в Переславле (таким ли оно было на самом деле, возможно, дадут ответ дальнейшие исследования), привязывая расположение этого объекта к церкви Петра Митрополита, великолепному памятнику шатрового зодчества. Помимо этого читателю предлагается достаточно подробная реконструкция застройки территории внутри Переславского Кремля и приводится занятая современная аналогия — посёлок Сокол в Москве. Анализ плюсов подобного градостроения происходит через ответ на вопрос, насколько та или иная система обращена к человеку лицом и не только удовлетворяет насущные бытовые потребности индивида, но и сопутствует душевному комфорту жителей.

Выводя отдельно фигуру Никиты Максимова сына Ведерницына и персонифицируя его домочадцев, публикуя икону из собрания Переславского музея-заповедника «Распятие» («Седьм таинств»), созданную талантливым переславским иконописцем Стефаном Казариновым в 1682 г. по заказу самого Ведерницына, автор осуществляет проекцию «истории в лицах». Внимание читателя обращается на клеймо с таинством венчания, выведенное отдельной жанровой сценой на позёме. Вот как описывает О.В.Новохатко сцену таинства брака: «Никита Максимович Ведерницын, которому, к тому времени, должно было быть около пятидесяти лет, женил своего сына Афанасия.

В иконе изображены священник, жених, невеста, дружка жениха и подруга невесты в нарядных одеждах на фоне городского пейзажа, который очень напоминает городские укрепления — высокие городские стены с двумя воротами, над одними из которых помещена башня, правда, по виду они каменные... Лица же других участников церемонии несомненно написаны реалистично — молодой, ещё без усов и бороды, кудрявый русоволосый жених с большими светлыми глазами, курносый, с маленьким ртом и широкими скулами; невеста, очевидно, темно-русская или брюнетка, с прямыми волосами, заплетёнными в косу, с широкими чёрными, почти сросшимися бровями и крупным носом с горбинкой» (с. 106).

Почему важно столь подробное описание визуального источника (иконы)? Это свидетельство живой истории живых людей XVII в. Одно дело читать про некоего отвлечённого воеводу и совсем другое — увидеть его чад и домочадцев, что называется, «в лицах». Второе, несомненно, куда более интересно для широкого читателя, и такие эпизоды в публикации расширяют её аудиторию многократно. Через разглядывание живописи и соотнесение изображения с описанием читатель начинает погружаться в очеловеченный мир русского XVII в., понимая, что всё это достаточно

близко к нему самому и начиная чувствовать собственную возможную сопричастность к персонам той эпохи. Самое важное, что может донести до читающего сообщества публикация, затрагивающая сферы истории и культуры его Родины, — это ощущение «продлённого» прошлого каждого из читателей и укрепление нравственных и национальных корней через раскрытие точек зрительных, документальных и объектированных (архитектурных памятников).

Подробное описание Переславской приказной избы основано на рассмотрении подобных ей строений. Вот как описывает образ интерьера автор текста: «XVII в. — эпоха жизнелюбия, когда ценили земную красоту во всем её великолепии — богатых форм, ярких, разнообразных расцветок. Поэтому приказы и приказные избы мало напоминали скучное, по нашим понятиям, государственное учреждение» (с. 115). Прочитав описание интерьера приказной и съезжей изб, можно себе представить практически все предметы интерьера, благо текст насыщен иллюстрациями с изображениями этих предметов. Исполнительный аппарат служилых государевых людей XVII в. в Переславле был многочисленен и весьма функционален. Рабочий день нижних чинов длился 10—12 часов.

Особое внимание уделено разделению Переславля на десятины — территориально-административные единицы. «В 1664 г. это были десятины Городовая (28 чел.), Песошня (21 чел.), Филипповская (20 чел.), Ильинская (58 чел.), Широкая от торгу (23 чел.), Веретинская (38 чел.), Положимолотовская (11 чел.) (в течение XVII в. число десятен несколько разнилось, но это не меняло в целом административно-военной системы города)» (с. 144).

Получив подробное описание особенностей каждой из десятен, читатель приходит к мысли, что средний русский город XVII в. был разумно организованным и административно сбалансированным общественным пространством. Чтобы представить возможности этого города к самообороне, автор приводит описание «боевых единиц», которыми располагали горожане, а также методов их применения. Действительно, прочитав в Сметной книге «Васка Родионов с сыном Богдашкой з бердышем», трудно представить, что это была за боевая единица. Бердыш в умелых руках был очень эффективен, так как им можно охватывать большой радиус боя, причём возможности этого боевого топора позволяли работать им в разных плоскостях, рубить и колоть. Так что даже один, но умелый «Васка с бердышем» как защитник своего города дорогого стоил.

Интересные факты можно вычитать и о приёмных «паненках» — литовских, белорусских и польских сиротах, которых взяли на воспитание в переславские семьи после событий Смутного времени. Занятно замечание:

«Впрочем, Переславль с самого основания стал “мультинациональным” городом — сначала здесь смешались угро-финны (меря) и славяне, затем первые его князья, особенно Юрий Долгорукий, широко приглашали в него переселенцев — галичан, венгров, новгородцев, киевлян». Таким образом, с момента «переняше славу» Переславль-Залесский становится интереснейшим мультикультурным «котлом» в сердце Залесья, окружённым глухими лесами и болотами.

Представители одного социального круга как в XVII в., так и в наши дни предпочитали селиться обособленными группами. Таким образом, управленцы образовали свою маленькую «колонию» в переславском поселении. Подробнейшим образом автор описывает значение, конструкцию и необходимость городских валов Переславля. На примере раскрытия этой темы можно проводить аналогии с прочими оборонительными сооружениями Руси этого периода.

Отдельный блок книги посвящён Усолю — Государевым соляным варницам. Публикацию двух чертежей государевых соляных Переславских заводов (16—17 гг. XVII в.) сложно переоценить, так как это максимально достоверный визуальный источник из дошедших до нас. Резюмирует О.В.Новохатко свою часть книги тем, что «именно такая форма управления (даже принимая во внимание все её недостатки) благодаря системе противовесов, балансу между централизующей ролью центра, государства и самоуправления на местах была гибкой, адаптивной, способной быстро реагировать на постоянно меняющиеся обстоятельства городской и уездной жизни и позволяла на разных уровнях решать маленькие и большие задачи каждого дня» (с. 223).

Следующая часть книги, автором которой является А.Д.Шахова, посвящена истории градостроительной среды Переславля-Залесского с момента его основания и на протяжении XVII в. Разъясняя структуру городского поселения в эпоху Средневековья и позднее, автор делает акцент на оборонительной функции города. Как же выглядел Переславский кремль? «Стены были “рублены в две стены” и покрыты тёмом. Такой тип крепостной ограды распространился на Руси в XV в. и назывался “тараса”... Переславский кремль имел 12 башен, три из которых были проездными и девять — глухими» (с. 232).

Город обеспечивался водой из колодца, устроенного в Тайницкой башне. Планировка улиц напрямую зависела от путей сообщения, на которых был основан Переславль. Строительство приходских храмов было непосредственно связано с развитием Переславского посада. Архитектурный облик Переславля — ввиду сложившихся обстоятельств — был в XVII в. очень «многослойным» и включал большой блок различного ар-

хитектурного наследия от XII до XVII в. Автор резюмирует своё исследование выводом о необходимости сохранения единой исторической архитектурно-градостроительной среды, которая и создаёт индивидуальное лицо города.

И.Н.Кузнецов в разделе «Деревянное и каменное» рассказывает о стимулирующих аспектах появления того или иного архитектурного памятника и донаторах, этому способствовавших. Придавая значение иосифлянской тенденции развития монастырского хозяйства, автор раскрывает тему возникновения автономных монастырских образований в градостроительной среде Переславля, этаких полновесных проекций града небесного на нашу грешную землю. Интересно для читателя узнать о таких персонах, как Григорий (Иван) Неронов и Иван Петрович Барятинский, об их вкладе в архитектурное и культурное наследие Переславля. Отдельный блок текста посвящён дворцу Барятинского в Троице-Даниловом монастыре, уникальному памятнику светской архитектуры XVII в. Также исследование не обходит вниманием Феодоровский и Никитский монастыри, анализируя их архитектурную и событийную историю.

Несомненным достоинством книги «Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII в.» является большое число прекрасных фотографий, которые иллюстрируют опубликованный материал и позволяют искущённому читателю погрузиться в визуализацию достоинств русской архитектуры XVII в., кропотливой детализировки её декора, осмысленного проектирования и живой пластики форм.

Для профессионалов и просто интересующихся градостроительной историей будет полезно ознакомиться с приложениями: Сметными книгами, Росписными списками, Городскими планами XVIII в., Досмотром церковной казанской земле и Списком воевод Переславля-Залесского. Изучение этих источников может быть полезно и для понимания общей исторической картины, и как материал для последующих изысканий. Публикация этих источников значительно облегчает их изучение.

В заключение добавим, что рецензируемая книга вносит значительный вклад в изучение истории русской архитектуры и событийной истории традиционного управления Руси в XVII в. На данный момент это издание не имеет полновесных аналогов, если касаться именно Переславля-Залесского. Также важно, что иллюстративная часть книги сделана со вкусом и на высоком полиграфическом уровне.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

ОБЪЯВЛЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ РГНФ — ШВЕЙЦАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Российский гуманитарный научный фонд и Швейцарский национальный научный фонд (ШННФ) в соответствии с заключённым между ними соглашением проводят международный конкурс совместных научных исследований в области гуманитарных и общественных наук на 2016 г. по следующим основным научным направлениям:

01 — история; археология; этнография;

03 — философия; социология; политология; правоведение; науковедение;

04 — филология; искусствоведение.

На конкурс принимаются заявки по совместным проектам проведения научных исследований, выполняемые научными коллективами, — тип проекта — «а» (обозначение в ИС РГНФ — «а(м)»).

Срок выполнения проекта проведения научных исследований — 1, 2 или 3 календарных года.

Условия конкурса

Подача заявок на конкурс производится в следующем порядке:

1. Российские и швейцарские участники проекта предварительно согласовывают между собой научный план совместной работы.

2. Российские учёные направляют заявки в РГНФ (на русском языке и по установленным формам РГНФ. Срок подачи — со 2 февраля до 30 апреля 2015 г.), а швейцарские учёные — в ШННФ (по установленным формам ШННФ). Состав участников, название, ключевые слова, основные формулировки в обоих вариантах должны быть идентичными.

3. Рассматриваются только заявки, поданные параллельно в РГНФ и ШННФ.

4. Российские участники должны предоставить в РГНФ номер заявки швейцарских участников, поданной в ШННФ.

Подведение итогов конкурса планируется в ноябре 2015 г.

Внимание!

К рассмотрению будут приниматься только заявки, подготовленные с помощью Информационной системы РГНФ (далее — ИС РГНФ, адрес — <http://grant.rfh.ru/personal> или <http://grant.rfh.ru/>).

Правила оформления заявок, место подачи заявок, общие правила проведения конкурсов РГНФ, правила проведения экспертизы заявок, критерии определения размеров грантов, правила подведения итогов конкурсов РГНФ и условия реализации поддержанных проектов указаны в соответствующих разделах Основного объявления о конкурсах Российского гуманитарного научного фонда 2015 г.

Сроки подачи заявок

РГНФ устанавливает следующие сроки подачи заявок (печатных и электронных версий) российских участников конкурса РГНФ—ШННФ 2016 г.:

— начало оформления заявок в ИС РГНФ — **2 февраля 2015 г.**;

— окончание регистрации заявок в электронном виде в ИС РГНФ — **30 апреля 2015 г. до 16.00 по московскому времени.**

В целях своевременной подачи заявок на конкурсы Фонд рекомендует заблаговременно направлять подготовленные заявки в электронном виде на регистрацию.

В целях оказания консультационной помощи при подготовке заявок на сайте РГНФ размещены ответы на часто задаваемые вопросы грантозаявителей. Перед подготовкой заявки рекомендуем ознакомиться с представленными материалами.

Телефон для справок: по общим вопросам (499) 702-85-82.

e-mail: fond@rfh.ru.

веб-сайт: www.rfh.ru.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

РГНФ — DFG: сотрудничество укрепляется

Начало сотрудничеству РГНФ и Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG) было положено 31 октября 2005 г., когда руководители фондов подписали Соглашение, согласно которому с 2006 г. стали проводиться совместные конкурсы научных проектов.

Немецкое научно-исследовательское сообщество (фото 1) существует уже свыше 90 лет. Предшественником нынешнего DFG было Общество помощи немецкой науке, основанное в 1920 г. С самого начала основная деятельность этого Общества заключалась в поддержке выдающихся учёных и исследовательских проектов. Сегодня DFG представляет собой отлаженную систему финансирования научных исследований в Германии и является признанным авторитетом в стране и за её пределами.

Фото 1. Немецкое научно-исследовательское сообщество (Бонн)

Осенью 2014 г. развитие сотрудничества между двумя фондами получило новый импульс: на встрече в РГНФ, в которой приняли участие председатель совета РГНФ В.Н.Фридлянов, заместитель начальника Управления гуманитарных наук А.А.Мальшев, советник Управления организации конкурсов и внешних связей Я.В.Смирнова и со стороны DFG нынешний глава Представительства в России/СНГ д-р Й.Ахтенберг и директор программ Торстен Фишер, а также представитель комитета по Новой и Новейшей истории DFG профессор М.Шульце Вессель, было достигнуто соглашение об участии представителей близких профильных структур в соответствующих заседаниях по проведению конкурса 2015 г. А уже 16 января 2015 г. вышеуказанные представители DFG вместе с представителями комитета DFG по истории профессором М.Шульце Весселем приняли участие в работе Экспертного совета РГНФ по истории, археологии и этнографии, которое вела заместитель председателя совета проф. В.И.Уколова.

С 24 по 30 января 2015 г. состоялась командировка заместителя начальника Управления гуманитарных наук А.А.Мальшева в Германию. В ходе поездки был организован целый ряд встреч с руководителями Евразийского отделения Немецкого археологического института доктором С.Хансеном (Берлин) (фото 2), профессором Боннского университета Д.Дальманном (Бонн) (фото 3), руководителем отдела международного сотрудничества DFG доктором Й.Шнайдером (Бонн). На встречах обсуждались вопросы сотрудничества в гуманитарных и общественных науках. Одним из новых направлений сотрудничества двух фондов станет совместное проведение в России лекций лауреатов премии имени Лейбница, ежегодно присуждаемой DFG за выдающиеся научные исследования в различных областях. Также немецкая сторона была проинформирована о ходе реализации исследовательских, издательских и экспедиционных программ РГНФ.

По приглашению принимающей стороны 28–29 января А.А.Мальшев принял участие в работе конференции «Европа в первую зиму Первой мировой войны» (*Europa im ersten Kriegswinter*), которая была организована фондом «Дом истории Федеративной Республики Германия» (Бонн).

30 января 2015 г. в Научно-исследовательском сообществе (Бонн) состоялось заседание комитета DFG по Новой и Новейшей истории, где были подведены итоги экспертизы заявок по профильной тематике. На заседание был приглашён заместитель начальника Управления гуманитарных наук А.А.Мальшев, который вместе с доктором Т.Фишером проинформировал о результатах работы Экспертного совета по истории, археологии и этнографии РГНФ в середине января с участием представителей DFG.

Фото 2. Руководитель Евразийского отделения Немецкого археологического института доктор С.Хансен (в центре) и его коллеги

Фото 3. Руководитель отделения Восточноевропейской истории Боннского университета профессор Д.Дальманн (слева)

Фото 4. Участники заседания комитета DFG по Новой и Новейшей истории (Бонн) (слева направо): глава Представительства DFG в России/СНГ д-р Й.Ахтенберг, член комитета DFG по Новой и Новейшей истории профессор М.Шульце Вессель, заместитель начальника Управления гуманитарных наук А.А.Малышев, председатель комитета DFG по Новой и Новейшей истории профессор А.Шильдт, директоры программ группы «Гуманитарные и общественные науки» DFG доктор Г.Ламмерс и доктор Т.Фишер

В ходе заседания состоялся обмен мнениями по процедурным и тематическим вопросам. Свидетельством доверительных отношений между фондами является факт заблаговременного предоставления рабочих материалов, что, в свою очередь, позволило эффективно провести оба заседания в Москве и Бонне.

*Я.В.Смирнова**

Российско-Тайваньский симпозиум по гуманитарным и общественным наукам

14–17 ноября 2014 г. в столице Тайваня г. Тайбэе проходил совместный Российско-Тайваньский симпозиум по гуманитарным и общественным наукам. Мероприятие, посвящённое перспективам сотрудничества российских и тайваньских учёных, было организовано Тайваньским образовательным центром (Национальный университет Ченджи) (фото 1), Национальным тайваньским университетом при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства науки и технологии Тайваня (MOST).

Фото 1. Одно из зданий Национального университета Ченджи, где располагаются Колледж общественных наук и Колледж международных отношений

* **Смирнова Яна Валерьевна** — кандидат химических наук, советник Управления организации конкурсов и внешних связей РГНФ.

На церемонии открытия (фото 2) с приветственным словом выступили заместитель председателя совета РГНФ член-корреспондент РАН Ю.Л.Воротников, декан факультета дипломатии Национального университета Ченджи проф. Минь Ли (фото 3), заместитель генерального директора по международному сотрудничеству MOST д-р Джонатан Ши. Россию представляли специалисты из Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, Московского государственного института международных отношений, Дальневосточного федерального университета.

Фото 2. Российские и тайваньские участники симпозиума на церемонии открытия

Фото 3. Выступление профессора Минь Ли, декана факультета дипломатии Национального университета Ченджи

В рамках симпозиума была организована работа пяти секций по следующим направлениям: «Экономика здоровья и управление здравоохранением», «Иммиграция и этические отношения: локальные и глобальные аспекты», «Проблема поколений и семейные отношения в стареющем обществе», «Финансовый рынок и нормативные документы», «Меняющийся баланс сил в Восточной Азии».

Российские и тайваньские учёные выступили с очень интересными и обстоятельными докладами, вызвавшими оживлённые дискуссии, в ходе которых специалисты обеих стран смогли обменяться мнениями по волнующим их актуальным проблемам, а также обсудить перспективы научного сотрудничества и тематики предполагаемых научно-исследовательских проектов в рамках совместного конкурса РГНФ — Министерство науки и технологии Тайваня (MOST). На церемонии закрытия участники симпозиума сердечно поблагодарили организаторов за подготовку мероприятия на высоком уровне, а также высказали пожелание проводить подобные мероприятия на регулярной основе.

CONTENTS

TRIBUTE TO THE 70TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

<i>Sorokin A.K.</i> At Victory's Headquarters. On the USSR's government institutions during the Great Patriotic War	7
<i>Senyavskaya E.S., Senyavsky A.S.</i> Liberating mission of the Red Army in Europe in 1944-1945: topical and insufficiently explored problems	25
<i>Buranok S.O., Levin Ya.A.</i> Image of Victory over Germany in the English-language press	37
<i>Kolodnikova L.P.</i> History lesson of the Soviet-Finnish armed confrontation in 1930-1940	50
<i>Emelyanova T.P.</i> Perception of the Great Patriotic War in the collective memory	61

WHAT ARE RHF CONTEST WINNERS WORKING AT

Historical Sciences

<i>Kantorovich A.R., Maslov V.E., Erlikh V.R.</i> Controversial issues of Archaic Scythia chronology	73
<i>Eneeva N.T.</i> The role of the Russian Orthodox diaspora of 1917–1939 in the history of the Russian Orthodox Church and Russia	83

Economics

<i>Solovieva S.V.</i> Antiinflationary orientation of the monetary policy and ways of overcoming stagflation	95
<i>Malikova O.I., Khovavko I.Yu.</i> Oil price changes in the world market: risks and opportunities for the Russian economy	106

Philosophy. Sociology. Political Science. Law

<i>Maslin M.A.</i> Philosophical Russian studies overseas	119
---	-----

Philology. Art Criticism

<i>Gheneralova N.P., Lukina V.A.</i> A Chronicle History of the Life and Work of I.S. Turgenyev (1859–1866)	132
<i>Kustova G.I.</i> Semantic mechanisms of grammatical changes: theoretics and lexicon	144

Complex Human Study. Psychology. Pedagogy

<i>Kuftyak E.V.</i> Coping behavior of spouses in the context of family stability	154
---	-----

- Polyakov S.D., Semikasheva I.A., Stryukova G.A.* Daily activities
of a modern instructor: interdisciplinary research expertise 165

FIELD RESEARCH

- Sedov V.I.V.* Archaeological finds of 2014 in the St. George Cathedral
of Yuriev monastery 175
- Koshchienko I.V.* The scientific restoration of unique manuscript monuments
of Russian literature and artifacts from the holdings of Manuscript Department
of Russian Literature Institute, Russian Academy of Sciences 186
- Brezhneva I.V.* The scientific restoration of rare editions and manuscript stock
of Taneev Research Music Library of the Moscow State Conservatory named
after P.I. Tchaikovsky 197

CONFERENCES. CONGRESSES. SYMPOSIA

- Shveykovskaya E.N.* The XXXIV Session of the International Symposium
on the problems of agrarian history of Eastern Europe «Fiscal policy
and tax-homage practices in the agrarian history of Russia
of the X–XXI centuries» (Samara, September 22–26, 2014) 204
- Andreenkov S.N., Dashinamzhilov O.B.* All-Russian Scientific Conference
«Problems of agricultural and demographic development of Siberia in the XX
and in the early XXI century» (Novosibirsk, October 20–22, 2014) 213
- Aronov D.V.* All-Russian Scientific Conference «Imperial and monarchical
constituent of liberal ideology» (Oryol, September 25–26, 2014) 218
- Sitdikov A.G., Abdullin Kh.M., Devlet E.G.* The IV (XX) All-Russian
Archeological Congress (Kazan, October 21–25, 2014) 223
- Dokholyan S.V., Petrosyants V.Z.* The V All-Russian Research and Practice
Conference «Regional problems of economic conversion: integration processes
and mechanisms of forming and realizing the socio-economic policy of sustainable
development» (Makhachkala, October 14–15, 2014) 229
- Anfinoghentova A.A., Yakovenko N.A.* International Scientific Conference
«Socio-economic priorities of food security amid Russia's membership
in the World Trade Organization» (Saratov, October 28–30, 2014) 234
- Shubnikova-Guseva N.I.* International Scientific Conference «Chronicle History
of the Life and Work of S.A. Yesenin as a source of personal encyclopedia»
(Moscow, Ryazan, Konstantinovo, September 25–27, 2014) 241
- Lobkova G.V.* All-Russian Scientific Conference «Folkloric traditions of the North
and North West Russia: area study in the context of ethnocultural
inter-linkages within the framework of the Year of Culture in the
Russian Federation» (St. Petersburg, September 27–30, 2014) 248

<i>Denisenko V.N., Krasina E.A., Novikova M.L.</i> International Scientific Conference «The IV Readings from Novikov: functional semantics and sign system semiotics» (Moscow, October 28–30, 2014)	254
<i>Salaev B.K.</i> International Scientific Conference «Current problems of modern Mongolian Studies and Altaic studies», dedicated to the 75th birth anniversary and the 55th anniversary of the educational research work of Professor V.I.Rassadin (Elista, November 10–13, 2014)	258
<i>Naumenko T.I.</i> International Scientific Conference «Musical science in the XXI century: ways and research» (Moscow, October 14–17, 2014)	261
<i>Melnikov I.V.</i> International Conference «Orthodox Church of the Transfiguration: 300 years at Onega soil» (Petrozavodsk, September 3–5, 2014)	267

THE RFH BOOK WORLD

<i>Florinsky M.F.</i> — At the turn of epochs: contribution by S.Yu.Witte into the development of the Russian statehood. Research and publications: In 2 volumes. Vol. 2: S.Yu.Witte and his contemporaries. St. Petersburg.: Liki Rossii, 2014. — 560 pages; with illustrations	270
<i>Chekantseva Z.A.</i> — Ideas and people. European intellectual culture in modern history/ Under editorship of L.P. Repina. Moscow: Aquilon, 2014. — 848 pages (Images of History)	275
<i>Khachaturyan M.L.</i> — Babaev K.V. Nigero-Congo protolanguage. Personal pronouns. M.: Languages of the Slavic Culture, 2013. — 608 pages	281
<i>Andreeva A.Yu.</i> — Kuznetsov I.N., Novokhatko O.V., Shakhova A.D. The secular society and architectural improvement of the city of Pereslavl-Zaleski in the XVII century. M.: «Monuments of Historical Thinking» Publishers, 2014. — 594 pages; with illustrations	287

OFFICIAL DEPARTMENT

Announcement of the international competition of RHF — Swiss National Science Foundation	292
--	-----

INTERNATIONAL COOPERATION

RHF — DFG: cooperation is being strengthened	294
<i>Smirnova Ya.V.</i> Russia—Taiwan Symposium on the humanitarian and social sciences	298
Contents.	301

ВЕСТНИК
Российского гуманитарного научного фонда
2015, № 1 (78)

Адрес редакции: 123557, Москва, ул. Пресненский вал, д. 17.
Тел.: (499) 702-85-76
E-mail: info@rffh.ru
<http://www.rffh.ru>

Технический редактор К.О.Исаченко
Корректор В.Г.Быстров

Свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.06.2002 о регистрации в Минпечати РФ

Подписано в печать 10.03.2015. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 24,6. Уч.-изд.л. 18,0
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 1023-15

Напечатано в ООО «Тверской Печатный Двор»,
170518, Тверь, с. Никольское, д. 26.

